

84P7(2P-4Ker)

0-38

ОГНИ КУЗБАССА

ИЗДАНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ КУЗБАССА

В НОМЕРЕ:

- ✱ Владимир Мазаев. **Великий русский путь в Сибирь, или Подальше от царей — голова целей**
- ✱ **Поэзия:** Александр Паршуков, Александр Хохлов, Олег Максимов, Валерий Казаков, Элеонора Акопова
- ✱ **Проза:** Сергей Подгорнов, Виктор Арнаутов, Владимир Шумилов
- ✱ **Заметки бывшего мэра города Кемерово Германа Веселова**
- ✱ **Литературная студия "Притомье"**
- ✱ **Светлица**
- ✱ **Православные чтения**

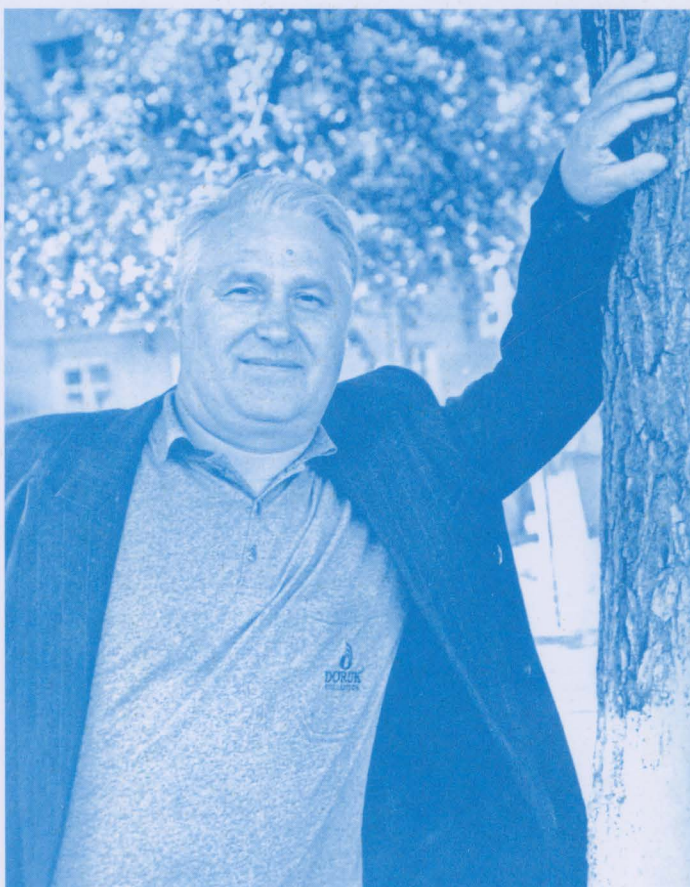
ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ ЮБИЛЯРОВ!

Старейшему поэту
из Кемерово
Анатолию Михайловичу
Козлову
исполнилось 85 лет

Известному сибирскому поэту
Борису Бурмистрову — 55 лет.
Свой юбилей он отметил прекрасной
публикацией в журнале “Наш
современник” и выходом новой
книги стихов “День зимнего
солнцестояния”

Виталию Крекову исполнилось 55 лет.
Божьей милостью поэт продолжает
радовать нас самобытным, неповторимым
своим талантом

Главн
В. М.

Ответ
С. Л.

Редко
Б. В.
В. В.
А. И.
Ю. А.
В. М.
В. В.
Л. А.
Г. Е. К.

Худож
В. П.

Рукопис
не реце
и не воз

Адрес р
650099,
Советск
Телефо

Альманах
зарегист
регионал
по защит
и средств

Свидетел
от 3 авгу

ОВ!

кр (150)

186898

8497(2Р-4Кем)
0-38

ИЗДАНИЕ
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
КУЗБАССА

ОГНИ КУЗБАССА

№ 2
2001 г.

Главный редактор
В. М. БАЯНОВ

Ответственный секретарь
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:
Б. В. БУРМИСТРОВ,
В. В. ИВАНОВ,
А. И. КАТКОВ,
Ю. А. ЛАВРЯШИНА,
В. М. МАЗАЕВ,
В. В. МАХАЛОВ,
Л. А. НИКОНОВА,
Г. Е. ЮРОВ

Художник
В. П. КРАВЧУК

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции:
650099, г. Кемерово,
Советский проспект, 40.
Телефон 36-85-14.

Альманах «Огни Кузбасса»
зарегистрирован Омской
региональной инспекцией
по защите свободы печати
и средств массовой информации.

Свидетельство № Г-0659
от 3 августа 1995 года.

АЛЬМАНАХ ВЫХОДИТ
БЛАГОДАРЯ ПОДДЕРЖКЕ
КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
И НАЛОГОВОЙ ПОЛИЦИИ КУЗБАССА

БОЙТЕСЬ ЛЖЕУЧИТЕЛЕЙ

В своих трех посланиях Иоанн Богослов предостерегает от антихристов, от лжеучителей и от людей злонамеренных, тем самым предостерегает нас от полного нравственного падения.

В конце XX — начале XXI вв. как никогда обострились проблемы духовного развития человека.

На чем сегодня основано воспитание деток наших, чему мы их учим, каким учителям мы доверяем их? Воспитывая ум, не забываем ли мы о душе? Какая светская литература дает правильные представления о бытии нашем? Мне думается, все эти вопросы должны рассматриваться с точки зрения православия. Других ориентиров просто нет в нашей истории. А нам нужно сегодня почувствовать сопричастность со своим великим прошлым, с великой культурой России.

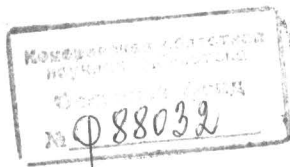
Иоанновские православные чтения, посвященные Иоанну Богослову — апостолу и евангелисту, как раз и рассматривают вопросы духовного развития личности. Уже в третий раз они проходят в г. Кемерове при поддержке и благословении владыки Софония — архиепископа Кемеровского и Новокузнецкого.

Писатели постоянно участвуют в духовных семинарах, в иоанновских православных чтениях — ибо сказано архиепископом Иоанном Сан-Францисским (Шаховской) — «поэзия есть источник души, поэзия есть помощница молитвы». И далее он же говорит:

*Никуда мы не денемся
Из бедной своей пустыни.
Люди, жалеете младенцев,
Вы были когда-то ими...*

Все желают добра детям. И мир ребенка может стать тем общим полем, на котором встретятся потоки православной духовной культуры и культуры светской. Попытку навести мостик между ними мы сегодня и предпринимаем, открывая в нашем журнале рубрику «Православные чтения».

Б. БУРМИСТРОВ

Владимир

ПОДА
ГОЛОВ

В каких
чинаем б
шное? В и

Да ко
сотрясат
И человек
щего ана
ответа на
Мы в это
венькое?»

Откуда
Осмел
родимая
ницы рус
Смутным

Страш
В нача

ким писат
зволил се
Этого был
и надолго

Беглы
смерть го
невинная
нов; разгу

«А дон
стями и д
стве боль
чернецы,
мужей, де
жен таили
ви пролил
других ка
всеми до
таких бед

Далее
завшееся
Батыева
и вселен

«собаки н
Близки
в чем — с

Поист

Владимир МАЗАЕВ

ПОДАЛЬШЕ ОТ ЦАРЕЙ — ГОЛОВА ЦЕЛЕЙ?

В какие моменты общественной жизни мы начинаем беспокойно всматриваться в свое прошлое? В историю своей земли?

Да когда землю эту начинает что-нибудь сотрясать. Какое-нибудь очередное трясение. И человек невольно оглядывается, ищет утешающего аналога. Или — хотя бы! — маломальского ответа на сакраментальный вопрос: «Сто чертей! Мы в этой яме уже бывали или это что-то новенькое?»

Откуда есть пошла наша Сибирь?

Осмелюсь ненаучно утверждать: Сибирь наша родимая пошла от Смуты. От той горестной страницы русской истории, которую народ окрестил Смутным временем. Это рубеж XVI—XVII веков.

Страшными были его плоды.

В начале 30-х годов Сталин в беседе с немецким писателем Людвигом об этой «странице» позволил себе высочайше избежать слова «смута». Этого было достаточно, чтобы термин сей напроочь и надолго выпал из трудов советских историков.

Беглым пунктиром — события Смутных лет: смерть государя-тирана Грозного; «великая кровь невинная» мальчика Дмитрия; трагический Годунов; разгул доносительства.

«А доносчиков царь Борис жаловал много, поместьями и деньгами. И от таких доносов была в царстве большая Смута: доносили друг на друга попы, чернецы, пономари, просвирни, жены доносили на мужей, дети — на отцов, от такого ужаса мужья от жен таились, и в этих окаянных доносах много крови пролилось невинной, многие от пыток померли, других казнили, иных по тюрьмам разослали и со всеми домами разорили — ни при одном государе таких бед никто не видал» (историк Соловьев).

Далее — интервенция. Явление Самозванца, оказавшееся, по замечанию Карамзина, «ужаснее Батыева нашествия». Годы жестоких неурожаев и вселенский голод, мертвых на улицах и дорогах «собаки не поедали»...

Близки параллели с деяниями сталинщины. Кое в чем — фатально близки.

Поистине в адский котел несчастий низверг-

лась Русь на переломе столетий. Мерещилось, грядет конец света, Армагеддон.

Куда замордованному люду податься? А — исходом на восток, за Камень. По свежему удачливому следу Ермака и рожденных им легенд.

Туда, где, по слухам, — ни межи, ни помещика!..

Придя в Сибирь, колонист-россиянин странств ее не завоевывал в прямом смысле слова. Сибирские коренные племена не были истреблены, как это случилось с американскими индейцами или тасманийцами. Они сохранили свой уклад, свой язык, свою численность. А многие за триста лет даже выросли. К примеру, якуты — в три раза.

Он шел и шел, балдея от простора, упиваясь им, страдая от него. Шел — на колесах и верхом, плыл на веслах и шестах, брел на лыжах, тянулся с берега лямкой, «бечевой», бежал парусом, ковылял на своих двоих.

Проклиная оставленную за плечами неласковую мать-Расею и тоскуя по ней.

Куда так настырно шел-то? А за туманом...

Его, вечного холопа и безземельца, пришедшего со своих монотонных равнин, манил горизонт, озера неоглядные, загадочные, реки великие, дебрь плодovitая, сказочное Беловодье с молочными реками в кисельных берегах, Восточный океан.

Манила сладко «воля».

Шел-шел и остановился — в глубокой озадаченности! — ажник на заокеанской Аляске, то бишь на краю света. И даже дальше! В Калифорнии до сих пор сохранился Форт-Росс. В каких-нибудь ста верстах от современного Сан-Франциско. Не слабо?..

Эта страсть — неутолимая, сродни наркотической — не столько всматриваться в землю, которая под ногами, сколько мечтать о той, что за горизонтом, в сладком мареве миражей и слухов, — становилась почти что чертой характера.

Трудно, согласимся, одолевая за далью даль, заниматься обустройством дома, земли, терпеливо и усидчиво овладевать культурой обработки. Еще ежели земля не твоя кровная, а государева (частной собственности на землю в Сибири как не было, так, по сути, и нет). Он и не овладевал шибко-то. Запахивал земли много, но небрежно. Душили сорняки, зерно вырождалось. Урожай в 7—8 центнеров с десятины (гектара) считался неплохим.

Истоцилось поле, задавили вконец сорняки — плюнул в досаде, вспахал новое, вон до того куста!

Удобрять? Еще чего! Всю долгую зиму угрюмо

вывозил навоз на речной лед. По весне все это добро запашисто и весело плыло в безбрежье Ледовитого моря.

Теплых дворов скотине не строил, бедная зябла, продуктивность ее была ниже некуда. В алтайских малоснежных предгорьях крупный скот вообще зимовал «в логах», добывая себе корм из-под копыта, на манер северных оленей.

Отсутствовало (как бы это потоньше сказать?) сопротивление материала, какое приходилось одолевать обиженному природой европейцу. Или еще более обиженному на голом камушке — посереде соленой воды! — японцу.

Своими «дарами», головокружительными просторами Сибирь-матушка развращала, давно известно. Одарила для начала госказну дешевой пушницей. Дешевой — по затратам: обежал стойбища, собрал, выслал. Получил высочайший втык: мало! Побежал снова. Судя по годовым отчетам воевод по отсылке «мягкой рухляди», большие деньги складывались, прямо-таки разбойничьи. Вконец отощавшая за годы Смуты и позднее, московская казна стала раздуваться, как клоп.

Но пушнина незаметно как-то иссякла, счастья сибирякам не прибавила.

Унялась пушная лихорадка, вспыхнула золотая. Причем лет на полста раньше, чем на знаменитом канадском Клондайке (и была, кстати, не менее добычлива).

Первым серьезным золотом Российской империи стала наша сибирская Мартайга. И опять же золотом до смешного дешевым, так как изымался драгметалл лишь из верхнего слоя россыпей. А это, как ни крути, браконьерство, причем в особо крупных масштабах, ибо треть золота уходила в отвалы.

Районы золотых промыслов, как и пушных, всегда были отдаленными медвежьими углами, контролю поддавались дохло. Рядом же с великим богатством — завсегда тенью коршуна великий соблазн: украсть, обмануть, погреть руки, объехать на кривой, а то и просто — трахнуть по башке более старательного и фартового. Ген этот сатанинский, живучий, проклятый врастал в людскую кровь-водицу мертво, как стронций.

Драма невозобновляемого ресурса в том, что он рано или поздно кончается. Кончилось и халявное золото.

И обратно Сибирь сидит в приздюме, а счастья нет, в натуре...

От чего еще можно дешево, но сердито заиметь навар? А поднять целинные земли, вздыбить миллионы гектаров — махом! Лет шесть или семь степь южносибирская безбрежная засыпала страну золотым зерном, а страна — энтузиастов-целинников — орденами и медалями, «за освоение».

Потом грянули черные бури...

И — новый допинг: нефть. Вернее — нефтедоллары. Под кавалерийский клич «даешь!» Быстрее и больше. Пока пласты держат давление, а жилые времянки добытчиков не завалились. Позже потребуются подкачка пластов «по науке», другая рутинная работа, затраты на социальную сферу, это не наш путь.

Оставив позади разливаемые лывы нефти, а в глубинах — невыкачанные пласты — верхний-то «золотой» слой снят! — вспашем поодаль новое нефтеполе, эвон до той Губы. Север сибирский — он бескрайний, я тебе его дарю...

Так вот, с Божьей помощью, а скорее всего, без оной, и выкатался характер, если хотите — стиль обустройства.

Времена сменялись безвременьем. Менялся уклад, идеологические приоритеты, менялись правительства, а стиль этот только креп и матерел. Вспомним — ну хотя бы БАМ, «покорение» могучего Енисея, дичайший проект поворота сибирских рек на юг, концентрацию в зауральских даях объектов тяжелой промышленности, вреднейших производств, прогрызающих смертельные дыры в озоновом куполе Сибири...

Конечно же, сегодня мы и мыслим иначе, и говорим иначе. И страну Лимонию ежли и высматриваем из-под ладони, то не на востоке, как некогда Беловодье, а совсем наоборот. И за туманом, увы, отъездили. Однако мы — те же, те же... Ну разве что до ветру не ходим за баню и деньги не прячем в рот...

Земля сибирская, к своему великому несчастью, фантастически богата, это тоже всем известно, до изжоги. Долго ли еще нам суждено жить с этим печальным парадоксом?

— Господи, — сказала в разговоре «за жизнь» одна глубоко верующая тихая женщина, — как мы трудно живем и как нам все еще не хватает страдания...

г. Кемерово

Александр ПА

НО ВСЕ ЖЕ ЛЮДСКОЕ

ВЕСНА

В деревьях на
Пронзив их сл
Скворцы поют
Весна бурлит н

В такой бы час
К воде уйти, з
Но жизнь гнет
От нищеты, ша

В краю, где не
Работы нет, не
Бастуют шахты
Но все жирней

Паны пируют
Под каждым «
А мы «на дачи
В автобусах, с

Ядрен первач,
Летит в обрыв
Чем больше д
И взгляды ярс

Весна, весна,
Инфляция, ка
И я в окно шв
— Я сам живу

Часу в че
Сумерки
Вернули
Чтоб пом
Так надо
Сипела о
И над го
Дождя и
Никли си
На тризн
С вечной
Вздыхая

Александр ПАРШУКОВ

НО ВСЕ ЖИРНЕЙ ЛЮДСКОЕ ВОРОНЬЁ

ВЕСНА ПОД ЕЛЬЦИНЫМ

В деревьях началось движение сока,
Пронзив их сладкой мукой до ветвей,
Скворцы поют. Хозяйки моют окна.
Весна бурлит над родиной моей.

В такой бы час глазеть на мир да ахать,
К воде уйти, здороваться с теплом,
Но жизнь гнетет, что впору и заплакать
От нищеты, шатающей мой дом.

В краю, где неработанной работы (!),
Работы нет, нет платы за нее.
Бастуют шахты, набоку заводы,
Но все жирней людское воронье.

Паны пируют вкупе с паханами —
Под каждым «вольво», «ауди» иль «мерс»,
А мы «на дачи» ломим с матюками
В автобусах, с билетами и без.

Ядрен первач, и соль не посластела.
Летит в обрыв великая страна...
Чем больше давят, тем мосластей тело,
И взгляды яростью кровавятся сполна.

Весна, весна, да радость в полкопейки.
Инфляция, как моль, жует рубли.
И я в окно швыряю канарейку:
— Я сам живу, и ты — сама — живи!

* * *

Часу в четвертом,
Сумерки ползли,
Вернулись с кладбища,
Чтоб помянуть —
Так надо...
Сипела осень
И над голым садом
Дождя и снега
Никли сизари.
На тризне
С вечной водкой и кутьей,
Вздыхая, говорили об усопшем.

И выходило —
Был при жизни, в общем,
Он самый-самый...
И пошли домой.
Ушли все вдруг,
Лишь близкая родня
Все горбилась
над темными столами...

А рядом,
В переулке, за садами,
Веселье шло —
Там ладилась семья.
Справляли свадьбу —
Жизнь не отменить.
Смеялись бабы,
Ширилась попойка.
Шалел баян
И долетало: «Горько!»
Не уставали
Песни заводить...

К окну прижавшись,
Плакала вдова,
Что мир безгрешным
Сроду не бывает,
Что там на свадьбе
Свадьбе подпевают,
С поминок припоздавшие, едва.
Вздыхались,
Понижались голоса,
И ночь смешала
Слезы и частушки.
И мощно грузовой состав-вертушка
Гремел вдали,
Смещая небеса.

БАЛЛАДА О ПАНТОКРИНЕ

Рите Стахович

1

— Хорьх! — говорят важеньки,
Ноздрями рассвет приваживая.
Сквозь чащу, весну и сумрак
Телят ведут к водопою.
Медленно и сторожко
Табунок к бочагам магнитится,
А по-над падью чуткою
Тягучим, бесшумным взрывом
Всходит марево утра.
Мягкая солнца алость
Ляжет в развилку кедра

(Словно рога оленя!);
И важеньки понимают,
Важеньки все понимают —
Солнце в рогах оленя!

А где-то за перевалом,
Где скалы в пихтах сползают,
Влечет рогачей природа.
Они к маралухам осенью
Придут в разлапых коронах —
Сокровища русского леса,
Воители и вожаки!
Пока же рога их мягки,
Обтянуты серой кожей.
Под кожей кровь густая,
Она пульсирует нервно,
Как солнце в ветвях деревьев...
Но к осени, к осени, осенью
Рога затвердеют каменно —
И выйдут на зовы важеньки,
И выйдут на бой соперники!
По знаку древнейшего таинства
Самых роскошных важенок
Сильнейшие уведут.

Урманные травы хрумкая,
Маралы проходят сопками.
И кровь, что томит короны,
Уже замедляет ток.

2

Качок в адидасовских шмотках,
Шестерка какого-то босса,
Лепит слова через жвачку:
— Вождь! Вот три пули-ампулы,
В них химия — сонное зелье.
Пальни рогача, и панты
Спили мне с быка живого.
Шеф приказал — с дикого,
Не с тех, что живут в загонах.
Иначе на баб не тянет.
Добудешь — и полкармана хрустов
Тебе натопырю сразу.

Распадок. Кусты да камни.
Речушка лепечет извечное.
Тут, у тропы маральей,
Залег хозяин тайги.
Сквозь щелочки глаз буравит
Туманнокоричневость утра.
Привычная дальнотойка
Зырит на солончаки.

И вот показались маралы,
Беззвучные духи леса.
Заказчик бы в жизнь не заметил —
Куда ему, переедку (!);
И пальцем курок карабина
Дерсу слегка утопил.

Дважды успела только
Рывкнуть в рассвет засада,
Но два самых мощных зверя
Подкошенно полегли.
— Будут деньжата, однако,
За все городской заплатит.
Блеснула везуха-фортуна,
Опять подхарчила тайга!

С живых, обезноженных химией,
Режет рога ножовка.
Маралы дрожат мучительно.
Охотник, как волк угрюмый,
Делает свое дело...

И вот без рогов, комолые,
Они ковыляют в чащу —
Закланники пантокрина,
Птенцы с перебитыми крыльями.

3

Осень свистит над поймами.
Красит пространство охрою.
Вдоль рек на юга далекие
С криком летят журавли.

Скажите — о чем рыдаете
Так горестно и надрывно?
Неужто вы тоже видели
Марала, вождя безрогого?
Он бродит вдали от важенок,
Что раньше водил за собою.
Их нынче отбил соперник.
Еще молодой и хлипкий.
Но у него корона.
И этим сказано все.

И может быть, кто-то спросит —
Зачем рассказал ты это?
По правде, и сам не знаю...
Но мне все сильнее кажется,
Что мы, словно те же маралы,
И нас для наживы поганой

Правители оптом продали;
И душу российского люда,
Как мед золотистого лета,
Дегтярною злобой разбавили.

Ах осенью, осенью, осенью
Нас крик журавлей не заставит
В небо тревожное долго
Взором глубоким смотреть.
У нищих старушек на паперти,
В ладошках, худых по-птичьи,
Все тоньше, тусклее, безнадежнее
Печальная, горькая медь...

* * *

Наде

Поедем в далекий август:
Страницу ночи откроем,
Что светляками пылала
В мягкой траве у кустов.

Поедем в далекий август,
Пройдем по дороге тихой.
С мостика в речке черной
Вновь разглядим луну.

Увидим, как падают звезды
С трепетной кожи неба,
Послушаем листьев шорох,
Войдем в белесый туман.

Поедем в далекий август,
В бесцелуйный август,
В далекий и юный август,
В август, где ты и я...

Пусть снова ведет дорога,
Пусть снова стихи робеют,
Пусть голос дрожит, срываясь...
Поедем в далекий август.

ИЮЛЬ

Июль пчелой жужжит меж трав,
Щуренком греется в протоке.
Хвосты телятам заломав,
Бежит от оводов в забоки.

Жара-жара... Звонящий зной...
До пыли взбитые дороги...
И высоко над головой
Спит в небе коршун одинокий.

г. Кемерово

Сергей ПОДГОРНОВ

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ поиска работы, данная в размышлениях и обобщениях

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чтобы начать рассказ о настоящем, обязательно надо оглянуться.

Много лет назад, когда не только существовал удивительный Закон о тунеядстве, но и самый беспечный участковый зорко следил, чтобы каждый, кто живет на его территории, кроме вреда обществу приносил еще пусть маленькую, но пользу, — я из газет что-то вычитывал о безработице. Не специально вычитывал, на что мне она, а так — на глаза попадалось. Тогда газеты писали исключительно о двух вещах: о наших успехах и их безработице. Мне больше нравилось читать про наши успехи. А безработица — это та еще была штука. Она, не будь рохлей, подыскала себе подходящее местечко и процветала там, где загадочная конкуренция вытравляла из людей все человеческое, где профессиональные союзы нисколько не защищали интересы трудящихся, а были самыми что ни на есть низкими приспешниками денежных воротил и где матери — голодные матери, отчаявшись давиться на бирже труда, шли на панель продавать свое изнуренное тело. Именно там она лютowała, эта безработица. И многие из нас (я-то уж — точно), даже делая поправку на газетную чрезмерность и впечатлительность, не могли понять: как такое может быть? Чтобы кому-то не хватало работы — чушь какая-то. Она была не страшная, эта безработица. В самом деле — ну чего бояться того, что неизвестно где?

Но вот пришли другие времена, и это идолище заморское, перемахнув границы, допрыгнуло до наших елок и кедров, нежданное проскользнуло в шахтерские городки и, осмотревшись, устроилось здесь надолго. Как бороться с ним — нет пока никакого надежного средства.

Сам я никогда не думал, что и меня ловкая тварь придавит своей лапой. А вот — придавила. И взялся я честно и правдиво описывать историю поиска работы, чтоб не очень она торжествовала, эта пришельца, чтоб видела она, что я ее не боюсь. Безработице, я теперь знаю, никак нельзя поддаваться, и тогда ее можно, хоть и не запросто, но победить. И вы — идите за мной, я вам точно укажу, что надо делать.

НАЧАЛО

Сегодня работу потерять нетрудно. Трудно найти ее. В первом я с легкостью преуспел. Принес заявление, мне его мигом подписали, и я ушел. Все.

ЧТО ИМЕЕМ

Способности у меня, прямо сказать, совсем никакие, если не хуже. Как-то так получилось, что пока я рос — я ни разу не смог поразить родителей ни одним даже пу-
8
стяковым талантом. Меня никогда не заставляли петь перед гостями. Даже когда я сам порывался прочесть какой-нибудь стишок, мама говорила: «Женя, сынок, иди погуляй». Кроме того, я долгое время был убежден, что математику, ту, которая помимо сложить и вычесть, придумали лишь затем, чтобы отравлять жизнь людям. Конечно, будь я в семнадцать лет чуть-чуть посмекалистей, то поступал бы только на бухгалтера или экономиста. Только! Даже если б не прошел по конкурсу и выучился, допустим, на токаря, и то было б лучше. Ведь в какую бы сторону ни отправилась наша страна, а токари всегда нужны. Сосед, Романов Виктор, покуривая после ужина на крылечке, говорил так: у нас в любой момент найдется, что точить. И это было абсолютно верно! И бухгалтеры — нужны. Но голова тогда думала не помню чем, и в одном толстом справочнике мы с приятелем-одноклассником откопали специальность «океанолог». Мы ее действительно откопали (одним названием, черт побери, я много лет спустя привел в сильнейшее изумление половину городских кадровиков), поскольку там была тысяча других, нормальных специальностей, и еще счастье, что не занесло нас в космонавты или, допустим, в специалисты по изучению народности майя. Тогда было бы еще хуже.

В те отсверкавшие безмятежностью годы жил я в портовом городе Владивостоке, и там столь экзотическая профессия не была уж столь из ряда вон, она даже позволила обосноваться в конструкторском бюро. Работа в бюро давала возможность иметь прожиточный минимум кабачковой икры, трески и портвейна «три семерки» в течение целых девяти лет.

А затем обстоятельства сложились так (обстоятельства, я теперь убежден, вообще имеют привычку складываться, а не вычитаться), что потребовалось изменить весь устоявшийся уклад и прибегнуть к жанру увольнительных заявлений. «Прошу... по собственному...» В общем, ничего оригинального, шеф лишь один удивился: «Дурак ты, Ураевский, ох и дурак! Я ж тебе ведущего хотел дать!», и сбоку начертал: не возражаю. Мы выпили с ребятами, потом я сел в самолет и улетел в Асинск, на историческую родину. Помню, в полете разносили сувенирные стограммовые бутылочки с коньяком. Я купил две.

В Асино
ним в редак
еще не загл
ние». Приче
зволило ещ
себя челове
пока уже д
образом не
получил ра

Впрочем
дакции мен
Сверкали г
там. Это б
Ни один го
даже самы
лектив мож
перли — к
скажу вам

Но сейч
Да. Вы
в полете?
Тогда з

Раньше
Глянешь в
гора объя
Честное сл
пронесли
шахты. Там
чумой уне
чих очист
не иначе
облака ш
ческом за
ровщиков

Не тре
цианты в
как-то тож
раздатчи
Крепким
бедствия
платные а
библиоте

На чет
седатель
ников не
Председа
возраст,
рале, к пр

В Асинске я написал другое заявление и пошел с ним в редакцию газеты. Там сказали: «Океанологи к нам еще не заглядывали. Ты будешь первый. Давай заявление». Причем интонация была — как у шефа. Но это позволило еще девять лет получать зарплату и чувствовать себя человеком, благополучно устроенным, до тех пор, пока уже другие обстоятельства снова определенным образом не сложились. Я написал новое заявление и получил расчет.

Впрочем — вру. Чего там про обстоятельства. Из редакции меня выперли. С треском, шумом и в одночасье. Сверкали глаза коллег. Крики гремели по всем кабинетам. Это было как фейерверк и салют вместе взятые. Ни один голос не прозвучал в мою защиту. Ни один — даже самый робкий! Я поразился, увидев, что наш коллектив может быть таким дружным. И ведь за дело выперли — кто спорит! Я когда-нибудь обязательно расскажу вам эту увлекательную историю — она стоит того!

Но сейчас — о другом.

Да. Вы знаете, что значит быть свободным, как птица в полете? Знаете?

Тогда за мной, голуби!

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Раньше для ищущих работу было в тысячу раз лучше. Глянешь в газету на последней странице и, бог ты мой, — гора объявлений с отчаянными воплями: «Требуется!» Честное слово, точно по городу накануне, сменяя друг друга, пронеслись смерч, эпидемия и цунами. Взять, допустим, шахты. Там, похоже, внезапная вспышка оспы пополам с чумой унесла напроочь проходчиков и ГРОЗ (горнорабочих очистного забоя). В автотранспортном предприятии не иначе как втянуло в ревущую воронку и унесло под облака шоферов грузовиков и автобусов. На металлургическом заводе смыло могучей волной токарей и фрезеровщиков, а на стройках разметало с лесов рабочих.

Не требовались только продавцы в магазины, официанты в рестораны, а также грузчики в ОРС. Столовые как-то тоже не заявляли громко о недостатке поваров и раздатчиц. Да что там громко — вообще не заявляли. Крепким организмом и неподверженностью стихийным бедствиям отличались инженеры по соцсоревнованию, платные агитаторы, заведующие парткабинетами и партбиблиотеками.

На четвертом этаже в исполкоме существовал председатель общества охраны памятников культуры. Памятников не было — их и сейчас нет! — а должность была. Председатель, несмотря на почтенный послепенсионный возраст, выделялся исключительным здоровьем — в феврале, к примеру, все гриппуют, у всех носы красные, а ему

хоть бы что: вирусы зря только зубы об него ломали. Если он иногда и позволял себе болеть, то лишь в отпуске, о чем никто никогда не догадывался.

Но в остальном, повторим, картина была иная. Директора шахт с утра до вечера хватались за головы — кто же будет спускаться в забой? Секретарша с «Асинской» по страшному секрету рассказывала, как шеф ее грозил областному объединению бросить все и уйти в проходчики. «Я не поняла, — говорила секретарша, — он шутит или всерьез?» Мучаясь от инфарктов по причине нехватки кадров, директор фармацевтического и начальники цехов съедали половину заводской продукции. Руководитель строительного управления медведем рычал с трибуны, что жилья не будет, потому что работать некому. А в одном из ЖЭКов прямо-таки не дышали на последнего, внесенного в асинскую Красную книгу сантехника, боялись — уволится. Я вам так скажу: кадров катастрофически не хватало. Не знаю, как где, но здесь, в Асинске, рожаящие женщины не успевали за развитием производства — хоть ты что делай, но не успевали!

В этих благодатных условиях каждый приходящий устраиваться был вроде внезапного жениха для окончательно потерявшей надежду вдовы. Я и сейчас вижу, как это было. Начальники отделов кадров выбегали навстречу, говорили медовые слова и с невероятной скоростью (а то передумает) оформляли документы. А если случится маленькая неприятность и его вытурят за прогулы, то достаточно перемахнуть через дорогу — на соседнем заводе ждут уже с распростертыми объятиями.

Чудесное, неправдоподобное время! Работы было больше, чем людей! Господи! Ну почему, почему я не был безработным тогда??!

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Остаться наедине с самим собою и трудовой книжкой — это, скажу я вам, не повод для восторга. Даже если вас проводили с цветами, давили в объятиях и просили не забывать. Даже если вам до печенок обрыдла эта работа, и вы ушли, без сожаления хлопнув дверью.

Состояние дискомфорта или, иначе говоря, чего-то не того будет непременно.

Самое первое — не воспламениться священной яростью к оставшимся. Ни в коем случае! Никто ни в чем не виноват. Это судьба. Значит, так надо было. И дай им Бог процветания в разных видах, в том числе и отрывкой после обеда. Хотя и во всепрощении тоже надо знать меру. Иначе, благодарный, бросишься на шею к тем, кто тебя уволил. А это могут не понять.

Прежде чем искать новую работу, требуется хотя бы неделя, чтобы восстановить душевное равновесие.

Первые два дня вообще нежелательно отлучаться из дома.

Это я на собственном опыте говорю. Никуда не отлучаться. Вот так проснуться утром — и не отлучаться. Ни под каким видом. Только — за пивом.

Пиво в восстановлении душевного равновесия играет первостепенную роль.

Тут сразу хочу сказать, что не следует прибегать к затяжной многодневной пьянке. Пьянка, с мешаниной всего подряд от бормотухи до белого, при жалком наборе закусок резко снижает тонус и деморализует. Нам это ни к чему. Нам, наоборот, требуется поднять и укрепить тонус и заострить все моральные качества до сверкающего блеска.

Так что пиво рекомендую исключительно в профилактических целях.

Рецепт такой.

Вы берете пиво, разливное, литров пять—шесть, не больше. Пиво должно быть свежее, в меру холодное, яйское, плотниковское — неважно, хотя яйское лучше.

Вы, значит, берете пиво и приносите домой. Если у вас нет селедки, попутно загляните в рыбный отдел за селедкой. Две штуки достаточно. Перебора не допускайте.

Вы приносите домой пиво, включаете телевизор и садитесь напротив. Жена, само собой, должна быть на работе, а детей лучше отправить к теще. Селедку надо нарезать крупными кусками, а для пива пойдет стеклянная кружка или обыкновенный стакан. Никаких фужеров, никакого хрусталя — это раздражает.

По телевизору лучше всего найти что-нибудь располагающее к спокойному созерцанию. Избегайте приключенческих фильмов, громогласных певиц, интеллектуальных программ. Я рекомендую «Клуб путешественников» или «В мире животных». В джунглях, в обществе гадюк или гиппопотамов вам будет уютнее.

Итак, вы наливаете пиво, делаете первые два—три глотка. Пиво надо пить медленно и вдумчиво, что называется — тянуть. Потянули — проглотили, проследили, как глоток прокатился по пищеводу. И опять. Потом пауза. Потом повторите. Одновременно вполглаза следите, что делается на экране. Попытайтесь раствориться в природе. Почувствуйте влажность субтропиков. Вдох, выдох — и вот вы почти уже там. Лианы. Пальмы. Цветы огромные, как блюдца. И только чьи-то хвосты мелькают.

Затем берете кусок селедки. Шкурку — не сдирать. Разломите кусок на две части, при этом какая-то из половин отделится от хребта и — зубами, зубами, где мяса больше, и вдоль шкурки вниз, вниз.

Для сосредоточенного питья пива селедку не заменит ничто. Я жалею несчастных килечников, которые, как пеликаны, заглатывают по целой рыбке сразу. Это еще

имеет какое-то объяснение, если вы пьете с друзьями в скверике и вам с утра на работу, но в нашем случае килька абсолютно исключается. Абсолютно!

Вы сидите, пьете пиво, смотрите телевизор. Работают глаза, уши и мочевого пузыря. Голова необременительно засоряется южноафриканской экзотической чепухой.

Так вы проводите два дня. Ваши нервы приходят в полный порядок, но еще не совсем.

На третий день вы берете удочки и идете на рыбалку.

Лучше всего на озеро или пруд.

Бегущая в реке вода напоминает о бренности и быстротечности жизни, а проносящийся в потоке мусор возвращает к собственным неурядицам. Сейчас это ни к чему.

К тому же на озере ловятся, в основном, караси — толстые и умиротворяющие. Когда карась лежит в садке, чмокая губами и словно бы рассуждая: «Ну что ж — сковородка, так сковородка», он и вас приучает к философскому осмыслению жизни.

10

Четвертый, пятый, шестой и седьмой дни следует посвятить делам домашним. Ручка дверная расхлябалась — подкрутить шурупы. Жене нужен гвоздь в передней, чтоб зеркало повесить — поработать дрелью. И так далее.

По истечении недели вы абсолютно готовы к поиску новой работы.

Я во всяком случае был готов.

Хотя...

Хотя зачем я щеки надуваю? «Пять литров, пять литров», — это ли тебе надо? Что там пиво! Что там первые жалкие два дня с невыразительными утрами и стертыми вечерами, куда боком втиснут телевизор!

Если честно — сорваться бы! По-настоящему! При горячем сочувствии жены и соседей! Так сорваться, чтоб никакие тормоза не держали и только ветер в ушах! «Мотор!» — «Есть мотор». — «От винта!» — «Есть от винта». И чтоб друзья и родственники, провожающие меня в запой, долго махали платочками. Эх, черт!

В БЮРО ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ

Для начала надо было выяснить, где меня хотят видеть.

Я отправился в Бюро по трудоустройству.

Бюро по трудоустройству находится в Доме Советов.

Дом Советов — самый большой дом в Асинске. После ремонта он походит на желтый цветок одуванчика (*Taraxacum officinale*), перед ремонтом — на его же, *Taraxacum officinale*, пушистую головку. Пребывая в двух ипостасях, он не меняет внутреннего содержания.

Предпоследний градоначальник по фамилии Скорик возмечтал хоронить всех почетных граждан в подвале Дома Советов. Чтобы перед их могилами каждый чиновник администрации давал торжественную клятву на вер-

ность городу
ствлена нап
а больше не
дения, и чи

Но и пом
тысяча сто п
цать седьмо
линник. Из д
тую по четв
касается атм
сот третьей
могут вытол

Бюро по
Асинске орга
Ну еще, мож
жалуетесь?»

С трудом
ром этаже.
сумрак. Две
дешь, напра
чрезвычайн
здесь ждут,
тесь?» — и я
мне было в
сберечь сво
на рыбалке
кие мгновен

И меня р
ни Наталья
лицом она

— Блокн

Потом у

— Я зага

на — значи

— Конеч

я тут же вы

— Ах, ос

ще говорит

знаете кто?

крупно пов

полна лиш

возможны в

ба испыты

Вот это

конца пове

— Но ка

испытыват

— А вам

тем лучше.

— Конеч

— Да н

ность городу. Эта идея, принятая «на ура», была осуществлена наполовину. То есть двоих-троих закопали, а больше не смогли — в подвале сразу завелись привидения, и чиновники боялись туда спускаться.

Но и помимо подвала есть куда сходить — в здании тысяча сто пятьдесят восемь комнат. В девятьсот тридцать седьмой висит картина художника Шилова. Подлинник. Из девятьсот десятой в девятьсот одиннадцатую по четвергам пролетает шаровая молния. А что касается атмосферных явлений — под потолком шестьсот третьей клубится дождевое облако. Его никак не могут вытолкать наружу через окно.

Бюро по трудоустройству — это единственная во всем Асинске организация, где любого примут с пониманием. Ну еще, может, поликлиника, там врач спросит: «На что жалуетесь?». А больше вас нигде так не примут.

С трудом нахожу закуток в петлях коридоров на втором этаже. Серые стены беспрерывно вырабатывают сумрак. Две обитые дерматином двери — налево пойдешь, направо пойдешь... Иду направо. После сумрака чрезвычайно легко войти в светлый кабинет. Меня здесь ждут, меня здесь встретят словами: «На что жалуетесь?» — и я все расскажу. Да, да! Я расскажу, как плохо мне было в последние дни, и как я изо всех сил старался сберечь свою душу, чтобы не надломилась она. Ведь даже на рыбалке ни о чем таком не думалось лишь в те редкие мгновения, когда поплавок начинал поплясывать.

И меня радостно встречает работница Бюро по имени Наталья Карповна. С покрасневшим от напряжения лицом она выбирается из-под стола и сообщает:

— Блокнот уронила.

Потом устраивается в кресле и говорит:

— Я загадала: если первым сегодня появится мужчина — значит будет удачный день! Вы в приметы верите?

— Конечно. Стоило мне поругаться с редакцией, как я тут же вылетел оттуда.

— Ах, оставьте! Что значит «вылетел»? Надо ли вообще говорить о таких мелочах. Посмотрите на себя. Вы знаете кто? Вы — счастливчик! (Я вытаращил глаза.) Вам крупно повезло. Вы можете начать все сначала. Жизнь полна лишь тогда, когда вам неизвестно, что вас ждет, и возможны варианты. Я вам даже больше скажу: если Судьба испытывает вас — значит вы достойны испытаний.

Вот это да!! Вы видели — как она меня?! Однако не до конца поверив в свое счастье, осторожно спрашиваю:

— Но как бы выяснить: долго ли она еще собирается испытывать?

— А вам об этом и думать не следует! Чем дольше — тем лучше. Вы представляете, что было с вами раньше?

— Конечно. Зарплату получал.

— Да нет, не то. Из года в год вы двигались... (она

пощелкала пальцами) в рутинно-праздничной колонне. Такой законсервированный праздник с транспарантами в руках: «Излишество вредит!», «Хорошего — помаленьку!», «Тише едешь — дальше будешь!», «Не уверен — не обгоняй!». И один из этих транспарантов был у вас. Теперь вы не в колонне.

— Да, да, вы абсолютно правы! Но — где я? На трибуне?

— Вы сейчас вне этих понятий! Вы, если сказать, вы... И довольно об этом. Кто вы у нас по профессии? Океанолог? Не беда, к нам кого только не приносит.

Наталья Карповна раскрывает толстую тетрадь, начинает выискивать счастливый фантик.

— В школах сейчас много мест свободных. Вот в 12-й и 7-й требуются учителя географии. Вы любите детей?

— Как вам сказать...

— Понятно. Лично я предпочитаю их в соленом и жареном виде. В 8-й школе тоже кто-то требуется. Там директор очень хороший мужчина, физкультуру ведет, коллектив доволен.

11

Как она нечутка. В ней впрямь есть что-то рыбье.

— А что еще?

Снова шуршание листов, бормотание: «Нет, это не то... Тут голова нужна...» И наконец:

— Есть еще такая профессия: презентант. Слышали о такой?

Если вы ищете работу — никогда, никому, даже вахтеру на проходной нельзя показывать, что вы чего-то не знаете. Вот и я — я молчу. Ни слова не говорю! Но зато как выразительно!

— Надо продавать посуду. От фирмы. Причем очень дорогую посуду. Тефлоновые наборы. В магазинах такая посуда, естественно, не выставляется.

— Что нужно делать?

— О, совсем немного, — Наталья Карповна тонко улыбается. — Надо собрать возможных покупателей, допустим, у себя дома и продемонстрировать ее достоинства. Скажем, что-нибудь приготовить и угостить.

— Приготовить?

— Да.

— И угостить?

— Да!

— Но если они слопают все до последней крошки и ничего не купят?..

— Не беда.

— ...И поведятся ко мне на бесплатные обеды?

Снова тонкая улыбка.

Понятно. Если моих безденежных знакомых превратить в возможных покупателей — я прогорю в два счета. Вот если б как-нибудь исхитриться и самому ходить на такие демонстрации! Картошечки наложить дымящейся горкой, подливкой облить — и вдумчиво вникать в досто-

инства импортной кастрюльки! Ничто не дается так дешево и не ценится так дорого, как халява. Хотя бы раз в жизни кто пригласил!

Но — впечатляет. Впечатляет это предложение тем, что из ряда вон. Раз идти — то идти путями неторными. Где еще никого не носило. А не заняться ли мне, коль такое дело, освоением пищевых богатств, скажем, Ленинградской области? Не попахать ли на этой целине? Командировки, договора, суточные, проездные...

Надо подумать.

В СВОБОДНОМ ПОИСКЕ

В любом деле опыт приходит не сразу и потому ошибки неизбежны. Почти всякий из нас, поисковиков, естественно начинает с грубейшей.

Было так: я мотался по городу, выцеливал подряд все конторы и скромненько проскальзывал в кабинеты. Там я присаживался на краешек стула и с тягостным придыханием, которое появляется, когда просишь займы, любопытствовал:

— Нет ли у вас какой-нибудь работы?

Естественно, мне сразу же говорили: «Нет!».

Так было в одном профтехучилище, в железнодорожном управлении и еще в двух—трех местах.

Вечером, вернувшись домой, я задумался.

Мне представилось: вот я начальник. У меня голодные локомотивы режут под окнами. Мне не хватает запчастей, дизельного топлива и машинистов. И тут открывается дверь и входит какой-то тип в очках. С абсолютно нулевым понятием о том, как точить шпиндели и полумуфты и водить поезда. Словом — под интеллигента работает. Шерсть у меня, у начальника, невольно стала подниматься. Так, глядишь, и выпускники балетных училищ сюда косяком попрут! Я ощутил лютое желание немедленно сгрести этого пришельца в двестикилограммовый кулачище и швырнуть так, чтобы он, кувыркаясь, два раза пролетел над Асинском, а потом плюхнулся и утонул в болоте за Кайлой под кваканье лягушек. Паразит, время только отнимает!

Нет, продолжать поиски в том же духе — это я не знаю... Это лучше сразу купить еще пива и селедки. Нужен новый ход. Но какой?

И тут, кстати, вспомнилось, что наши поднаторевшие политики обращаются к услугам имиджмейкеров — к тем мастерам-умельцам, которые их образ лепят. И как лепят! Ведь иному избраннику только из карманов мелочь тырить, а он каждым словом точно с козырной десятки заходит.

А что если и мне собой заняться? Порепетировать перед зеркалом? Отработать поворот головы, смотреть

прямо? Смотреть прямо, не знаю — кому как, но для меня труднее всего. Прямой и открытый взгляд обычно у жуликов. Я всегда думал, что надо от них чем-нибудь отличаться, но теперь черт с ними, с принципами. Дикцию отточить, чтобы стать сверкала? Вот именно, вот именно! Как я раньше до этого не додумался! Ведь неважно, что имеешь, важно, что обещаешь. Да! И не выпендриваться. Меру знать всем этим «извините», «разрешите», «позвольте спросить». Если Бог шельму только метит, то таким вот выражающимся дает настоящую трепку.

РЕПЕТИЦИЯ

Не знаю, за что платят деньги имиджмейкерам — а за что-то им, наверно, платят — но я с этим делом справился сам, без всякой помощи со стороны. Да так ловко у меня получилось! Я понял одну хитрость: чем выше закидываешь вверх подбородок — тем больше важности в облике. Я бы стал совсем важным, но испугался, что голова отвалится. И мешала одна неувязка — столь похожи на лице оказались выражения солидное и безмозглое, что главное было в нужный момент их не перепутать. А то влезешь еще... Окрыленному, мне не терпелось узнать — каковы результаты затраченных усилий? И тут я вспомнил предложение Натальи Карповны.

Я, не мешкая, позвонил двум друзьям, людям надежным и проверенным, и сказал, что у меня есть посуда. Но я не собираюсь ее продавать, а предлагаю немедленно осушить.

Чем хороши друзья? Да тем, что в любую минуту сомнений и неудач появляются рядом!

Через полчаса они были у меня.

Оба друга, оба двое звались Евгениями, но различить их было легко. У одного под носом торчали только усы, и он говорил: «События мирового масштаба меня ну никак не впечатляют. Пробовал пару раз впечатлиться, да что толку — нет, не впечатляюсь», у другого из-под усов свисала борода, и он был осторожен: «Старик! Вот это не надо и того — тоже!» А недостаток у них был, наоборот, общим — ни тот, ни другой не доросли до начальников.

Когда выпили по второй, я взял дипломат, скрылся в спальне и внезапно выпрыгнул к ним с солидным выражением лица:

— Ну, как?

— Я не успел разглядеть, — честно сказал Евгений-первый, который с усами. — Капуста у тебя — поесть и сдохнуть! Сам, что ли, квасил?

И он запихнул в восьмиведерную пасть ковш капусты и разгрыз ее аршинными зубами.

— Чего ты мельтешишь и портфелем размахиваешь, — сказал Евгений с бородой. — Будет он мне тут мельтешишь! На пожар, что ли? Повторим.

Я кину.
— Да н
Ах, как
лой? И пи
С четве
тельно. По
аж ноги за
— Расс
ния с усам
— Весе
чальный лу

Жила-б
мамы. Дом
придется,
ровит, сло
Одна л
три рубля,
в сторонку
Однаж
Поднялась
носятся, п
встречу му
посверкив
пугалась С
право — и
жать — он
только соб
роб, она в
больше не
дом, подси
прочь. Как
рошо — пу
С тех п
уже нет, и
семечки и
Евгени
тоже запла
песню про
чиков. Как
чательно,
лись. Эта
кончилась
Проща
— Я бы
во, взял бы
— Так и
— А что
Он еще
сарем, гад

Я кинулся на исходную.

— Да нет, еще по одной повторим.

Ах, как я пил! Понять ли вам горечь водки запоздалой? И пил, и капустой хрустел!

С четвертого раза стало получаться совсем замечательно. Потом и вовсе пошло «на ура!». Я так набегался — аж ноги загудели.

— Расскажи что-нибудь веселое, — попросил я Евгения с усами, — случай какой-нибудь веселый расскажи.

— Веселый не буду, много хочешь — «веселый», я печальный лучше расскажу. Случай с Сироткой. Слыхали, нет?!

СЛУЧАЙ С СИРОТКОЙ

Жила-была одна Сиротка. Не было у нее ни папы, ни мамы. Дома и прописки тоже не было. Ночевала она где придется, и жилось ей очень худо — всякий обидеть норовит, слово грубое вставить.

Одна лишь радость согревала ее: дадут ей рубль или три рубля, купит она на Диспетчерской семечек, отойдет в сторонку и грызет, грызет.

Однажды февральским вечером шла она по улице. Поднялась такая пурга — не иначе свету конец. Ветер носится, поземка летит, снег лицо обжигает. Вдруг встречу мужик. Страшный, в очках, железный зуб во рту посверкивает. И молчит мужик. Молчит, ни слова. Перепугалась Сиротка, все внутри сразу оборвалось. Она направо — и он направо, она налево — и он налево, она бежать — он за ней. А тьма вокруг, даже звезд не видно, только собаки воют. Она через сугроб — и он через сугроб, она в проулок — и он следом. Чует Сиротка, что сил больше нет, остановилась, будь что будет. А он уже рядом, подскочил, схватил за руку, дернул и оторвал напроць. Как бросилась Сиротка, не разбирая дороги, хорошо — пурга помогла, замела следы, не догнал злыдень.

С тех пор вижу ее иногда на Диспетчерской. И зубов уже нет, и рука одна. Но все так же грызет потихоньку семечки и улыбается, улыбается.

Евгений уронил голову в ладони и заплакал. И мы тоже заплакали, жалко было Сиротку. А потом мы спели песню про летчиков. Мне очень нравятся песни про летчиков. Как летели летчики в самолете и все было замечательно, и тут самолет сломался, они упали и разбились. Эта песня нас сразу взбодрила, да и капуста кончилась, пора было расходиться.

Прощаясь, бородатый кричал с порога:

— Я бы взял тебя своим заместителем, честное слово, взял бы!

— Так и возьми! — вторил усатый.

— А что — и возьму! Подумаю — и возьму.

Он еще, оказывается, подумает! А сам дежурным слесарем, гад, работает!

УЖЕ ЛУЧШЕ

Следующий день начался с обхода школ. И — что за чудеса? Все изменилось!

Я неторопливо входил в кабинеты, вольготно располагался на стуле. Даже дипломат мой — и тот излучал достоинство. Тяжко было лишь вот что: выдерживать во время всего разговора это сволочное выражение на лице. Зато теперь я знаю: ничто не проходит бесследно — ничто! Если вы изменили походку, будьте уверены — рано или поздно вам захочется залезть в чей-то карман или настроичить кляuzu. Со мной это тоже случилось. Глядя на одного сморчкового директора, я внезапно подумал: ну что за директор — ни вида, ни веса, а не подсидеть ли его? Выбравшись на улицу, я взялся лихорадочно оттирать щеки — вдруг эта важность чертова ко мне прирастет?

Но разговаривали сейчас со мной совершенно по-другому. Маленькие директора, выглядывая из-под столешниц, осторожно спрашивали: какие уроки мне бы хотелось вести. Извинялись за то, что не могут сразу предоставить хороший оклад и, потупив глаза, предлагали не очень хороший. В общем — мне уже выпадало выбирать.

Никогда не отказывайтесь наотрез. Не заявляйте, что вам решительно ничего не подходит. Можете отклонить что-то одно, например, уроки химии, и предпочесть географию. Или наоборот — суть не в этом. Важно оставить для себя лазейку, запасной вариант. Как знать: может, за неимением лучшего придется вести ту же химию, есть же люди, которые ведут химию и — ничего. И еще: место надо искать удачное. А то некоторые места обладают таким отрицательным магнетизмом... Вон Юрку Гордикова на машзавод приняли. Ну выпил, конечно, — событие все-таки. А тут соседи к нему чего-то давай цепляться. Короче, когда он пятнадцать суток отсидел — от места и след простыл. Так что не нарваться бы еще на такое место.

Следуя столь разумному правилу и не обнаружив явных признаков магнетизма, я моментально согласился быть историком в школе № 20. Меня твердо пообещали оформить в последних числах августа — летом учителя тоже держатся от школы на расстоянии, восстанавливая бодрость духа среди огуречных и луковых грядок, — а пока, для подготовки, щедро снабдили учебниками за седьмой, восьмой и девятый классы. В них отразилась вся извилистая и увлекательная дорога человечества от костров и пещер до первого аэроплана. Я пролистал один учебник. Из него потянуло дымком и междуусобицей. Чванливые физиономии королей и полководцев, обрамленные бородами, глядели на меня угрюмо, прикидывая — какую ж, интересно, историю я могу из них слепить? Нечего было и ждать поддержки от этой публики.

— А вы-то сами — мало дел натворили? — сказал я им.

Они и бороды опустили...

ВОТ: НОВЫЙ ПОВОРОТ

Когда впереди замаячит что-то внятное — осмысленнее становится жить. Но краем глаза и уха все равно следить надо за тем, что вокруг происходит.

Вдруг да еще что-нибудь подвернется?

Вот, сказали мне, кто-то где-то слышал, что в таком-то месте специалисты требуются широкого профиля. И условия неплохие. И зарплату (с ума сойти!) вовремя платят. Бросаюсь туда немедленно. Но — поздно. Уже не требуются.

И еще одна осечка. И еще. Да что ж это за сбитый боек в моей бестолковой винтовке??

Над городом висела жара. Зной растекался по улицам. В железных автобусах было хуже, чем внутри закипающего чайника. От девушек шел пар.

Я срывался по первому намеку в любом направлении. Я терял рассудок и дышал восемью разновидностями канцелярской пыли.

В иных учреждениях было сумрачно. По лестницам скользили чьи-то тени. Безумный крик раздавался с третьего этажа. В управлении социальной защиты стрекотинного вида женщина плакала мне в плечо — ей ввели выговор за несоответствие формы и содержания. «Уйду! — ныла она. — К черту эту контору, уйду!».

Жизнь складывалась так, что много дней подряд я не брал никаких рейхстагов, не водружал знамен и не давал салют двадцатью артиллерийскими залпами.

Тяжко было по утрам. Я просыпался с мыслью, что сейчас в большом людском общежитии, именуемом Асинск, начинается общее движение. Кто-то электробритвой «Бердск-8» марафетит подбородок, кто-то чистит зубы пастой «Бленд-а-Мед», а кто-то ставит на конфорку вчерашний суп. Всем было куда-нибудь надо — в контору, к станку, в командировку...

О, я теперь вижу, как Асинск ко мне относится! Очень даже вижу!

Но — угомонись. На что ты рассчитывал? На то, что ты в детстве бегал по этим улицам и они тебя помнят? Ха! Твоей бедной малой родины больше нет. Она как бабочка выпорхнула из кокона и растворилась в дымке. На ее месте незаметно выросла чужая. И знаешь, в какой момент ты с изумлением догадаешься, что она не та? Когда она в первый раз надает тебе по морде. Грубо так надает. Ты к ней: «Малая родина, малая родина!», а она — хрясь!

А вообще — хрен бы с ней, с этой работой. Она мне больше жизни нужна, что ли? Нет, больше жизни она мне не нужна. Ведь чего я хочу сильнее всего? Сильнее всего я хочу вот чего: сидеть возле окна, чтоб за стеклами лил дождь, и пить вино.

А может, имидж мой улучшается не в тех местах? Вон зеркало что отражает. Глаза одичалые, бока ввалившиеся. Зато от скачек по организациям затвердели икроножные мышцы. Будь я проклят, если я не похож на мастера спорта по попаданию! На мастера спорта по попаданию впросак... Так тебе и надо!

Ой, горемыка я, горемыка! Сейчас как повернусь на другой бок, да как засну опять!..

Газеты я не читаю — нечего там читать. Они умудряются натащить в себя того, что мне, прямо сказать, по фигу. Но и газеты читать полезно. Однажды совсем уж испепеляющим июльским днем, когда загустевший в квартире воздух противно лип к щекам и забивал дыхание, натыкаясь на объявление: на стекольном заводе проводится конкурс на замещение должностей. И — списочек. На стекольный не пойду, там денег не платят. Они уже два года как без зарплаты сидят. Хотя любопытно — что ж предлагают? Одна должность в этом ряду сразу зацепила: помощник директора по маркетингу.

14

Я, словно кот, почуявший близкую мышь, стойку сделал.

Изумительное это понятие — маркетинг. Никто ж ведь о нем ничего, но повсеместно пытаются внедрять. Точь-в-точь, как с кукурузой у чукчей, с той лишь разницей, что здесь он непременно должен прижиться, поскольку деваться ему некуда: рынок без маркетинга — это не рынок.

А почему бы мне не попытаться? Я ведь тоже о нем — как и все. Я уж точно смогу!

Решено!

Отправляюсь на стекольный завод. На территории, по левую руку от дороги, проложена на столбах теплотрасса. Из драного утеплителя выглядывают галки и в голос склочничают о своем, птичьем. А внизу, под этим шумом, по правую руку, за кучами ржавого металлолома — холмы и горы запасенного впрок песка. Три ребенка, один другого грязнее, с восторгом съезжают на задницах к подножью крутого бархана. Маневровый тепловоз, рыча и тужась, заталкивает в склад сырья вагон с чем-то белым. Контору нахожу сразу. Вам, кажется, нужны специалисты по маркетингу? А вот и я, как раз случайно без работы!

Странная вещь — в отделе кадров меня на полном серьезе записали в толстую книгу среди участников конкурса и сказали, что известят персонально, когда этот конкурс состоится.

Ну, дела!

ВНИКАЮ

Пока время есть, надо хоть немного разобраться в этом маркетинге, а то ведь прижмет — и с каким-ни-

будь карти
таешь. Пер
тальный за
на каранда

Когда я
сердце, чт
даже с тро
рез дорогу

— Ты бы
сладкого. Н

Нет, ну
кое сказан

В библи

— Не п

суждала в

ше все пр

как грибы

народ док

— Чего

— Дока

Постег

контуры.

Вот «С.

ем... вот,

капиталис

по изучени

бительски

димых им

Замеч

тать стеко

если в кон

ва, не кап

ты и сам

Едем д

«Маркети

журналич

Откро

мнимыми

наиболее

го общес

та прояви

логическ

рынка, ег

тия «мар

неологиз

ют диале

Да, да

борений!

Когда мь

будь картингом или армрестлингом запросто перепутаешь. Первым делом — занырнуть в библиотеку, в читальный зал. Поштудировать литературу, кое-что взять на карандаш.

Когда я летел в библиотеку — у меня так гремело сердце, что прохожие оборачивались, а одна бабулька даже с тротуара свалилась. Я помог ей подняться и через дорогу перевел.

— Ты бы цветов купил, — сказала бабулька, — или вина сладкого. Кто ж без цветов по сердечным делам ходит?

Нет, ну это надо же — с ридикюлем фланирует и такое сказануть!

В библиотеке был запах подвяленной бумаги.

— Не пойму, что за радость в маркетинге? — порасуждала вслух библиотекарша, выдавая книги. — Раньше все про любовь да про колдовство требовали или как грибы засушить, а теперь — про маркетинг. Совсем народ докатился.

— Чего бы он докатился? Никуда он не докатывался.

— Докатился, докатился!

Постепенно в густом тумане стали проглядываться контуры.

Вот «Словарь иностранных слов» за 1987 год. Листаем... вот, ага: «Маркетинг — осуществляемая крупными капиталистическими компаниями система мероприятий по изучению рынка и активному воздействию на потребительский спрос с целью расширения сбыта производимых ими товаров».

Замечательно! Одно только смущает: можно ли считать стекольный завод капиталистической компанией, если в конторе подряд что ни лицо — то прежнего созыва, не капиталистическое какое-то лицо... Но уймись — ты и сам не дворянских кровей.

Едем дальше. Есть журнал, который так и называется — «Маркетинг», издается с 92-го года, небольшой такой журнальчик.

Откроем первый номер. «Привычка манипулировать мнимыми понятиями и величинами составляет одну из наиболее характерных черт спонтанного отечественного общественного сознания. Особенно выпукло эта черта проявилась сейчас в теоретической, деловой, идеологической и обыденной интерпретациях категории рынка, его различных определений и, в частности, понятия «маркетинг», которое, как и многие другие идеи и неологизмы, заимствованные российским умом, отражают диалектику мучительных борений».

Да, да, да! Я ж и говорю — диалектика мучительных борений! Вся соль в этом! И у нас в Асинске всегда так! Когда мы не боремся — у нас хлорофилла в крови не

хватает. Мы до того становимся вялые, до того вялые — смотреть не на что! А вот когда мы боремся — о-о!, мы мучаемся. Мы и боремся, чтобы мучиться. Без борьбы нет мучений, а нам это не жизнь.

Я с пожирающим любопытством пролистал несколько номеров в темной обложке. С особым тщанием прочел про организацию службы маркетинга компании, ориентированной на внешний рынок, а также про дочерние фирмы за рубежом — они, как выяснилось, открывают громадные возможности для российского капитала.

И хотя добытые сведения я аккуратненько перенес в тетрадку, интерес мой был абсолютно бескорыстен. Точно так же можно было б узнать — на какую наживку ловят рыбу жители Галапагосских островов. Ловят и ловят — я-то ее когда ловить буду? И еще много чего я прочел в этих журналах.

Наконец в газете «Экономика и жизнь» я наткнулся на самые свежие представления о маркетинге.

15

Здесь уже вводится понятие «активный маркетинг». И тут же дается расшифровка: «центральной функцией активного маркетинга является управление ассортиментом, то есть периодическое принятие решений о том, что производить, с какими потребительскими качествами, по какой цене и в каких объемах». Маркетинг подразделяется на внутренний и внешний. «Внешний маркетинг поставляет информацию из внешней среды предприятия, а внутренний исследует саму фирму изнутри».

Склонясь прилежной головой над страничками, что из всего прочитанного я для себя уяснил? Что с течением времени само понятие маркетинга не изменилось, но сильно круто изменились акценты внутри понятия. Если раньше предполагалось, что основной упор маркетинговой деятельности приходится на потребительский рынок, то теперь главное внимание до боли в глазах сгущается на внутренних проблемах предприятия.

В сущности, я тоже представляю из себя как бы капиталистическую компанию. Она, до слез бездарно помельтешив на рынке, наконец-то взялась за ум, то есть за изучение собственных, скрытых ото всех возможностей, а также — подохнуть легче — их потребительских качеств...

Все, хватит пока. Пора домой — к телевизору, к чаю с сухариками.

И вообще — чего я ищу? Работы? Или стараюсь удрать от одиночества? Временами думаю: если б кто ко мне душой прилепился — во мне бы сразу все отозвалось навстречу.

Медленно, день за днем протащилась неделя. Шелестя днями-кольцами проползла другая. Огораживание в Англии вместе с крестовыми походами на Ближний Восток и

гуситскими войнами было заброшено к чертовой матери. Я сделался беспокоен. По ночам мне снился маркетинг. Он был пушистый, большой и в рыжих подпалинах.

И вот однажды вечером раздался звонок в дверь. Заводской посланец предупредил, что явиться нужно в понедельник к двум часам к кабинету директора.

Это — запросто. К двум так к двум. Мы — народ незанятый, во сколь прикажут, во столько и будем.

ПОДВОХ

Нечего и говорить, что на семь вакансий собралось человек тридцать пять. Самый огромный конкурс был среди маркетологов. Так-то, поодиночке, нас в городе, оказывается, не видно — растворены мы. А если вместе собрать — солидное число маркетологов получается. Один прямо-таки лез в глаза. Он был с ног до головы абсолютно красный, как на полотне Анри Матисса. И он, и другие все как бы подчеркивали равнодушие к соперникам, как бы спокойствие и уверенность в себе. Это был парад потрясающе выразительных лиц!

Встречались здесь лица, излучающие беспредельную силу. Сказывалась она в необъятной ширины подбородках. Мол, нам бы только в дело впрячься, а уж там мы попрем. Так мы попрем, так уж мы попрем, что мало не покажется. Были, конечно же, лица пресыщенные, как бы каждой своей складкой на шее выражавшие: вы, черт возьми, можете и не оценить моих достоинств, но вам же хуже будет. Были, само собой, лица наглухо замкнутые, но в нужный момент готовые распахнуться и выдать о себе что-нибудь замечательное такое. Были, наконец, лица так потрепанные жизнью, что никакой маркетинг уже не страшен.

Да, лица были. А конкурса не было. То есть все маялись возле директорского кабинета, за дверьми которого таинственно скрылись члены Совета директоров, а вот главный человек — сам директор завода — отсутствовал.

Обрывки разговоров разлетались и сплетались в приемной.

— «Что вы себе позволяете! Что вы себе позволяете!» Да что я могу себе позволить? Так — по мелочи!

— Представляешь, он настолько самонадеян, что даже лысину в расчет не берет.

— Можешь не верить, но так и написано: «Ни разу не познавший женщину великий девственник Исаак Ньютон». И — портрет в белом парике. Да тут хоть и без белого парика — все равно таких чудаков надо рассматривать пристально и со вниманием.

— Иногда что-нибудь такое умное-умное стукнет в

голову — и сердце на взлете холодом как обдаст: уж не еврей ли я?

— Хоть режь меня, но весной вино хорошо пить, а пиво — осенью!

— Хорошо, я согласен, что шампунь укрепляет корни волос. Тогда почему все, что выше корней, так дружно отвалилось?

— Даже сейчас, через три с половиной года, до меня долетает их жаркая и трепетная ненависть.

— Он погрызет еще локти в своей Германии! Он там где-нибудь найдет невообразимость очевидного? Хрен он там чего найдет!

— А что мы сегодня производим на душу населения? Сколько чугуна и стали? Кто-нибудь так ставил вопрос? То-то!

Взмыленный толстяк насканивал на другого взмыленного толстяка:

— Ведь если тебе помочиться приспичило, и спроси тебя в этот момент: чего ты хочешь — симфоническую поэму «Финляндия» Яна Сибелиуса послушать или помочиться — что твоему сердцу ближе? Ведь ясно же, что ты выберешь!

Смотрю на часы: пятнадцать минут третьего... без двадцати три... а директора нет. Сквозь значимые лица стало проступать раздражение. Двое—трое высказались громко насчет местных порядков. Секретарша как повернет к ним голову да как пуннет глазами! Все — этих можно исключать из числа конкурентов. А сами виноваты — зачем раздражаться?

Я вам сейчас секрет расскажу, как скоротать время в подобных случаях. Надо вообразить что-нибудь невообразимое. В мельчайших деталях и подробностях — в этом весь фокус.

Я устроился возле окна и принялся воображать. В первые минуты ничего не получалось. В голову лезли какие-то хилые несообразности. Мечталось, к примеру, о кружке пива на каждого претендента. Но взглянул я на секретаршу и понял: пиво здесь может быть только прокисшим. География, опять же, сильна на загадки. Если, допустим, окрысятся друг на друга Монголия и Алжир — как они воевать-то будут? Или почему в Ямало-Ненецком автономном округе мифов и легенд гораздо больше, чем в южных широтах? Холод, что ли, способствует?.. И только после этих жалких уловок наконец удалось. Я представил, как любители балета, засучив рукава, пошли колотить рабочих городских окраин за невосприимчивость к танцевальному искусству. Кодла интеллигентов пылила по дороге, выпятив нижние челюсти и матерно выражаясь. Первыми были биты профессиональные урки,

содержатели притонов и не успевшие увернуться люди в подпитии. Вой блатных, то взвиваясь, то опадая, летал над округой. Там были душераздирающие сцены.

В три в сопровождении свиты появился и бодро прошагал в кабинет директор.

Напряжение сгустилось до осязаемого. Когда я случайно коснулся знакомой претендентки — нас током как тряхнет!

Я начал подозревать подвох. Это ж ведь чтобы успеть выслушать всех до пяти, на каждого потребуется по три с половиной минуты. Без перекуров. А еще и вопросы надо задать и присмотреться к кандидату, не шлепанцы все-таки на базаре покупают — спецов берут, ту Люсю! Нет, наши директора так шустро работать не умеют.

В шестнадцать десять в приемную выплыла начальница отдела кадров.

— Внимание! — сказала она.

Меня чуть не затоптали. Расправляя помятые бока, я услышал вот что.

Конкурс решили разбить на этапы. В десятый, последний день, послушать кандидатов в маркетологи и гражданские оборонщики. Все ясно. Сбылось то, о чем он мечтал столько лет! Он привлек много народу и его вынесли из зала на руках! Гроб, правда, был тяжелый. Все ясно.

Еще, значит, десять дней неопределенности.

НАВОЖУ СПРАВКИ

Конечно, многое зависит от города, в котором живешь. От города, который вырос вместо прежнего. Если в нем понедельников больше, чем пятниц, так и нечего тогда искать работу — все равнодохлый номер. Он может утешить тебя селедкой с пивом или карасем на Алчедате, но он не может начать движение навстречу. Ну, хорошо, даже если он и начнет такое движение, если придет к тебе и сядет напротив, ты ведь растеряешься и не найдешь, о чем с ним говорить. О чем? О налогах и сборах? А вдруг ему неинтересно? Ох, сложности на каждом шагу.

Нет, все у меня будет хорошо. Я точно знаю: все у меня будет хорошо. Вот только доживу ли я до этого?..

Если вы куда-то очень хотите устроиться, надо об этом месте знать от и до. Тогда меньше шансов попасть впросак.

А тут полно знакомых, которые работают на стекольном.

Начинаю выяснять: что да как?

Оказывается, на этой должности работает человек, который с нее никуда уходить не собирается. Там вообще такая система, что никто никуда не уходит, если не хочет.

Что же делать?

Остается одно — ломиться напропалую. А что? Не так уж это и безнадежно. Вот, скажем, была зима. Вот мороз был сорок градусов. Но потеплело же!

На следующее утро иду на прием к директору.

СВЕРШИЛОСЬ!

С директором мы шапочно знакомы. Когда-то я разговаривал с ним и настроил пять—шесть репортажей о заводе. Но это в прошлом.

Что сейчас? Об этом можно только гадать.

Мне повезло. Секретарша сказала, что директор один, спросила фамилию, заглянула в кабинет, вышла и кивнула:

— Входите.

Ну — вперед!

— Здравствуйте, Аркадий Борисович!

Он круглый, толстый, жмурится от солнца, я вижу — до чего ему уютно в облегающем кресле. Он неохотно встает из-за стола, протягивает руку, в лице радушие и любезность. Он не знает еще, что в газете я не работаю.

— Слушаю вас.

Вдох-выдох, поехали!

— Я к вам вот по какому поводу: ищу работу и хотел бы предложить свои услуги вашему заводу.

Эк как завернул — про услуги-то! Но не на таковско-го напал.

Радушие и любезность с грохотом вянут. Сейчас он меня — категорическим отказом по голове или, еще хуже, превратит в мышку, пожрет, а остатки выбросит пучеглазой секретарше.

— У нас нет сейчас приема. А какое у вас образование?

Я иду ко дну, но бойко отвечаю.

— Вот, вы и сами понимаете, образование ваше нам не подходит. Так что... — он разводит пухлыми ручками.

Но зря я что ли побегал по разным предприятиям? По части соображения после такой беготни становишься вроде Эдварда Радзинского.

— У меня есть хороший козырь. Я закончил факультет, где не преподавали ни черчение, ни сопромат, а по распределению попал в конструкторы и работал неплохо. Потом приехал сюда, пошел в газету и тоже справился...

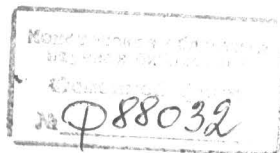
Я говорю и замечаю — он колеблется. Дожать, дожать срочно!

— ...Мне думается, я умею осваивать новое дело.

Попал или не попал?

— Подождите, — он выходит из-за стола, выгибает спину и выглядывает в приемную. — Где-то тут был главный инженер, найдите его.

Главный инженер появляется как из-под земли.

— Вот, Сидор Емельянович, человек на работу к нам просится. Раньше работал в редакции, а еще раньше — конструктором. У нас в конструкторском отделе вакансии есть?

— Есть.

— Давайте возьмем. Пока оформим туда, а месяца через два-три посмотрим.

Дальше — как ускоренная съемка.

Я иду с главным инженером, у него в кабинете стро-чу заявление, он наискосок пишет: «Принять конструктором», бегу к директору, он подписывает, скатываюсь в отдел кадров и там мне поясняют: надо отметить в военкомате и пройти технику безопасности.

Ей-богу, скучно было б жить, если б не такие повороты!

...Вечером позвонил Евгений. Тот, который с бородой.

— На Западном фронте без перемен?

— А вот вам меч — не хотите?

— То есть?

— В нашу гавань заходили корабли!

— Жаль. Ошибка резидента. А то можно б продолжить репетицию. У меня как раз есть.

— Но еще не совсем заходили! — кричу. — Еще и передумать могут!

ВВОДНЫЙ ИНСТРУКТАЖ

В восемь пятнадцать в четверг я уже на заводе. Ищу кабинет техники безопасности. ПТО, ОТиЗ, черт побери, ПЭО. Я перед этими шифровками, как на сеансе у гипнотизера. Иногда такое вытворишь... ОАМ — общий анализ мочи. ОАК — тоже, вроде, понятно. Я и понес. Оказалось — это общий анализ крови.

В кабинете по технике безопасности возле стенки на стульях нахохлились трое ребят. Начальница отдела оживленно болтает в соседней комнате с двумя такими же дамами. У нее счастливое лицо постаревшей школьницы. В окне одинокая муха с безумным отчаяньем бросается на стекло.

— Сядьте там и ждите, — говорит она.

Если ты поступаешь на работу — будь готов к двум вещам: к терпению и сидению. То есть: всегда готов, поскольку принимающие — народ занятый.

Сидеть приходится полчаса.

Явившись в свой кабинет, она сразу объявляет мне:

— А вам надо сходить для начала в здравпункт и пройти медкомиссию.

Но, увидев мое изменившееся лицо, добавляет:

— А может быть, и не надо проходить, может — и так поставят. Вам же не в столовой работать?

В здравпункт я лечу полный решительности и здоровья. Я приказываю себе расцвести. Я приказываю всем своим бутонам — распуститься! И я — расцветаю! Я весь воплощение здоровья. Что угодно, только не ходьба по кабинетам!

Врач, от перламутровых сережек до колготок пропахшая лекарствами, разглядывает меня с непрофессиональной скукой. Ей тыщу лет не попадались такие здоровяки, и она кисло улыбается:

— Надо бы на комиссию...

— Да что комиссия! — весело говорю я. Кровь, которая во мне с понедельника до пятницы неизвестно где шляется, на этот раз так и играет на щеках. — Что комиссия! Бессовестно отвлекать занятых людей.

И моя берет!

Когда я через десять минут с подписью и непросохшей печатью вваливаюсь в технику безопасности, ребята еще скучают на стульях.

18 — Теперь уж, поди, никто не придет, — говорит владелица кабинета и проводит с нами вводный инструктаж.

Она долго рассказывает о том, что там, где работают со стеклом, запросто можно получить смертельную травму. Попутно замечает, что травм у них таких не было, хотя отдельные случаи были.

Заканчивает так:

— Вы только начинаете жить, поэтому если будет большая травма — сразу обращайтесь в здравпункт.

Потом она отпускает ребят, а меня записывает в амбарную книгу.

— Назовите фамилию.

Называю.

— Инициалы полностью.

— Е. Е.

— Полностью, говорю, инициалы.

— Евгений Евгеньевич.

— Так вот, Евгений Евгеньевич, мне надо поговорить с вами обстоятельно. Я издавна начну — с природы. Летом, как вы видите, природа зеленая, зимой белая, и только облака никогда не меняются. В этом их значительность. Мы — как облако. Весь завод как одно большое облако и несет всех нас непонятно куда. Посмотрят люди: «Куда вы летите?» А кто его знает, куда мы летим. «Но есть ли там счастье, куда вы стремитесь?» А кто его знает — потом поглядим... Подготовьтесь и в понедельник с утра придете ко мне сдавать экзамены.

Безмерно счастливый, что удалось избежать медкомиссии, я бегу на свою будущую работу в конструкторский отдел.

Начальника нет. Я сижу в предбаннике и жду. Под

потолком, не

В этих стенах

Томской кар

отряд истре

шой комнате

щины и как

них нежным

зоговорочн

много време

таки восхит

— Зря вр

конструктор

ру. Вы зайд

— Хорош

Мне все

Армия со

ми ракетами

железом, с

обратной с

коматами. Е

но. Не так л

бываются н

Военком

исключение

с военкомо

В военк

начинают л

непредсказ

деревне, т

чтобы найт

правиль вы

еще не буд

лоб в лоб

времени т

страшным

погонах с

Я знал тре

по телевиз

оставили т

милли Обл

обороной

ралитичес

можно бы

разносах

вам и вспо

изменил у

потолком, незримые, плавают сонмы карандашных душ. В этих стенах тихо похоронена львиная доля продукции Томской карандашной фабрики. Скоро и я вольюсь в отряд истребителей карандашей. Мимо меня из большой комнаты несколько раз проходят безразличные женщины и как бы совсем не разглядывают. А я смотрю на них нежными и счастливыми глазами. Они мне все безоговорочно и решительно нравятся. Промелькнет немного времени, и я назову их коллегами. Какое это все-таки восхитительное слово: ко-лле-га!

— Зря время теряете, — сжалившись, говорит одна из конструкторш. — Ведь он собирался к главному инженеру. Вы зайдите лучше после обеда.

— Хорошо, — легко соглашаюсь я.

Мне все равно в военкомат надо.

В ВОЕНКОМАТЕ

Армия со всеми ее пушками, танками, стратегическими ракетами и подводными лодками, лязгая и громыхая железом, счастливо прошла мимо меня, но оставила для обратной связи казенные учреждения, именуемые военкоматами. Все-таки ничто в жизни не проходит бесследно. Не так ли летним полднем даже в густом лесу пробиваются на землю светлые пятна?

Военкомат у нас ничем особенным не знаменит, за исключением одного случая. Начальник СДРСУ-6 на спор с военкомом съел ручную гранату.

В военкоматах сидят офицеры. Дважды в год они начинают ловлю призывников. Призывник — существо непредсказуемое, он азартно прячется то у бабушки в деревне, то в собственном доме. И надо исхитриться, чтобы найти его, вытащить, как улитку из раковины, и от- править выполнять гражданский долг. Каждый офицер, еще не будучи офицером, когда-то столкнулся с армией лоб в лоб именно в военкомате. Эта самая первая по времени травма через многие годы оборачивается страшными последствиями: с укрупнением звезд на погонах с людьми начинают твориться странные дела. Я знал трех полковников в жизни и четырех генералов по телевизору (два генерала были с усами). Они все оставили тяжелое впечатление. Один полковник по фамилии Облепихин — он, кстати, верховодил гражданской обороной в Асинске — был исключительно нервно-паралитического действия. Безопасно приблизиться к нему можно было только в противогазе. О его проверках и разносах слагали легенды. «Если я вас не буду драть — вам и вспомнить в жизни будет нечего». Он ни разу не изменил убеждений, что только в проверках заключает-

ся истинное счастье его подчиненных. Я удивляюсь — почему он до сих пор не стал генералом? Он был ничуть не хуже других генералов. Но он непременно, непременно им станет! Однако если существуют в природе военкоматовские генералы или генералы от военкоматов — они наверняка в сто раз хлеще полковника Облепихина. Даже если не в сто, то в пятьдесят уж точно.

Но я отвлекся.

Предыдущие отношения с военкоматом были у меня мучительными. Я весь мрачнел и напрягался, приближаясь к двухэтажному зданию. Никогда не знаешь, откуда птичка здесь вылетит. Три или четыре визита сюда оборачивались внезапными и ошеломительными сложностями. Когда из тебя делают идиота — им очень легко стать. Картотека, которая в других местах позволяет содержать документы в порядке, здесь являлась главным вместилищем хаоса. В деревянных ящичках водились химеры, в моем их жило штук несколько, самых гнусных. Я сейчас могу сказать вам, почему вражеские разведки так вяло работают на территории Асинска. Они боятся наших архивов.

Однажды я у них пропал без вести, и мне позвонили прямо на работу. То есть так-то я никуда не пропадал, но по их документам меня не значилось. Звонок не сулил ничего приятного, потому что первый вопрос был такой: почему вы, товарищ, манкируете своим гражданским долгом и не встаете на воинский учет? Я обомлел и сказал, что ничем не манкирую и давно уже на этом самом учете. В ответ пробурчали, что нечего им головы морочить, и предложили срочно явиться. Круглолицый, румянощекий майор впивался глазами в военный билет — в нем все нужные штампики были на месте, потом бросался к картотеке, в которой в четвертый раз не находил моей карточки, потом его осенило, и он, бегая от одной стены к другой, взял меня в оборот перекрестными вопросами. Среди них был и такой: как там погода на Потомаке — сильно отличается от нашей? Какой Потомак, откуда Потомак? Может — потомок? Нет, Потомак, Потомак, твердил он. Я не мог понять, к чему он клонит! Чуть позже карточка обнаружилась в другом ящичке, и он опять выпытывал: как она там оказалась? Я еле унес оттуда ноги. И все равно меня тянуло сюда. Это как к зубному: не хочешь, да идешь.

В общем — были дела в этом здании! Хуже военкомата в Асинске только паспортный стол. Туда я вас горячо, я настоятельно прошу вас не попадать — ни живым, ни мертвым!

...Нет, ну что за наказание — к такому настроению еще и дождь. Вот что значит — август! Несомненно, над Асин-

ском изгалялась коммерческая туча. По сравнению с жавшимися по бокам хилыми государственными она была увесиста и дождлива... А лучше всего — я однажды пробовал — шлаться по всяким конторам весной. Встанешь в ожидании автобуса возле юных прелестниц из медучилища, замрешь и слушаешь певучее воркование — это девочки матерятся о любви.

Короче, я даже обрадовался, когда в нужном мне кабинете увидел не человека в форме, а женщину в штатском... Военкоматовские женщины, кстати сказать, тоже несут на себе печать! Защитного цвета взгляд. Трехгранные духи. Блеск и нищета партизанок.

Они разглядывают тебя в упор и сыпят слова раззявными очередями.

Но у этой в глазах сгущалась непонятная теплота и сочувствие.

— Зачем люди меняют работу? Менять надо все, что угодно, кроме работы. Вы правильно подумали — я имею в виду женщин. Мужчина, если он настоящий самец, должен быть в непрерывном поиске. Днем и ночью, ночью и днем! Он сволочь и хищник, и от этого никуда не деться. У женщины от него болит голова, она чувствует себя сильной и молодой. Мужчина обязан иметь крепким и здоровым один орган — этого достаточно. Импотентность должна преследоваться по закону. Я люблю армию за железный порядок, хотя и здесь можно ошибиться.

У нее была беззащитная родинка справа над губой, из которойросло три волосика. Что-то во мне всколыхнулось. Горячая волна ударила в сердце.

— Вы меня не слушаетесь?

— Слушаюсь!

Если бы не мой богатый опыт, я бы сказал, что всех моих хлопот на пять минут, не больше. Всего-то, чтобы в учетной карточке отметили новое место работы. И хоть так не бывало никогда, однако на этот раз, что невероятно, карточка отыскалась сразу, в ней и в билете были молниеносно сделаны необходимые отметки. Чрезвычайно удивленный, я поднялся со стула.

— Адрес у вас, конечно, не поменялся? — вслед мне спросила расторопная военкоматовская работница.

— Нет, — ответил я. — А какой там адрес?

— Слонова, 101.

Я, постоянно живущий на улице имени великого русского баснописца Ивана Андреевича, прямо прикипел к полу. Вот оно — началось!

— Как?!

— Слонова, 101. Вы что — свой адрес не знаете?

— Можно взглянуть?

Первое, во что уперлись глаза: жена Луиза Петровна.

Строчка там есть такая — «жена». Луиза Петровна, значит? Луиза Петровна?.. Мне даже память не надо было напрягать — нет у меня жены Луизы Петровны! Нет и никогда не было. Я хоть и не холостой, как выстрел, но почему Луиза Петровна? Почему? Нет ее у меня. Хоть обыщите!

Захотелось, как в детстве — спрятаться под листом одуванчика.

Переворачиваю карточку. Ну, конечно: Ураевский Мирон. Прежнее место работы зачеркнуто и вписано новое: стекольный завод. Правильно — и его туда!

— Зря вы так нервничаете. И чем вам Луиза Петровна не нравится? Ах, до чего же некоторые пугливы! Может, это был ваш шанс. Запомните: от перемены жен сумма счастья всегда меняется. Здесь вам не арифметика.

Она права. Она чертовски права, эта удивительная военкоматовская выдра!

Еще две минуты на поиски моей карточки, и все наконец улажено...

Мне опять повезло. Мне здорово опять повезло.

Не представляю, что бы мог натворить человек в погонах, но убежден, что ему мало бы показалось перепутать нас с неведомым Мироном. Он бы еще чего-нибудь добавил.

...В автобусе сидит Степа Побокин.

— Старик, все мы знаем Славу Горюнова. У Славы жена гинеколог — к ней дамы не простые заходят. Она воздействует на клиентуру, клиентура воздействует на мужей, и те выступают спонсорами Славиных книжек. Можно ли в таком случае сказать, что Слава делает свои книжки из п...?

Вот еще озабоченность у парня! Нашел, над чем голову ломать! Я сунул нос в газету. И сразу наткнулся на фамилию Трахтенберг. Интересно: Трахтенберг — это сексуальная фамилия или наоборот?

ПОДГОТОВКА К ЭКЗАМЕНУ

Вторую половину рабочего дня в четверг и всю пятницу я просидел в конструкторском отделе — готовился к экзамену по технике безопасности. Заодно привыкал к обстановке. Что меня поразило больше всего — здесь не сквозило канцелярщиной. Здесь был теплый располагающий уют обжитого помещения.

Я попадал однажды в какой-то конструкторский отдел. Комната, помню, была большая и светлая. Посреди нее рассекал проход, а справа и слева замерли кульманы. Хищным наклоном досок, нетерпеливой готовностью к атаке они походили на акул. Сбоку к ним

рыбами-п...
и жди, что...
А здесь ж...
покоем. М...
шелся как...
раж. Напр...
плющенно...
экскавато...
зиловског...
пичного б...

Я всю...
запрещаю...
отнесся к...
ленно. В п...
росами и...
изучил ча...
поля на П...
начальник...
ближе поз...
конструкт...
рячий пыл...

— Не с...
знакомит...
Ладно...
Когда он...
из женщи...
— Усп...
технику б...
— А чт...
ясь быть...
— Кто...
Чего з...

ность зде...
«Стар...
прошел с...
пасности...
нок, зато...
ловых. А...
не сказа...

Приш...
за листоч...
новилося...
Здесь вс...
ездили н...
бы давит...
стекло в...
Билет...
территори...
Попр...

Петровна,
е надо было
вны! Нет и
ыстрел, но
меня. Хоть

под листом

Ураевский
и вписано
туда!

а Петровна
вы! Может,
жен сумма
метика.

ивительная

и, и все на-

везло.

повек в по-
сь перепу-
е чего-ни-

а. У Славы
ахаживают.
действует
ых книжек.
елаает свои

над чем го-
ткнулся на
берг — это

и всю пят-
готовился
привыкал к
го — здесь
ый распо-

орский от-
. Посреди-
ерли куль-
рпеливой
боку к ним

рыбами-прилипалами жались канцелярские столы. Так и жди, что тебе с какой-нибудь стороны вцепятся в ногу. А здесь же от одной стены до другой веяло миром и покоем. Мне определили место возле окна. Стол пришелся как раз впору. Внизу простирался заводской гараж. Напротив гаража были свалены кучи давленного, плющенного металла — ржавые панцыри грузовиков и экскаваторов. Железная ворона выклевывала из-под зилового капота механическое мясо. На крыше кирпичного бокса торчала пустая кабина от КамАЗа.

Я всю жизнь испытывал отвращение ко всякого рода запрещающе-разрешающим инструкциям и поначалу отнесся к предстоящему испытанию крайне легкомысленно. В пять минут пробежав затертые листочки с вопросами и ответами, я отодвинул их в сторону, детально изучил часть городского пейзажа и заводского (три тополя на Плющихе) за окном и после этого обратился к начальнику отдела Виктору Федоровичу: как бы мне поближе познакомиться с тем, чем приходится заниматься конструкторам? На что Виктор Федорович, остужая горячий пыл свежего работника, заметил:

— Не спешите. Вот сдадите экзамен, тогда и будете знакомиться.

Ладно — начальник, ему и положено так отвечать. Когда он вышел, я начал допытываться о том же у одной из женщин, прильнувшей с карандашом к кульману.

— Успеете еще, — был ответ. — Вы для начала сдайте технику безопасности.

— А что — были случаи завалов? — спросил я, стараясь быть серьезным.

— Кто его знает, может, и были.

Чего это они — сговорились? Или пустая формальность здесь вовсе не пустая?

«Старик, — сказал мне однажды Степа Побоккин, — я прошел сто предприятий и везде сдавал технику безопасности. Так вот: меня никто не пытался затянуть в станок, зато я девять раз травился в производственных столовых. А про столовые ни в одной технике безопасности не сказано. Ни в одной!».

Пришлось, однако, вернуться к столу и опять засесть за листочки. И чем сильнее я вникал, тем тревожней становилось на душе. Завод открылся — прямо не знаю как. Здесь все оказалось полно угрозы и коварства. Машины ездили не для того, чтобы груз перевезти, а для того, чтобы давить рабочих, ток только и ждал, кого бы ударить, а стекло выпускалось исключительно с целью порезаться.

Билет № 9, вопрос: правила движения пешеходов по территории завода.

Попробуем названную ситуацию вообразить нагляд-

но. В четверг утром от проходной А к конторе Б по пересеченной внутренней местности двинулся пешеход. С целью устроиться на работу. К черту побочные неприятности, что возможны с ним на этом пути, возьмем чистый вариант: пешеход и транспорт... Ну? Как двигаться по территории завода взволнованному парню, который ради такого случая мыслями весь в себе и плевал на всякие машины? По какой стороне? Я вам скажу точно: там, где грязи меньше. Так двигаются здесь все без исключения — и сдавшие технику безопасности, и не сдавшие.

Ответ такой же? Один момент... А вот фиг: «По левой стороне дороги навстречу движущемуся транспорту, обращать внимание на дорожные знаки и сигналы».

Или еще, билет № 12, вопрос: какой цвет предупреждает об опасности на предприятии? Ответ: желтый. Просто, как репа. Однако из самого ответа не следует, как оформлен этот желтый цвет. Заключен ли он в кружочек или в квадратик, нанесен ли полоской или еще как-то обозначен. И где его искать — на чем и на ком. Но главное — совершенно неясны мои действия по отношению к нему. Если я, допустим, на территории завода встречу человека в желтой рабочей куртке, что я должен: ударить его по голове или спрятаться?

Неразрешимую загадку представлял для меня и билет № 5. Вопрос: виды ограждений. Ответ: сплошные, комбинированные, решетчатые (25 х 25). Я силился взять в толк, какое отношение это имеет к моей безопасности. Какой вид ограждений наиболее подл и таит в себе скрытую угрозу — сплошной или комбинированный? И эти решетчатые ограждения с магическими числами 25 х 25. Если, предположим, заменить и сделать 20 х 20 или 30 х 30 — это хуже или лучше?

Я вдруг осознал, что предстоящий экзамен может стать непреодолимым, ведь ни на один из подобных дополнительных вопросов я не смогу дать даже мало-мальски вразумительного ответа.

В изнеможении откинув листочки, я прислушался к разговору в отделе. Разговор шел на языке посвященных.

— Ира, найди мне шнек соды с корпусом.

— Ишь чего захотела. У меня только корпус шнека с рамой. Пойдет?

— Девочки, дайте чертеж полумуфты редуктора.

И еще дымососы какие-то. («Кому попадались старые дымососы?») Что это еще за дымососы? Всю мою жизнь я был уверен, что дымосос — это курильщик. А старый дымосос — курильщик махры.

Начальник отдела поразил. Подошел к одной из девушек, глянул на кульман и говорит:

— У тебя ноги кривые! Так не годится!
Я всегда мучительно стесняюсь своего невежества. Сумею ли когда-нибудь понять — о чем это они?

На окнах, кроме моего, громоздились разнокалиберные горшки с веселенькими растеньицами. Одно кокетничало перед другими мелкими белыми цветками. Солнечные пятна валялись на потускневшей краске пола. Внизу, выбравшись из бокса, молотил холостую трактор.

— Что попало придумали, — возмущалась сотрудница, я к ней недавно обращался; ее, кстати, Серафима Георгиевна зовут. — Парк отдыха разрисовывать дали. Деньги, что ли, девать некуда? Лучше б канализацию в нашем подвале наладили. Весь дом на сранье держится. В подъезде — не продохнуть.

Верно, подумал я, и в нашем бы — заодно. Я не знал еще, что дом у нас один, только подъезды разные.

— Будем проектировать скамейки, а на эти скамейки всякие барбосы начнут валить женщин и насиловать.

— Надо спроектировать такую скамейку, чтоб насилловать — нельзя бы!

— А разве получится?

— Конечно! Гвоздями утыкать.

— Самой же больно будет.

— Не женщин, а сук!

— Волнительных сук. Лешка-сосед их так называет: волнительные суки. Суки, говорит, но до чего волнительные! И еще руками покажет, паразит!

— Надо мной точно: сука живет, — Серафима Георгиевна убежденно. — В четвертый раз затапливает. На кухне разводы желтые — я ей голову отрежу!

Я молчал. Ну — насилуют, а что еще делать барбосам в часы досуга? Подстригать кусты роз? Конкурсы воспитателей детских садов посещать?

Разговор понемногу угас.

Я вздохнул и придвинул к себе билеты.

И вдруг вспомнил — здание заводоуправления окрашено в желтый цвет!

ВСЕ ПОЗАДИ И ВСЕ ВПЕРЕДИ

От заводоуправления до быткомбината, где находится конструкторский отдел, 2 минуты 37 секунд. Я замерил.

Сегодня понедельник, восемь двадцать девять утра. Экзамен я провалил. Провалил с треском и позором. Был всего один вопрос:

— Девушку током ударило. Она без сознания. Надо делать искусственное дыхание. Рот в рот. Что требуется прежде всего? — я видел, как ждет экзаменаторша правильного ответа.

— Положить на спину.

— Это понятно. Дальше.

— И сделать искусственное дыхание.

— Нет. Кофточку расстегнуть. А потом?

— И сделать искусственное дыхание?

— Да соображайте вы наконец!

— Чтoб перегара во рту не было?

— Боже мой! Разве у нас так рождаемость когда-нибудь поднимется? — она отчетливо выделила это «так».

— При чем тут рождаемость? Человека током ударило, люди кругом.

— Нет, никогда у нас рождаемость не поднимется!

Пятерку я получил. Мне ее отвесили, как оплеуху. Я упал в ее глазах, весь окутался пылью и надо сильно теперь постараться, чтобы подняться.

С подписью на заявлении — одно заявление, а сколько ж здесь на нем собралось подписей и печатей: и с лицевой, и с обратной стороны — я помчался в отдел кадров. Там меня быстро и окончательно оформили и даже выдали пропуск.

И вот я шагаю в свой отдел, на свое рабочее место.

Завтра надо вернуть учебники в школу — не получилось из меня учителя. Пару-тройку шалопаев ожидает невосполнимая утрата — они навсегда лишились моих подзатыльников. Короли с полководцами тоже могут облегченно вздохнуть и вытереть холодный пот бородами.

Я иду на свою работу. Настроение — как нельзя лучше. Галки в драной изоляции теплотрассы кричат не только друг другу — они и меня приветствуют. «Здорово, птицы, здорово! Полетели со мной к кульману?!» Начальник котельной (это я потом узнаю, что он начальник котельной), хлипкий юноша лет тридцати пяти, взмахивая руками, уносится в сторону ремстройцеха. Я иду и думаю: ничего, дело новое, но как-нибудь осилим и его. Ничего. Я уже знаю, что такое дымососы и наверняка узнаю все остальное. И тому, кто мечется пока без места, я тоже говорю: не отчаивайся, приятель. Не отчаивайся, не опускай голову! Если судьба тебя испытывает — значит, ты годишься для испытаний! А это уже кое-что. У каждого случаются неудачи, но пока ты веришь в себя — все можно поправить. Все можно тысячу раз изменить. Как-то так получилось, что ты проскочил мимо своей работы, и она тебя не окликнула, вы еще не нашли друг друга. Однако, может быть, завтра или через два дня, или через неделю это обязательно, это непременно произойдет.

Я вхожу в здание и взбегаю на третий этаж.

Передо мной дверь с табличкой «Конструкторский отдел».

Я открываю дверь и переступаю порог...

г. Анжиро-Судженск

Алекс

ИЗ Н
«ИМ

До свет
Спешу к
До груст
Спешу н
У горизо
И мысли
Во след
Как дни,

Александр ХОХЛОВ

ИЗ НОВОЙ КНИГИ «ИМЕНИНЫ СЕРДЦА»

ТОМЬ

*Река, как мы с тобой едины!
И мысли я свои несусь,
Как ты несешь седые льдины,
Крутя на водяном весе,
Как будто силой наслаждаясь,
И величава, и строга.
И я за жизнь свою цепляюсь,
Как ты за эти берега.*

2000 г.

*До светлых слез с куста малины всего полшага во дворе.
Спешу к себе на именины в июле, в мае, в январе.
До грусти, как до грядки с перцем, один куплет — и я пою.
Спешу на именины сердца печаль отпраздновать свою.
У горизонта бродят кони и чье-то счастье берегут.
И мысли, и мои ладони изгибом линий к ним бегут.
Во след и я спешу в ночное: моя печаль ему сродни,
Как дни, подсчитанные мною, еще не прожитые дни...*

1995 г.

ЗЕМЛЯ И СОЛНЦЕ

Н. В.

*Как солнце мне согрело кожу,
По небу завершая круг,
Мой милый и горячий друг,
Но друг далекий, ненадежный.*

*И уследить не суждено:
Вот только что светило ясно,
Но в тучу кануло оно,
И на душе уже ненастно.*

*А то и вовсе не взойдет
И где-то дремлет в непогоду,
И все капризней год от года
Мой светлый друг себя ведет.*

*Земля! Совсем иное дело.
Она незыблема, верна.
Она, как собственное тело,
Она, как верная жена.*

*Земля не вертится, не верьте
В то, что придумал Галилей.*

*Лишь вздрогнет чуть при чьей-то смерти.
И мы качнемся вместе с ней.*

*А так — ступаешь, чуешь — твердь,
Надежность улицы и сквера.
И от подошв исходит вера,
Что здесь нам жить и умереть...*

21.10.00

С. Лурье

*Чудес не перечесать.
И не убавить прыть.
Ты пишешь все, как есть,
А я — как может быть.*

*Вот я ушел в мечты,
На сердце отлегло.
Как было — пишешь ты,
А я — как быть могло.*

*Не садишь ты цветы:
Не вырастут — не ныть.
«Не будет», — пишешь ты,
А я — «Все может быть».*

*Ты говоришь: «Чудак,
Мол, посмотри вокруг.
Устроен мир не так,
Мой виртуальный друг,*

*И существует лишь
Реальность бытия,
А то, что ты творишь, —
Все выдумка твоя».*

*О, нет! Я у детей
Учусь, и, видит Бог,
Мир выдумки моей
Не плох, совсем не плох...*

*Я в сказках-чудесах
Уроки проходил,
А там на небесах
Есть красный крокодил*

*И белый бегемот...
И все мне по плечу.
Там все наоборот...
И так я жить хочу!*

*И мир моей мечты
Тебе не переплыть...
«Не будет», — пишешь ты.
А я: «Все может быть...»*

13.12.00

КОСАРЬ

*Вжик коса, вжик коса, вжик.
Ходит по полю косарь, царь-мужик,
Да царит, да воюет не зря:
На косе его ночует заря.*

*И поет, и танцует коса,
Для колосьев тугих — смерть-краса.
И ложатся в ряды копыа-колосы,
И горят у косаря солнцем волосы.*

*Вот покосит он траву и в лесу
Отдохнет — отобьет косу.
Дзынь коса, дзынь коса, дзынь.
Звук летит и садится в полынь.*

*А в тенечке там бидон молока —
От росы запотели бока,
Да ломоть деревенского хлеба,
Да на сладкое — синее небо.*

*То работа идет — вжик, да вжик.
То сидит и пирует мужик,
Озирая простор глазом птичьим,
И качает его от величья.*

21.03.98 г.

РЕВОЛЮЦИЯ

*Пропел петух, но день не наступил.
Белели в сумраке постели
И час безвременья топил
Живую душу в грешном теле.*

*Не подал руку брату брат:
Подкуплен был закон природы.
Из всех подвалов и оград
Ползли тучами уроды.*

*Они, лохмотьями шурша,
Стуча по мостовой клюками,
Иконы под собой круша,
Плелись на праздник шабаша,
Гнилыми клацая зубами.*

*Ни ветерочка, ни луча
От солнца. Запах грязи, гнили.
Предназначение палача
И наших судей — не они ли?*

*А впереди — свиное рыло,
Кривлялось, хохотало, выло,
И все сметало на пути.
Что делать нам? Куда идти?*

1997

КЛОУН

*Я в цирке после представленья,
За улетевающим звуком «бис»,
Как воробей, без приглашенья
Пробрался в княжество кулис.*

*И в переулках закулисы,
Среди верблюдов и девиц,
Несла меня догадка лисья
На встречу с чародеем лиц.*

*В нелепом клетчатом кепоне,
С лицом тяжелым, как валун,
Сидел и плакал рядом с пони
Счастливый клоун на полу...*

1995

* * *

В. Чуйкову

*Я однажды полусонный
То ли бредил, то ли спал.
Ветер нудный монотонный
День ушедший отпевал.*

*Вдруг открыл глаза и вижу
(Или это снится мне?)
Чью-то штопаную грыжу,
Освещенную в окне...*

*Стал я взглядываться дале.
Чья она, не узнаю.
Почему-то вся в медалях,
Но похожа на свинью...*

*Вот она, вихляя задом,
С криком: «Эй ты, гой еси!»
Полетела, буду гадом,
В банке из-под иваси.*

*Взмокла тут на мне рубаха,
Оборвалось все внутри,
Я давай звонить от страха
«Ноль один», «ноль два», «ноль три».*

*Через час меня скрутили,
Был составлен протокол.
Обливали, долго били,
И вкатили мне укол.*

*А наутро, вот возьми же,
Узнаю я из газет:
Неопознанная грыжа —
К счастью. Лучше нет примет...*

1999—2000 гг.

г. Кемерово

Виктор АРНАУТОВ

ВТОРОЙ ГОД СЛУЖБЫ

РАССКАЗ

Семену Корнееву повезло. В смысле армии. И служил всего год, после института. И ни в какие конфликты не вляпался. А еще наивно верил, что живет в самое мирное время и в самой миролюбивой стране.

Пока Семка в институте на семинарах первого курса по истории штудировал да отвечал профессорам на вопросы о военных путчах в Венгрии, Чехословакии и Польше — два его одноклассника сложили свои головушки, защищая границу на острове Даманском.

Аспирантом Семен, втихаря осуждая в кулуарах, разглагольствовал о правомерности исполнения интернационального долга ограниченным контингентом советских войск в Афганистане и использования военных советников во Вьетнаме, Анголе, Эфиопии и Мозамбике. А между тем «черные тюльпаны» везли и везли в Союз свой секретный груз под номером 200.

Будучи доцентом, Семен Аркадьевич в минуты отчаяния и беспросветного самокопания подумывал о том, что бросить бы все к чертовой матери и податься контрактником в Чечню: во всех военкоматах висели объявления о наборе добровольцев с военными специальностями — саперов и механиков-водителей для борьбы с террористами. А тем временем в Ростове-на-Дону, в лабораториях военной судебно-медицинской экспертизы который год не могли идентифицировать останки солдат и офицеров битком набитых рефрижераторов.

Нет, что и говорить: повезло Семену Корнееву!

Даже в «партизаны», на переподготовку после увольнения в запас, и то ни разу не угодил. Да что переподготовка?! В армию, на действительную — трижды призывали. Все комиссии проходил, увольнялся с работы, добровольно брился наголо — в самый последний момент, когда всю команду отправляли служить, оставляли его в резерве. Ну кому нужен солдат-годичник?! Ни солдат, ни офицер — так себе, отбывающий время на службе. Правда, так думали не все, в основном — купцы-офицеры.

Отслужил свое Семен Корнеев, как и положено. Не писарем в штабе, не почтарем, не каптерщиком иль хлебозом — полноценным бойцом расчета, на должности механика-водителя боевой машины. Даже сержантом демобилизовался. В запас уволили.

В запас! Оттого-то, видать, никак и не давали покоя Семену Корнееву сны, от которых просыпался он в невероятных смятениях и никак не мог успокоиться и заснуть повторно. Одолевали его думы-воспоминания, вводя в какую-то необъяснимую виртуальную реальность.

А снилось ему с назойливым постоянством, какой-то педантичной периодичностью одно и то же: призывали его опять и опять на службу. Точнее — дослуживать второй год. И все рядовым.

— Ну что, Корнеев, вернулся?! — ехидненько ухмылялся помощник начальника штаба лейтенант Ужаев. — Будешь знать, как у меня в бильярд выигрывать! Я ж тебе обещал «золотой эшелон» — самым последним на дембель отправить! Выскользнул ты тогда, спас тебя замполит батальона — первым отправил домой за то, что ты кроликов у него кормил, пока тот в отпуске был... Говоришь, что еще и тельник он тебе свой — зимний, офицерский подарил?! Ну-ну... А где же твои сержантские лычки? В писаря ко мне пойдешь? Стармоса присвою! Контрольные будешь мне по истории да иностранному делать. Можешь поздравить: в академию поступил я, в Ленинграде, имени Крылова... Заочно. Теперь-то уж тебя домой не отправлю, как тогда. Пока не научишься мне в покер проигрывать...

25

«При чем тут покер? Мы же с ним никогда в покер и не играли. Как же он нашел-то меня, в Сибири? Я ведь адреса ему своего не давал. И на дембельском гюйсе не расписывался... Нет, правда, а почему меня матросом-то? Я ведь — сержант! А замполит на дембель даже старшего обещал... Опять с салаги все начинать? Кто из наших-то хоть остался в роте?..»

И такая тоска накатывала, какая-то незаслуженная обида!.. «Правда, чего уж сразу-то на два года не призвали? Могли бы и офицером: как-никак с высшим гуманитарным образованием — после каких-нибудь краткосрочных курсов. Уж на замполита-то роты вполне мог потянуть!»

И такая тоска накатывала, безнадёга, от которой, как от удушья, хотелось вывернуться побыстрее, освободиться, пожаловаться хоть кому-нибудь, выйти из оцепенения, крикнуть во весь голос: «Не хочу-у!»

А вместо этого стоит опять Семен Корнеев дневальным по роте у тумбочки с коричневым полевым телефонным аппаратом. На правой руке — красная повязка дневального, на поясе — штык-нож. И затянут Семен в талии туго-натуго широким кожаным ремнем — как раз по окружности его головы — ни вздохнуть, ни охнуть! И перед ним: туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда — матросня в черной десантной форме. И всем, каждому — под козырек, правую руку — к виску...

Зазевался Семен. Жену с дочерью вспомнил. Затосковал...

— Ты почему, салага, дедушке честь не отдаешь? — выводит Семена из забытья окрик. — В зубы захотел?

— Баночек ему! Чтобы не забывался! — вторит другой, похожий на сержанта Женку Яконьского. — Да я бы повесился на его месте!

«Сам вешайся!» — мысленно возражает Женке Семен.

— Ты кому честь отдаешь, салага?! В глаз захотел? — петухом насккивает на Семена старший матрос в лихо заломленном берете; связкою ключей бряцает, крутит туда-обратно цепочкой вокруг правого указательного пальца — каптернамус ротный. — Я ж — гражданский! Дем-бель уже! Понял, салабон? Запомни!

«Черт его знает: кому надо честь отдавать, кому нет... И каждый — в зубы, в глаз, под дых норовит... Интересно, а в туалете надо честь отдавать кому, нет?» — сомневается Корнеев, почему-то вспомнив braveго солдата Швейка.

— Почему команду «Смирно!» не подал?! — Бац по уху! Зазвенело даже...

...Проснулся Семен. Никак врубиться не может. Жена рядом. Ее рука на лице Корнеева — видать, во сне махнула...

«Господи! Приснится же такое!» — и радостно сразу становится Корнееву. — Да как же хорошо-то, что все это не наяву...»

Жена теплая-теплая, духмяно-родная, любимая...

Убрала руку с лица Семена, перевернулась сонная на правый бок, свернулась калачиком. Семен прижался к ней сзади всем телом, обнял миниатюрную, слился с нею в единое целое...

«Господи, хорошо-то как!..»

И двух месяцев не прошло, как снял с себя сержант Семен Корнеев форму морского пехотинца, не успел еще отвыкнуть от казарменной жизни.

Снять-то снял, да только кто-то незримый постоянно пытался вытряхнуть его из гражданки, оторвать от семьи, вернуть обратно на армейский полигон.

С тех пор армейские сны стали сниться ему регулярно, как по разрядке в караул.

И все-то его призывали и призывали дослуживать другой год.

И во снах, запрограммированно, Семен всегда знал, что демобилизовали его законно, по приказу маршала Гречко, номер 369.

«Как замерзнет лед на речке, так приказ подпишет Гречко!» — бытовал армейский афоризм.

И еще: «Лучше в армии служили б мы заочно!»

Может, это «заочно» и являлось теперь Семену во снах?

Твердо зная, что уже отслужил, Семен все пытался доказать в военкоматах и призывных комиссиях, что его уволили в запас по выслуге, на основании принятого закона, что у него уже две дочери, что его ждут студенты на лекциях, что ему надо защищать кандидатскую...

Никакие доводы Семена на военкомов и комиссии не действовали. И он снова и снова попадал на Дальний Восток, в Приморье, Раздольное, где течет речка Суйфун — с двойным дном, в свою часть, в свою инженерно-десантную роту. И ему ротный старшина выдавал форму и новые белые кальсоны, а каптерщик Кулик, посмеиваясь, приговаривал: «Новье, каноль — муха не сидела! А если сидела, то не срала!»

«Почему «каноль»? Что за «каноль»? Может — камволь?» — никак не может понять Корнеев.

— Подъема была? — Была! — Кому спим? — кричит узбек-дневальный, включая свет и сирены в казарме.

Семен пытается вскочить с железной кровати. Никак не может натянуть свои брюки и встать в строй — подкашиваются, не слушаются ноги...

...Корнеев просыпается в поту и тревоге. И опять радуется, что это только сон. «Может, и правда, уж лучше бы призвали, да отслужил бы свой второй год?» И не тяготы армейской службы с унижениями достоинства, и не потерянный год больше всего беспокоили Семена — преодолел бы и это... Очень уж угнетала мысль об одиночестве — без семьи, без дочери, без любимой жены. Особенно — без жены...

А еще почему-то во снах Семен почти никогда не видел сослуживцев.

Хотя нет. Несколько раз мелькнули знакомые лица. Колька-Ежик. Чудик добрейший. Салажонка не обидит. Круглый, как колобок, потому и прозвище — Ежик. Какая-то вина угнетала Семена перед Ежиком. Может, потому, что «потерялись» они в Новосибирске, в дембельском «золотом» эшелоне. Ежик тогда с Корнеевым в одном купе от самого Владика ехали. По доброте душевной все дембельские деньги спустил Ежик, в том числе и на Семена потратился. Семену — в Кемерово, Ежику — в Рубцовск, на Алтай. Как и Семен, служил Ежик в той же роте и на той же должности — механика-водителя УРа. Ежик за полтора года в гнилом Чилимском крае чахотку заработал. Предлагали комиссовать досрочно — отказался. Последние полгода из санчасти-госпиталя не выбирался, кашель душил.

«За что же Ежика-то опять призвали?» — недоумевал Корнеев.

И Женку командир отдал дисбат на два года. И за редеющим телом общест- пожалели, уч- Яконьский. Н- дал. «Опять и дерутся с де- молодых да с- устраивать, п- досталось от- Загнулся Кор- бузданной зл- очередью, ве- такую тварь!»

«Корнеев лованный сер- с КПП привел- дежурного по- дембеля!» — опять изгалья- глаза глядя: запорю штыв-

Как же хо- Яконьскому- дух выловле-

— Это ты

— С дерь

— Тогда д

лагает Якон

— Да по

Леха Ма

служивцы м

морфозные

Каждый

и к себе в ча

Не та оград

стадион, кам

И офицеры

ресное — ф

была у все

роты. Тепер

царских гва

ярко-зелена

ристых вить

одинаковы

вым виском

И Женька Яконьский тут же. Разжалованный сержант — командир отделения. Семена — на дембель, Женьку — в дисбат на два года за мордобой. И хорошо, что в дисбат, могли и за решетку упрятать: батя Женьки — председателем общества советско-польской дружбы числился — пожалели, учли ходатайство... А вообще — паскуда этот Яконьский. На гражданке Корнеев руки бы ему не подал. «Опять издеваться будет, гад, — думал Семен. — Надерутся с дембелями после полочки или переводов — молодых да салаг всю ночь гонять будут, «отбой-подъем» устраивать, пока в кровь не измордуют... И Семке как-то досталось от него: под солнечное сплетение врезал. Загнулся Корнеев, заскрежетал зубами, наливаясь необузданной злобой: «Автомат в руки — исполосовал бы очередью, весь магазин бы израсходовал — не жалко на такую тварь!» Стерпел, пересилил себя Корнеев тогда.

«Корнеев — к тумбочке! — командует во сне разжалованный сержант Яконьский. — Сейчас Олю Бухенвальд с КПП приведут — трахать взводом будут. Не просмотри дежурного по части! Из галюна не вылезешь до самого дембеля!» — «Сука! — думает Корнеев про Яконьского, — опять изгаляться будет». И отчаявшись, громко, в лицо, в глаза глядя: «Я не шестерка тебе! Посмеешь тронуть — запорю штык-ножом!»

Как же хотелось крикнуть это прямо в лицо тому же Яконьскому тогда, когда загибался Корнеев, хватая воздух выловленной рыбой.

— Это ты на меня накапал? — спрашивает Женька.

— С дерьмом не связывался, — бросает в ответ Корнеев.

— Тогда давай руку, будем держаться вместе, — предлагает Яконьский.

— Да пошел ты... Я ж сказал: с дерьмом не вожусь...

Леха Малов, сержант Сиренко, Сашка Былин — сослуживцы мелькнули. Вроде они, а вроде и нет. Метаморфозные какие-то...

Каждый раз во сне Корнеев дивился многому: вроде и к себе в часть попадал, а как будто и не то все уже там. Не та ограда, не те сопки, не те казармы двухэтажные; стадион, камбуз, спортзал, штаб, даже клуб с санчастью... И офицеры почему-то все другие... И что самое интересное — форма у каждой роты разная. Не такая, как была у всех — черная — и не поймешь: кто из какой роты. Теперь в каждой роте форма своего цвета, как в царских гвардейских полках: синяя, малиновая, красная, ярко-зеленая — с аксельбантами и эполетами в серебристых витых кистях. Только вот береты почему-то у всех одинаковые, черные с красным треугольником над левым виском и с золотым якорьком...

Попадая в часть, Корнеев непременно оказывался в саперных расчетах — то узэпистов, то уровцев. Чаще все же — уровцев, как правило, механиком-водителем.

УР-67 — установка для разминирования морских побережий — считалась у них секретной боевой техникой. Их всего-то было две на всю часть — отдельный батальон.

На выездных флотских учениях матросы десантных коробок и морпехи других частей все удивлялись, дескать, что за хреновина такая: ни на танк не похожа, ни на БТР, ни на ПТС.

А «хреновина» та и впрямь отличалась и от танков, и от самоходок. И в ее расчете было всего-то трое: командир, радист-стрелок да механик-водитель. Помимо двух станковых пулеметов, что стояли по бокам маленькой юркой бронированной танкетки, у башенного люка находился короткий, метровый, зачехленный ствол. Через этот ствол и выбрасывался наружу снаряд, укладываемый внутри в специальный ящик-кассету. Сам снаряд напоминал гибкий серый пожарный рукав. Только был начинен он тестообразным взрывчатым веществом — пластидом — розоватого цвета.

Подчиняясь принципу взаимозаменяемости в расчете, механик-водитель Семен Корнеев знал не только свое дело, общую теорию и тактико-технические данные машины, но и мог выполнить на учениях операции стрелка-радииста и даже командира расчета. За то после очередных учений старшему матросу Корнееву присвоили сразу звание сержанта и второй класс механика-водителя. А в механики-водители Семен попал не случайно, совсем не по институтской специальности: пригодились права тракториста-машиниста, полученные еще при окончании средней школы в далекой сибирской деревеньке Пудино.

...Глушит рев мотора УРа удобно подогнанный черный шлемофон. При тусклом свете, скрючившись, сидит Семен в тесной утробе машины за рычагами. Рядом командир, сержант Сиренко. И стрелок-радиист. Почему-то Сашка Былин.

— Дергай за рычаги-фрикционы поаккуратней! — говорит он. — Будь внимательней, не снеси ворота бокса! — И вдруг добавляет — Как слово «диссертация» пишется? еще не забыл? — И почему-то вместо сержанта Сиренко командует: «К бою! Полный газ!»

Танкетка мчится, лязгая гусеницами, подпрыгивая на ухабах и канавах. И мнится Корнееву, что трясется он со своим отцом на телеге по замерзшим осенним кочкам. Его руки слились с рычагами управления машины,

а глаза прильнули к смотровой щели. В узкую смотровую щель линия горизонта скачет то вверх, то вниз, порой и вовсе уходит куда-то под траки. Тогда видно лишь серое небо с просветами наподобие школьных геометрических фигур.

— Пли! — раздается в наушниках шлемофона Корнеева команда сержанта Сиренко.

Сашка Былин нажимает гашетку. Выстрел!

Корнеев видит, как из короткого ствола наружу бесконечно длинной серой гусеницей стремительно выползает кишка пожарного шланга, будто наполненного водой. Кишка распрямляется, вырастая в единую длинную серую стрелу и улетает параллельно земле вперед метров на триста. Она плашмя падает на землю. И тут же: Трах! Бах! Тарарах! Взрыв, гром, завеса, огненно-розовое облако...

— Равняйся! Смирно! Равнение налево! — почему-то командует Корнеев и просыпается от собственного голоса.

...Корнеев просыпается и никак не может переключиться из сна в реальность. Он лежит в спальне своей городской трехкомнатной квартиры. Открытые двери спальни глядят через коридорчик в кухонный проем. Из кухни пробивается желтый свет электрической лампочки. Доносится голос диктора радио. Жена готовит завтрак.

Семен прислушивается к радио. Передают информационное сообщение. Он улавливает, что в Грозном при невыясненных обстоятельствах погибли двадцать пять бойцов сводного отряда Кузбасского ОМОНа. По одной из версий, в тумане, прикрывая продвижение омовцев по улице Грозного к площади Минутка, был произведен выстрел непонятного происхождения, возможно... своих... морских пехотинцев...

«Ё-мое! — думает Корнеев. — Сон-то в руку! Да это ж наши уровцы накрыли ОМОН! Вот тебе и Сиренко! Вот тебе и «Пли!» В кого «Пли!»-то? В своих? А ты еще собирался контрактником в Чечню! Механиком-водителем или сапером... Вояка... Небось, такой же, вроде тебя... Да как же это по своим-то?! Так ведь это уже не сон... Даже не учения... Война? — пугается своих догадок Корнеев. — Пусть и свои со своими, но все ж — война! Не игры в синих-зеленых... Что ж творится-то, Господи?!»

— Старший прапорщик Корнеев? — спрашивает военком подполковник Траленков, улыбаясь.

— Никак нет — сержант запаса Корнеев, — отвечает Семен Аркадьевич.

— Я знаю, что говорю... Старший прапорщик! Звание тебе присвоил твой брат, майор Красильников! — прерывает Корнеева Траленков, с которым за одним сто-

лом накануне отмечали тридцатипятилетие двоюродному брату Корнеева.

— Вышел указ президента Ельцина, слышал? — продолжает подполковник Траленков. — Всех, кто служил после института всего год, срочно призвать дослуживать второй. С повышением в звании. Ты у нас кто по ВУСу в запасе?

— Начальник клуба морской пехоты, мичман, — отвечает Корнеев. — Но я ж уже доцент...

— Это ничего не значит! — усмехается Траленков. — Готовь свой тревожный чемоданчик: смену белья, зубную щетку с пастой, ложку, чашку, кружку — сам знаешь... Завтра в десять вечера — эшелон. Поедешь старшим команды, до Владивостока. Сдашь там всех в экипаже. А сам — в часть! Помнишь, в какую?

— А как же! Сто восемьдесят шестой отдельный морской инженерный батальон! — лихо, по-военному рапортует Корнеев.

— Вот-вот! Явишься к полковнику Шамо, доложишь... 28 Надо, Аркадьевич, отслужить... Давай-ка на дорожку...

Подполковник Траленков достает из сейфа пистолет в кобуре, затем бутылку водки и два граненых стакана. Наливает до краев оба. И ставит свой стакан на тыльную сторону правой руки, на запястье. То же делает и Корнеев. Не чокаясь, стоя, они выпивают.

— Служи, Аркадьевич! Не позорь нас с Красильниковым! — напутствует подполковник Траленков.

Корнеев просыпается. «Да сколько ж можно?! Двадцать лет прошло, как демобилизовался! А до сих пор все служу и служу... Подсчитать если, то второй год, выходит, только во сне уже дослужил... Да-а-а, интересно все же было бы в свою часть попасть. Пусть и послужить. С месяц. Нет, пожалуй, с недельку... А что? И галюн бы подраил нарядчиком, как молодой... Дневальным бы постоял у тумбочки, в караул сходил... В УРе посидеть бы, за рычаги подержаться, почувствовать вибрацию, как от электрического тока... Да ладно — неделю, денек хотя бы... Пройтись хоть по части, да что часть — на сопку бы глянуть, что убегала ввысь сразу за клубом и складами ГСМ...»

Перестали сниться армейские сны Семену Аркадьевичу Корнееву.

Лет пять уже не снятся.

«Надо бы к Траленкову сходить в военкомат, пусть с учета снимает. Полтинник-то — месяц назад вместе отмечали...»

А видать, и вправду — дослужил во снах свой второй год сержант запаса Семен Корнеев.

г. Кемерово, 30 апреля 2001 г.

Олег МАКСИМОВ

ЖИЗНЬЮ Я, БУДТО КРОКОДИЛ

Что там было...
Это память...
Захлестну...
Грузом про...
сорванный

Да и есть...
В том, что...
Офлажков...
Я уже нич...

Застреваю...
Будто я н...
Нас опять...
Королей з...

А шестерк...
По закона...
Снова тян...
Всевозмож...

Снова схо...
Повсемест...
Душу черт...
Если даст...

Что за вой...
Это бесы...
Ладят кре...
Тащат зва...

Здесь ест...
Себя в р...
Чужая па...
В объяти...

Чужою с...
Не дав н...
А вот и...
Чужбино...

Олег МАКСИМОВ

ЖИЗНЬЮ Я, БУДТО КРОВЬЮ, ИСТЕК...

* * *

*Что там выползло из темноты? —
Это памяти аспидный полз.
Захлестнула петля немоты
Грузом прошлого
сорванный голос.*

*Да и есть ли какой-нибудь толк
В том, что я прорычу и пролаю?
Офлажкованный временем волк,
Я уже ничего не желаю.*

*Застревают в гортани слова,
Будто я нажевался махорки.
Нас опять обманули, братва, —
Королей записали в шестерки.*

*А шестерки поперли в тузы
По законам испытанной пьесы:
Снова тянут страну на весы
Всевозможные мелкие бесы.*

*Снова сходит на них благодать —
Повсеместно вылазят на сцену,
Душу черту готовы отдать,
Если даст он хорошую цену.*

*Что за вой, что за стук на дворе? —
Это бесы, как родные братья,
Ладят крест на высокой горе,
Тащат гвозди к подножью распятъя.*

1991

* * *

*Здесь есть о чем загоревать,
Себя в реальность погружая:
Чужая подо мной кровать,
В объятиях — жена чужая.*

*Чужою стала мне семья,
Не дав ни радости, ни счастья,
А вот и родина моя
Чужбиной стала в одночасье.*

*В устах читательской молвы
Стоял я, как на пьедестале,
Но по большому счету вы,
Увы, родными мне не стали.*

*Увы, к закатному огню
Клонюсь усталой головою,
Но никого я не виню
За отчуждение роковое.*

*Я, видно, свыше заряжен
Жить, никого не виноватя,
Любить чужих прелестных жен
И умереть в чужой кровати.*

*Но, безысходностью слепя,
Реальность вспыхнет из-за края,
И я увижу вдруг себя
Адамом, изгнанным из рая.*

30 сентября 1998 г.

* * *

*Я б хотел, но уже не смогу
Безмятежно купаться в обмане,
Я стою на пустом берегу,
Словно каменный идол в тумане.*

*А вокруг ни жилья, ни огня,
Будто мамонт, весь мир беспробуден.
Хищный ветер свистит сквозь меня,
Как стрела сквозь простреленный бубен.*

*Это жизнь просвистела у глаз
Непонятой чредой измерений,
Капля крови на лбу запеклась —
Жалкий след мимолетных прозрений.*

*Я хватался за призрачный миг,
Я в пространство втекал, как в плотину,
Но, увы, ничего не постиг
И уже никогда не постигну.*

*Остается смотреть на Восток,
Отмечая восхода усталость...
Жизнью я, будто кровью, истек —
Что же мне напоследок осталось?*

*Остаются химеры и дичь
Вроде тех мимолетных прозрений,
Что пространство и время постичь
Ни дурак не умеет, ни гений.*

17 октября 1998 г.

* * *

*Сердце занялось. Качнулась хата.
И тогда он вышел на крыльцо.
В теплую окалину заката
Окунул холодное лицо.*

*Поклонился клеверному полю.
На пенечек сел под тополя.
Сняв ошейник, отпустил на волю
Верного цепного кобеля.*

*Сладил в головах горшок с цветами.
Покрестился. Лег под образа.
А потом спокойными перстами
Сам себе закрыл глаза.*

21 ноября 1998 г.

* * *

*Оттолкнувшись ленивой ногой
От причала, забитого тиной,
Он поплыл незнакомой рекой
За своей золотой серединой.*

*Левый берег, пугая людей,
Оглашали ужасные звуки:
Это шабашем пьяных чертей
Гений Тьмы забавлялся от скуки.*

*Правый берег купался в садах,
Истекающих яблонным соком.
Все здесь жили в любви и трудах
Под Господним недремлющим оком.*

*А пловец в одиноком челне
Упивался рекою пустынной, —
Словом, был он доволен вполне
Золотою своей серединой.*

*Но река поглотила пловца:
Он загинул в пучине безбрежной,
Не успев осознать до конца,
Что расплата была неизбежной, —*

*Что, презрев и друзей, и врагов,
Стал он жалкой песчинкой в пустыне,
Что нельзя между двух берегов
Пребывать в одинокой гордыне.*

21 ноября 1998 г.

* * *

*Уже отрезвляясь, еще во хмелю,
На грани ухода, в объятиях смуты,
Люблю тебя, девочка! Просто люблю.
А что еще скажешь в такие минуты?*

*Люблю тебя, девочка, просто люблю,
Цепляясь за жизнь, изживая усталость.
Люблю тебя, девочка, — значит, гублю,
Поскольку любить мне поры не осталось.*

18 мая 1999 г.

КРИК О ВЛЮБЛЕННЫХ

*Эта ночь. Этот выкрик —
Вот уж не повезло:
Я почти уже выгреб,
Но сломалось весло.*

*И течение меня закружило,
Я саженками махал, рвались жилы,
Но до берега уже не добраться...
Как же так? Ну разве можно так, братцы?*

*Только тут я вдруг вспомнил
Ту, что с дерзким смешком,
Даже если и вспомнит,
Назовет слабаком.*

*И рванул я, как таймень трехаршинный,
И достиг своей последней вершины,
Я лежал на берегу, красно-синий...
Видишь, девочка, я все еще сильный.*

*Жизнь прекрасная, здравствуйте!
Я твой верный пловец.
Эта песня — о страсти
Двух влюбленных сердец.*

*Если станешь пропадать в злую полночь,
Все осилишь, про меня если вспомнишь, —
Так же выиграешь все в круговую,
Как я выплыл в эту ночь штормовую.*

21 мая 1999 г.
г. Таштагол

Владимир МАЗАЕВ

«И ДЛЯ НЕГО ВОСКРЕСЛИ ВНОВЬ...»

Лодки живут долго, по крайней мере, могу это сказать о лодке Антона Ивановича. Каждую весну, когда приезжаю сюда, я вижу ее на берегу, на высоких подпорках. Около ходит Антон Иванович. Издали машу ему, забегаю в дом, здороваюсь с Анной Ильиничной, бросаю свой дорожный баульчик и, взволнованный, выхожу на берег.

Топольники, как всегда в эту пору, захвачены пагодом. Старые почерневшие деревья, раскинув кроны, стоят в воде с мудрой отрешенностью; их тени на воде — их продолжение, только в другой плоскости.

Я жмурю глаза от чешуйчатого сверкания Кондомы, вдыхаю пахнувший мокрой горячей галькой воздух, бегу вниз, к лодке.

Антон Иванович получил мою телеграмму и уже все приготовил. Лодка просушена, на горбу днища разложены долота, скрученная в жгуты пакля, деревянные молотки. Рядом на низеньком тагане дымится в ведерке вар.

Отстегиваю от своей городской рубашки запонки, закатываю рукава, беру молоток. Узкие сухие доски весело гудят под нашими ударами. Мои удары отрывисты и сбивчивы, Антон Иванович постукивает играючи, пакля входит в пазы легко, чисто. Поцарапанное взъерошенное днище пахнет тиной, таинствами речных глубин, романтикой путешествий.

Потом мы цедим в щели пузырящийся раскаленный вар. Я орудую утюгом, горло дерет от дыма. Дым скатывается под лодку, долго качается там.

Покончив с днищем, устраиваем перекур. По днищу весело течет агатовый блеск, оно похоже на спину гигантской снулой рыбы. Кондома опахивает лицо холодом. У берега вода тиха и степенна, ближе к середине стремительна — такое впечатление, что река пытается обогнать саму себя.

Противоположный берег высок, горбат, усыпан домиками деревни. Чернеют заплатки вспаханных огородов. По утрам за рекой многоголосо мычит скот, тарахтят моторы. Тонкие вилушки дыма перечеркивают накаляющуюся кромку горизонта, — оттуда всходит солнце.

Антон Иванович неторопливо рассказывает зимние новости.

В Настином логу поселилась семья лосей и, странно, — никуда не уходит. Перед весной к самому дому, от Глухой курьи, повадилась ходить выдра. В аккурат,

где мы сидим, на Рождество приземлялся вертолет. Летчики — веселые парни! — купили ведро огурцов и ведро медовухи и улетели по своему маршруту. Охотник Кусургашев выполнил несколько планов отлова соболя. Как ухитрился? Его секрет...

Новостей не много, все они похожего плана, но я слушаю с интересом. Для меня и Настин лог, и охотник Кусургашев, и Глухая курья — не отвлеченные понятия. В Настином логу я много раз охотился на зайцев. С сыном Кусургашева — Данилкой — дружил в детстве. А Глухая курья тоже очень даже знакома. Мальчишкой я чуть не утонул в ней, попытавшись по способу воинов древнего Киева дышать в воде через тростинку.

Антон Иванович лыс, но все теплое время года ходит без головного убора, оттого уже в мае голова его матова от загара и похожа на кегельный шар. Он в старой брезентовой куртке, резиновых сапогах с круглыми велосипедными латками.

31 Мы снова беремся за лодку. Сталкиваем с подпорок, переворачиваем. К днищу изнутри присохла рыба чешуя. Антон Иванович лезет в лодку, долго ощупывает укорыны — дугообразные крепления, — что-то бормочет. Две из девяти нуждаются в ремонте.

Снова стучим молотками, и первобытный стук этот отдается в душе весенней музыкой. Солнце уже высоко, жжет плечи; ветер холодит под мышками; все настойчивей тянет от реки сырой галькой.

На бревнышках скатываем лодку к воде. Дерево кряхтит, нос и корма покачиваются. Того и гляди хрустнет днище — все-таки старушка пожила свое.

Антон Иванович приносит из дому весла. Следом на берег выходит Анна Ильинична, дымком вьются белые пряди. Она в цветастом фартуке и глубоких калошах на босу ногу. Я замечаю на левой такую же, как у мужа, круглую аккуратную латку. И вспоминаю: года два назад я приезжал с надувной лодкой и потом оставил старикам велоаптечку, вот и пригодилась...

Глядя на нас, копошащихся, Анна Ильинична певуче спрашивает:

— Ну как сиди вода, прибывает или на мере?

— На мере, на мере, — отвечает Антон Иванович.

Анна Ильинична щурится, вздыхает:

— Слава Богу, пора ей и угомониться. Откудова така прорва, прошлогод и то меньше было. Выбегла я как-то середь ночи, глядь — вода баню подмывает, у меня сердце так и рухнуло... А после ниче, скатилась.

Наконец все готово. Я подбираю тонкую звенящую цепь и, поднатужившись, спихиваю лодку в воду. Лодка стремительно уходит от берега.

— Табань живеи! — кричит недовольно Антон Иванович, стоя на берегу.

Прыгаю через скамейку, вставляю в уключины весла, торопливо взмахиваю ими — и все равно не успеваю: кормой ударяюсь о дерево. Лодка гудит, в воду шлепается кусок коры.

Не глядя на Антона Иваныча, смущенный собственной нерасторопностью, я разворачиваюсь и, задевая веслами о стволы, плыву в глубь топольников.

Я плыву в топольники, небо надо мной густеет, перехлестнутое черными голыми ветвями. Ветер уходит в вышину, солнечные лучи буравят мутноватую глубину. Опахивает волной винный дух преющего дерева. Тут же уступает другому — горьковато-пьянящему запаху цветущего таволжника, которого отсюда еще не видно. Эти запахи! Они пуще воспоминаний будоражат память, кружат голову. Я начинаю волноваться, бестолково верчусь — словно передо мной вот сейчас, сию минуту раскроется тайна, и я не переживу минуты, если упущу ее.

Обгоняю запоздалую льдинку с вмерзшими ка- тышками заячьего помета. Подмытая где-то в верховьях березка плывет так давно, что уже выбросила, как флаг, зеленую веточку. На кусочке коры сидит паучок-крестовик, сгорбившись от горя. Осторожно задеваю кору веслом, паучок вдруг оживает, цепляется за весло, прытко бежит по веслу в лодку.

Я смотрю на неколебимые, как колонны, тополя. Черные в обхват стволы поклеваны льдом, заскорузли от времени, и трудно представить, что в них, как и в плывущей, оторванной от земли березке, гудит пробудившаяся жизнь.

Откуда в наших таежных и боровых краях эти тополя, эта удивительная роща, растянувшаяся поймой реки на километры? Далеко за рощей, на уклоне Пургиной гривы, высятся камни крепости, заложенной еще сибирскими первопроходцами. Молва доносит: защищаясь от набегов джунгарской конницы, первопроходцы обнесли крепость вбитыми в землю кольями. Колья были из черного тополя и принялись, — с годами образовалась роща. Я верил в эту легенду в детстве, хочу верить в нее и сейчас, хотя опыт и подсказывает: тополя не могут жить так долго, а молодой поросли здесь давно никто не видел.

Если завтра вскарабкаться повыше, в самый носок вон той рыжей скалки, то можно охватить взглядом все — и синью окрашенную тайгу, и блеск кондомские разливы до горизонта, и подковку железнодорожного моста, и совсем вдали сломы крепостных стен, и «крыш корою» — приплюснутые кварталы старого города.

А еще, коль напрячь слегка воображение, можно увидеть золото крестов и зеленые купола белокаменного храма, в котором когда-то венчался Достоевский.

Большая и трагическая любовь великого человека освятила эти дорогие моему сердцу окрестности. Вот что в такие минуты трогает и тихо, до горечи изумляет, будоража память и этим врачует ее. И забывается мудрый библейский совет хранить себя больше в молчании...

...Уездный Кузнецк, важный некогда форпост в оборонной линии южной Сибири, слыл уже захоластием, дремотной Азией, когда в него занесло ненадолго «унтера» Сибирского штрафбата Федора Достоевского, вчерашнего каторжника.

Занесло же его туда «грозное чувство» к молодой женщине, белокурой красавице Марии Исаевой. И «занесло» как нельзя вовремя.

Позднее он признается безжалостно в письме к другу: «Я увидел ее! Что за благородная, что за ангельская душа. Она плакала, целовала мои руки, но она любит другого... Я провел не знаю какие два дня, это было блаженство и мучение нестерпимые!.. Ее сердце опять обратилось ко мне. Она мне сказала: «Не плачь, не грусти, не все еще решено; ты и я и больше никто! «Я уехал с полной надеждой... Письмо за письмом, и опять я вижу, что она тоскует, плачет и опять любит его более меня!..»

Но вот наконец-то (наконец-то!) все позади. И ненавистный мундир штрафника с красными погонами и красным тугим воротником. И унижительное (при его-то феноменальной мнительности!) соперничество с «мальчишкой», учителем приходской школы Вергуновым. И победа над ним! И мучительные поиски денег на свадьбу. И «пышное», многлюдное венчание в Одигитриевской белокаменной церкви, где «шафером по жениху» был не кто иной, как сам «соперник», учитель Вергунов (невероятно, необъяснимо, но факт). И долгожданный, поистине выстраданный отъезд в Россию.

Когда же, умиротворенный и счастливый, едет он в купленном им тарантасе с дремлющей на его плече женщиной, женой — шепча: «Великодушная моя! Нежданная моя освободительница!» — он, могучий знаток человеческой души и прорицатель (недавно еще утверждавший, что «у женщин чувство берет верх даже над очевидностью здравого смысла»), — он не знает, не догадывается, что в каких-то верстах позади, тем же ходом, следует «побежденный». И что жена тайно шлет ему записки: где они остановятся, где заночуют...

Эта жалкая комедийная коллизия находит продолжение в Твери, где Достоевскому разрешено было жить. А позже — во Владимире...

Марья Дмитриевна уже серьезно страдает нездоровьем. Несмотря на это супруг ее вынужден часто и подолгу отлучаться в Санкт-Петербург по своим

литератур- ницу, ле- купаниям

В оди- из очеред- дверях ко- ется лоб

Можно- великое г

Взбеш- ка, вбегает

Та сра- Какие

вотворец- увез от ни

прозябан- тряпку? Ч

преданно- боже мой

живя в Се- слово дру

ражен ка- проплакал

его ангел

А что ж

«страшно- ему она.

стившаяс- ее — отча

ных дней? янии? Пас

Она бы- теллектон

своего се-

И она

рее — от с

бросала

лицо: «Да

ния! И ты

тая... руку

нет сердц

бы полуб

век — дья

Прижа-

повалила-

А его, с

страшным

плацу, на

ная, моги

воздухе в

ледную г

В свое

тоевского

литературным делам. Немного позднее — и за границу, лечиться гостейскими водами и морскими купаниями (от эпилепсии).

В один из хмурых осенних дней, возвратившись из очередной длительной поездки, он чуть ли не в дверях комнаты, где лежит больная жена, сталкивается лоб в лоб с... учителем Вергуновым!

Можно себе представить изумление супруга. Его великое потрясение и его праведный гнев!

Взбешенный, на грани эпилептического припадка, вбегает он к жене.

Та сразу поняла — случилось ужасное...

Какие слова находит он, непревзойденный словотворец? Что та, которую он с малолетним сыном увез от нищеты, от «поганого общества», от вечного прозябания в захолустной дыре, — размазала его как тряпку? Что сам он — жалкий слепец, считавший ее преданной, подвенечной женой? Неужели это о ней, боже мой, о ней, страстно любимой, писал он, еще живя в Семипалатинске: «Вдруг слышу, что она дала слово другому, в Кузнецке, выйти замуж... Я был поражен как громом, я заметался, упал в обморок и проплакал всю ночь... Я погибну, если потеряю своего ангела: или с ума сойду, или в Иртыш»...

А что же виновница этого некогда действительно «страшного, грозного чувства»? Чем могла ответить ему она, уже неизлечимо больная, только что простившаяся с любимым человеком, который любил ее — отчаянно и безнадежно — до последних ее земных дней? Схитрить? Заломить руки в горьком покаянии? Пасть на колени?

Она была умной, горделивой, «с недюжинным интеллектом женщиной, не умевшей говорить против своего сердца» (слова Достоевского).

И она — не то защищаясь, не то нападая, а скорее — от смертельно-невыносимой затынутости узла, бросала ему в его искаженное «нервною болью» лицо: «Да, я полюбила его!.. до нашего еще венчания! И ты об этом знал!.. Если бы не нужда проклятая... руку толкнула... принять твое подаяние!.. У тебя нет сердца! Ни одна порядочная женщина не могла бы полюбить бывшего преступника!.. Ты не человек — дьявол...»

Прижав к вдруг зарозовевшим губам платок, она повалилась на подушки.

А его, задохнувшегося от горловых спазмов, обожгло страшным ощущением — он снова на Семеновском плацу, на эшафоте, привязан к столбу, в глазах черная, могильная духота савана, и щелчки в морозном воздухе взводимых ружей отщелкивают ему его последнюю предсмертную минуту...

В своей книге воспоминаний об отце дочь Достоевского пишет: «С растерзанной душой он слушал

безумную исповедь жены... Он был охвачен ужасом перед Марьей Дмитриевной, покинул ее и бежал в Петербург, где искал утешения у брата Михаила... Ему было сорок лет, и он еще не был любим...»

И тут припоминается — и совсем некстати! — что в это самое время у него полыхает эмоциональнейший, на грани фолла, роман с юной взбалмошной «нигилисточкой» Полинькой Суловой, начинающей писательницей, из романтического заграничного путешествия с которой он только что вернулся (и которая, к слову, опубликует в свое время книгу «Годы близости с Достоевским»).

Вот парижское письмо Достоевского затронутой поры — к Варваре Дмитриевне, старшей сестре его жены: «Напишите мне, голубчик, о всем, что знаете и что услышите о Марье Дмитриевне. Беспокоюсь я ужасно и сердечно о ее здоровье. Дай ей бог лучшего!..»

И следом, уже из Турина (сентябрь 1863 года), горькое сетование брату Михаилу на то, что в очередной своей встрече с рулеткой он «проигрался весь, совершенно, дотла». На что брат Михаил довольно логично ответил ему: «Как можно играть дотла, путешествуя с тем, кого любишь?» (Хотя мог бы, кажется, позволить себе по-братски связать: ...и когда дома больная в чахотке жена...)

Комментировать сие я не в силах, ибо «прильпел язык к гортани моей»...

15 апреля 1864 года Достоевский — Михаилу:

«...Вчера с Марьей Дмитриевной сделался решительный припадок: хлынула горлом кровь и начала заливать грудь и душить... Все мы были около нее. Она со всеми простилась, со всеми примирилась, всем распорядилась... умирает тихо, в полной памяти...»

И в тот же день, вечером:

«Милый брат Миша, сейчас, в 7 часов вечера, скончалась Марья Дмитриевна и всем вам приказала долго и счастливо жить (ее слова). Помяните ее добрым словом. Она столько выстрадала теперь, что и не знаю, кто бы мог не примириться с ней...»

Так вот. Сдержанно. Без слезы. Смиренно. Похристиански.

У великого человека и семейная драма умеет быть великой...

...Я бросаю весла, ложусь грудью на узкий лодочный нос. Прямо перед глазами — кольцо с цепью, рядом хорошо заметная вдавленка — корявая буква «Д». Ее выжиг Данилка, мой друг, в такой же солнечный весенний день линзой, вынутой им тайком из старого отцовского «Цейса».

Странный был этот парень Данилка. Все свое детство прожил на реке, но воды боялся панически. Когда

я из озорства раскачивал лодку, он хватался за борта и начинал хныкать, как девчонка, хотя был на три года старше меня.

Зато в лесу он чувствовал себя уверенно. Голодное детство приучило его смотреть на окружающую природу с одной определенной точки: а что тут можно съесть? Ягоды и щавель, и птичьи яйца — само собой. Он обламывал и жевал весенние, мягкие, как свечки, вершинки елочек, выкапывал корешки кандыка, хрустел мясистыми трубочками медвежьей пучки; в подзаборной траве выискивал какие-то калачики.

Любопытно было видеть его в лесу. Вот он кошачьей походкой идет по лесной тропе, широкие ноздри смотрят вперед, уголки губ грязные — он только что съел корешок. Мне всегда казалось, что зрение у него, как у зайца: сразу и влево, и вправо. Вот он останавливается, делает бросок в сторону. Сарана своими мутовками похожа на крохотную многоступенчатую пальму. В землю вонзается лопаточкой заостренная палка. Через минуту в Данилкином кулаке желтая маслянистая луковица. Едва вытерев о рубашку, он сует луковицу в рот. Жует энергично, с чавканьем, и в глазах такое удовлетворение, что становится завидно.

Закрываю глаза, и мне вспоминается тот солнечный весенний день, когда я совершил поступок, за который мне стыдно и теперь. Данилка лежал на носу, как я сейчас, выжигая линзой свое имя. Я пробрался с кормы в середку, встал на борт и резко качнул лодку. Данилка ойкнул, захныкал и с вытаращенными глазами сполз на дно. Линза булькнула в воду.

Мы оба остолбенели. Данилка тихо заскулил и стал судорожно снимать штаны. Не забуду выражение его лица, с каким он погружался в ненавистную ему воду. Глядя, как Данилка барахтается в мутной ледяной воде, тщетно ища канувшее стекло, я понял, что шутка моя оказалась более чем жестокой: отец Данилки был человек суровый, а бинокль служил памятью о войне.

Я тогда тоже разделся и тоже нырял, и у меня тисками сжимало голову, и я глотал воду, пахнущую снегом и лягушками. Когда мы сидели в лодке с посиневшими лицами и тряслись так, что от лодки шла мелкая рябь, я не мог смотреть Данилке в лицо и чувствовал себя, пожалуй, не менее несчастным, чем Данилка.

Лежу с закрытыми глазами, лодка тихо скользит, стучась бортами о стволы, пересчитывая их. Далеко, посреди разливанной реки, с натужным воем мчит моторка. Через минуту оттуда приближается полоса шлепков — волны проходят сквозь топольники.

Течение прибывает меня к залитому половодьем гривастому таволжничку. Хватаюсь за упругие боро-

давчатые прутья, все в розоватых бутончиках цвета, подтаскиваю лодку к берегу. Обзеленные ладони мои густо пахнут медом.

Черноголовая птица повисла бочком на голом стебельке, присматривается к нежданному гостю. Выпрыгиваю на сухой прочный берег и бегу вверх, через гривку. С разбегу попадаю в частую изгородь волчьего лыка, — кажется, я дал лишку вправо. Кусты обрызганы карминовыми висюльками цветов. Продираюсь сквозь них, как медведь, и оттого, что под ногами ни черта не видно, становится по-детски немножко жутко, весело. Ошалело падают с цветов отягощенные взятком пчелы.

Кусты волчьего лыка наконец редеют — в излучине открывается Глухая курья. Перевожу дыхание. Вдоль берега колыхнется пленка из черемуховых лепестков. С плачем гоняются друг за другом над водой кулички. На берегу старый, полуобвалившийся шалаш, видны ребра перекладин. Спускаюсь к шалашу, заглядываю — сыро, затхло, валяется сплюснутая банка, на сучок надета гильза. Наверное, были охотники.

Сажусь на бережок, закуриваю... «Глухая курья. Глухая курья...» — повторяю про себя — и вдруг понимаю, что не надо нам, пожалуй, возвращаться в места нашего детства. Это ведь как вино: сначала легко туманит голову, а потом наступает трезвость.

...Фанька была дочерью сельского почтальона. Ей частенько приходилось помогать отцу, в наших играх она почти не участвовала. Они были с Данилкой ровесники, но выглядела она, как и Данилка, совсем подростком. Должно быть, нам плохо рослось в те годы. Материнская кофта из поплина висела на ней, как на гвозде, волосы у самого затылка перетянуты лентой, а на загорелых поцарапанных ногах болтались парусиновые туфли.

Мы с Данилкой помогали сгребать сено на лугах, а в полдень, когда припекло, убежали на Глухую курью. Сначала ловили волосатыми петлями щурят-травянок. Осторожно подводишь петлю под уснувшего на мели щуренка — рраз! — и он уже трепыхается в траве, раздувая жабры. Потом нам надоело, и мы полезли на черемуху за ягодами.

Фанька вышла на берег неожиданно, по крайней мере, мы ее заметили не сразу. Сняла с плеча брезентовую сумку и стала медленно, движениями крепко поработавшего человека раздеваться. Нам это показалось жутко забавным, мы перестали жевать, притихли.

Солнце было на исходе, длинная Фанькина тень шевелилась под самой черемухой, на которой мы сидели. Одежки опадали с Фаньки, как пожухлая листва с дерева. Последним вялым движением она

сдернула л...
ла в воду,
коснулась
поплыла; з...

Она пла...
кой блестя...
ки лилий в...

Выходи...
нями; солн...
кругами.

Не было...
жениями по...
одежды, ка...
щина, и в б...
но раство...
Я поперхну...
раскашлял...
что мое гор...

Фанька п...

Мы спр...
зу расхотел...
ние, стали...
другу, как...

Потом я...
помчались...
туда, где тр...

Мы выск...
тайной, к н...
вышла из-з...
то видели...
довольно н...
лась шагах...
скособочив...

Я хотел...
мослы, но т...
тропы. Фан...
поняла, губ...

Когда о...
ей ленту, с...
ушла, не ог...
ка, не знаю...

Через т...
мию. Сред...
Фаина — с...
та моего д...

А спустя...
на военно-...
та самая во...

Фанька...
несчастлив...

сдернула ленточку, отбросила, пошла к воде. Забрела в воду, но не остановилась, а шла, пока вода не коснулась подбородка. Тогда Фанька фыркнула и поплыла; за ее спиной струились волосы.

Она плавала бесшумно, как зверек, вертя маленькой блестящей головой, отфыркиваясь. Желтые глазки лилий вдоль берегов мигали, прыгали, как буйки.

Выходила она медленно, скользя по воде ладонями; солнце текло с нее, дробилось у ног золотыми кругами.

Не было Фаньки — девчонки с угловатыми движениями подростка, засунутого в мешковатые чужие одежды, какой мы ее всегда знали. На нас шла женщина, и в блестящих овалах ее плеч гасла, бесследно растворялась моя мальчишеская насмешливость. Я поперхнулся и проглотил косточку. Чуть было не раскашлялся при этом. Данилка так зыркнул на меня, что мое горло мгновенно прочистилось.

Фанька постояла, посохла на солнце, оделась и ушла.

Мы спрыгнули на землю — ягоды нам как-то сразу расхотелось — и, боясь обнаружить свое смущение, стали дурачиться, кривляться, показывая друг другу, как выходила из воды Фанька.

Потом я подобрал забытую Фанькой ленточку, и мы помчались напрямик по высокой траве, по кустам — туда, где тропа делала крутой поворот.

Мы выскочили на тропу, возбужденные бегом и той тайной, к которой нечаянно прикоснулись. Фанька вышла из-за поворота, и мы смотрели на нее так, будто видели насквозь. Лица наши были, должно быть, довольно наглы, потому что Фанька вдруг остановилась шагах в десяти: «Вы че, мальчишки?» Она стояла скособочившись. На плече ее висела тяжелая сумка.

Я хотел засмеяться, крикнуть, что мы видели твои мослы, но только хихикнул, сконфузился и шагнул с тропы. Фанька заметила в моей руке ленту, что-то поняла, губы ее презрительно дрогнули.

Когда она проходила мимо, я невольно протянул ей ленту, она небрежным жестом подхватила ее и ушла, не оглянувшись. Что в это время делал Данилка, не знаю, но на тропе его тоже не оказалось.

Через три или четыре года Данилку взяли в армию. Среди провожающих была и Фанька. Фаня, Фаина — стройная смуглощекая чалдоночка, невеста моего друга. И моя тайная любовь...

А спустя еще два года Данилка Кусургашев погиб на военно-морских учениях. Его навечно поглотила та самая вода, которой он всю жизнь так боялся.

Фанька в безмолвном отчаянии уехала из нашей несчастливой деревни, уехала навсегда.

На паромную переправу — через утреннюю затуманенную Кондому — я один провожал ее. Нес ее дорожные вещи. Мне до слез, до горьких горловых спазмов хотелось сказать ей: «Не уезжай... Зачем тебе уезжать?..» Она в последний момент близко склонилась ко мне, обожгла дыханием:

— Ну ладно, мальчишечка, всё, живи весело. Спасибо тебе и прощай, родной... — и поцеловала меня по-сестрински в щеку. Лучше бы она этого не делала...

Паром отчалил и вскоре призрачно растворился в тумане. Берег стал безлюден. Я сел на речные влажные камни и заплакал. Это были первые настоящие в моей жизни слезы не от физической боли. С детством было покончено.

...Возвращаюсь поздно вечером. В топольниках кустится сумрак, масляно вздрагивает вода, и что-то нереальное чудится в молчаливой толпе загнанных в воду деревьев, и все это походит на крещение язычников.

35

В рубашке уже довольно свежо, но я, причалив, долго не выхожу из лодки. Сижу, всматриваюсь в неясные ночные очертания. Наша деревня была старинной, жили в ней коренные сибиряки, чалдоны; на другом берегу — переселенцы из центральных губерний. Прежде так и говорили: в «расейцах» гостем был. Или: «в сибиряки» плавал. За годы войны, да и особенно позднее, в верховьях сильно были порублены леса. Весенние паводки стали для «сибиряков» бедствием. Часть домов подмыло и унесло, остальные, которые покрепче, хозяева раскатали и переплавили «в расейцы».

От всей деревни остался теперь один двор Антоны Иванныча...

Ночью слух обостряется необычайно. У дома в рябиннике устраиваются на ночлег майские жуки. Монотонный басок слышится издали, вот он приближается, густеет, внезапно щелчок — удар о ветку, и жук конфузливо замолкает. Где-то обваливается подмытый берег. Сначала ухаёт, а следом — кометный хвост всплесков осыпающейся мелочи. За рекой покашливает ретранслятор, проговаривает фразу — сплошное ба-ба-ба, — и шипение на целую минуту.

А вот и — со стороны Глухой кури — горечью цветущего таволжничка потянуло...

Давно пора в дом, а я не могу уйти, еще что-то тревожит память. Я зажигаю третью уже сигарету, слушаю ночные звуки. И вдруг — это как озарение — вспоминаю...

...От крутого «расейского» берега звуки далеко катились мячиками по воде. Однажды вечером ко

всем прочим звукам «из расей», к которым «сибиряки» привыкли и уже не замечали, — стуку вальков на берегу, стрекоту веялок возле амбаров, влаиванию собак — примешался новый: робкие переборы гармоник. Кто-то на том берегу учился играть.

Новичок пилил, пока не стемнело, а потом смолк, утомился.

На следующий вечер все повторилось. Гармошка била, словно забавляла, и девчата поголосистей стали кричать через реку всякие веселые вещи. Однако «расейский» был упрям и необидчив и вскоре довольно сносно сыграл какую-то простенькую мелодию.

Так и повелось. Наступал вечер, отходили заботы многотрудного сельского дня, и над притихшей рекой раздавались аккорды знакомой гармоник. Играл гармонист без разбора, нажимая больше на русские народные песни, на революционные, часто играл входившие в моду «Спят курганы темные», «Катюшу».

Но потом стали замечать склонность гармониста к лирике.

С особенным чувством и загадочной настойчивостью играл он одну мелодию. «Коль жить да любить — все печали растают, как тают весною снега, — пела гармошка, и голос ее при этом был трогательно наивен, словно сам игравший только что разгадал эту истину и спешит поведать ее миру. — Звени, золотая, шуми, золотая, моя золотая тайга».

Никто на нашем берегу уже не смеялся над незадачливым гармонистом. Слушая его, мы с изумлением и радостью, — будто сделали бог знает какое открытие, — поняли, что гармонист влюбился!..

Потом гармошка за рекой поведала, что у парня вышла размолвка. Слишком уж явно, недвусмысленно принимались слова старой песни: «За окном осенняя распутица, как безлюдно рано поутру. Только листик запоздалый кружится, только птицы зябнут на ветру».

Даже пожилые, сидя вечером на бревнышках, грустнели. «Гармонист-то наш — слышите? — опять в тоску попался», — говорили.

Думал ли «расейский», что его слушает наш берег, не знаю. Может быть, ему это было безразлично. Но мы к нему не были безразличны. Его талант и открытая душа, которая с такой простотой и доверчивостью выливалась в песенных импровизациях, подкупали.

Вскоре парень помирился с любимой. А потом у него состоялась свадьба: гармошка стала спокойней, радость ее сдержанней, а грустных мелодий не слышали вовсе. Да и играл теперь гармонист вече-

рами понемногу. Что ж, все понимали — когда в доме молодая жена, допоздна не погуляешь...

Спустя год у гармониста родился сын, это случилось в апреле. Только что прошел лед, и Кондома еще дышала холодом. Гармоника звучала чуть ли не до рассвета, охрипла. На нашем берегу смеялись: простудил сердешную!..

Однако недолгой была радость заречного гармониста — через два месяца грянула война.

В череде замелькавших дней, в проводах мобилизованных, в слезах женщин, в скупых, холодивших сердце сообщениях Информбюро пролетело лето.

Уже под осень, как-то в сумерках, когда обычно возвращались с полей, по нашим сердцам, особенно сердцам женщин, больно ударил с того берега знакомый голос гармошки. Все вроде забыли о ней. А может быть, она это время не играла. Но сейчас, когда вдруг услышали, так обрадовались ей, что многие заплакали.

Гармошка слышалась над рекой еще несколько вечеров, а потом затихла. Очень надолго затихла гармошка.

Прошел военный год, миновал второй; деревня наша жила иступленной работой на полях и ожиданием вестей с фронта. Иногда вспоминали гармониста с того берега, гадали о его судьбе: похоронки приходили едва ли реже писем...

Он сам напомнил о себе песней, внезапно хлынувшей с «расейского» берега!

Теперь мне почему-то кажется: гармонист знал, что его слушают не только односельчане. Играл он и для нас, для нашего притихшего, полуосиротевшего, пустынного берега.

Был разгар войны. Вероятно, вернулся гармонист по ранению. Мы радовались, что он жив, и были благодарны ему за щедрость его души. Истосковавшиеся по инструменту руки играли на этот раз с особенной, какой-то трагической проникновенностью.

Мы узнали, что воевал гармонист на море, защищал Севастополь, уходил десантом к скалистым берегам Заполярья. Возможно, подбор песен был случайным, и гармонист исполнял то, что услышал за эти полтора своих фронтовых года и что крепче запало в душу. Но нам хотелось думать, что наш друг остался верен себе — в его музыке была его собственная жизнь, его судьба.

Недели через две гармошка снова замолчала. И молчала теперь уже до конца войны...

Началась демобилизация. Снова у женщин стали застилаться слезами глаза. У одних от радости встреч с любимыми, сыновьями, у других — от уходя-

щей теперь уж навсегда надежды, что проклятая похоронка, может быть, соврала.

Ожила деревня. Девчата снова стали выходить на берег. Вспоминали о заречном гармонисте, что-то долго он не возвращается.

Прошла вскоре и вторая демобилизация, за ней — третья, вернулись все, кому суждено было вернуться.

А гармошка на том берегу молчала...

Мало кто, пожалуй, из нас знаком был с гармонистом, но невозвращение его все переживали так, будто потеряли близкого...

Жизнь входила в мирную колею. Девчата, помнившие гармониста, повыходили замуж, их захлестнули семейные заботы. Подросли дети; горе вдов закаменело временем.

Кондома вечерами была тиха и пустынна...

И вдруг — это случилось тоже вечером, в мае, когда северные ветры обивают черемуху и гулко шумят в голых, залитых полрой водой топольниках, — наша деревня замерла. С того берега просочились и полились тоненькие, неуверенные, сбивчивые звуки гармоник.

Инструмент был тот же самый, но взявший его в руки был совсем новичок. Пальцы его то и дело соскакивали и трепетали.

Женщины оставляли самую неотложную работу, выходили на крылечко, стояли со скорбными лицами.

У вдов начинали дрожать спрятанные под фартук руки.

Дети затихали, чувствуя по лицам матерей, что происходит нечто значительное.

Играл сын гармониста; правда, еще играл робко и что-то неопределенное. Однако чувствовалось — упрямым он пошел в отца.

И хотелось думать, что будут дни, когда гармошка зазвучит снова уверенно и ладно над примолкшими берегами, с подкупающей откровенностью ведая миру о щедрой душе своего нового хозяина...

Растревоженный воспоминаниями, я выбираюсь из лодки, втаскиваю на всякий случай повыше, иду к дому. На нижних сучьях растущей в ограде сосенки бормочут сонно куры. Дух дворовой ромашки, лежащего навоза, свежевзрытых в огороде гряд напоминает о крепком, устоявшемся жилье.

В сенках темно, вхожу в дом ощупью. На подпечке уютно горит лампа с отражателем. Антон Иванович уже спит — он вообще ложится рано, вместе с курами, как шутит Анна Ильинична. Сама хозяйка — за деревянным станком — такие теперь можно видеть разве что в музеях — ткот из цветных ленточек дорожку. У ног корзина с огромными, с футбольный

мяч, клубками лент. Дорожка выходит узловатая, перестреленная, как картинки абстракционистов.

Увидев меня, певуче произносит:

— А, полуношник явился! Токо дверь-то в сенках притвори, а то мошки понапишется.

Потом я ужинаю, мы вполголоса разговариваем о разных житейских вещах, о городе, о давнишних общих знакомых. Мне всегда нравится разговаривать с этой вечно занятой делом женщиной. Удивляет и восхищает ее речь — коренной, не знавшей большой грамоты сибирячки.

Утром как-то, собираясь на рыбалку, я спросил: что она думает, какая будет погода? Анна Ильинична поглядела на небо, на дальние сопки, обволакиваемые туманом: «Дак какая седни погода? Не будет погоды, вишь — горки топятся».

Сплавала она паромом «в расейцы», встретила в магазине давнюю знакомую, с дочкой та была: «Гляжу на девчоночку, ну чисты капельки мать». — «Что, большенькая уж?» — спросил Антон Иванович. — «Дак как тебе... уж титченки пошли пухнуть».

Уезжая всякий раз из тихого, приветливого дома, я приглашаю дорогих мне стариков в гости, автобус ходит надежно, а жена давно хочет познакомиться, приезжайте, в цирк сводим, в кино. Анна Ильинична при этом смеется, машет ладонью: «Э, куда там в город, на автобусе-то мне худо бывает, остановят — дак хорошо, а нет — вся так зеленью и возьмусь...»

Вот и сегодня, когда я ложусь на посланную мне лежанку, Анна Ильинична неслышно подходит и, накрывая меня чем-то, приговаривает: «Кабы не задор по зорьке-то, разведрило. А одеяло-то у меня тепло, ново, немывано».

И я лежу в обтекающей меня дреме, вдыхаю свежий запах «немываных» одеял, слушаю деревянное постукивание станка, и мне легко и бездумно, как бывает только в детстве...

В засыпающем мозгу бродят отрывочные видения: блеск мокрой гальки; сердитые пчелы, густо сыплющиеся с цветов, как парашютисты; влитые в прозрачное небо камни далекой крепости; остов сожженной бандитами гражданской войны Одигитриевской церкви с некогда зелеными куполами и золотым сиянием крестов; излучина Глухой куры; нагая в солнечном нимбе Фанька. И — речной паром в утреннем тумане, уносящий ее от меня в другую, дай ей Бог счастливую жизнь.

И все заслоняет старая, перелатанная лодка с выжженной навечно буквой «Д», скользящая меж колоннами черных тополей, как по залитому водой храму...

г. Кемерово

Валерий КАЗАКОВ

И ВЕК, КАК ЖИЗНЬ ЦВЕТКА

ДЕД НИКОДИМ

Отбухали комья земли,
отбрыцали звонко монеты,
и серые тучи легли
на синее небо планеты.
Стоит заколоченный дом.
Сквозь сад золотого ранета
глядит на прохожих крестом
последнее дедово лето.
Нет деда, и внук — сирота.
Стою на знакомом перроне
поселка с названием Реста,
где речки Рудея и Проня.
На старый рестянский погост
ведет грунтовая дорога.
Как труден,
как краток и прост
наш путь — от порога до Бога.

ЦВЕТЫ

Цветы любить умеют,
умеют жить до крика
и гибнут,
выгнув шеи,
надменно и велико.
Что значат эти знаки?
Репейник корчит рожи,
и жадно смотрят маки
на женщин меднокожих.
Откуда сила взгляда
у красных георгинов,
что тянутся из сада
к огню твоих гардин?
Минута с болью века,
и век, как жизнь цветка,
глядят на человека
с немного потолка.

* * *

Холодный пот и смрадный дым,
И кровь чужая на лице.
Я глупым был и молодым,
Кумира видел в подлеце.
Не ждал команды, рвался в бой,
Писал дурные рапорта

И гордым приезжал домой,
Не понимая ни черта.
И жизнь прошла сама собой,
Медалей звон, друзей кресты
И слово страшное «герой» —
Уже синоним пустоты.
Да, на войне живет война,
И смертью правит смерть.
За смерть дают нам ордена,
А им — за нашу смерть.

* * *

Грехи мои следом тянутся,
словно следы от сапог.
Как рано выходим мы в пьяницы,
оставив отцовский порог.
Идем без охранной грамоты,
ни Бога в душе, ни креста,
угрюмые черные мамонты,
и песня с чужого листа.

* * *

В грехах кого-то обвиняем,
но в поисках чужой вины
своей вины не замечаем,
не видим прогнутой спины.

Себя всегда считая правым,
творим неправые дела,
одев красивые оправы
на их кривые зеркала.

* * *

Племенная корова поэзии
густое дает молоко.
Колокольчик погромче повесили,
чтоб не зашла далеко.
Ах, кормилица наша, буренушка,
раскормили тебя клеверком!
И меня подпустили, гаденыша,
попытаться твоим молоком.

* * *

Уже улыбки гаснет пламя,
уже пора, уже пора,
уже над черными домами
кусок повешен серебра.
Пора. И брошена дорога
под тяжкий звон колоколов.
Прощай

и оставайся с Богом,
посланница иных миров.
И я забыл тебя. Чужая
в чужом осталась ты краю.
И я живу, не вспоминая
о той, которую люблю.

* * *

Там, в бездне мутного стакана,
Потусторонний блеск вина,
В нем жизнь твоя, твое начало
Всплывает медленно со дна.
Чужую жизнь вовек не выпить,
Свою — всего один глоток.
И кто-то будет пальцем тыкать
И называть тебя «браток».

* * *

Что есть дома
для незнакомых?
Два летающих батона,
чашка кофе, бишбармак
и безбожный кавардак.
Кроме этого, в засоле
есть печальное застолье,
где всего за три хруста
сторговались на Христа.
Есть портрет —
лампада века,
борода без человека,
человек без бороды,
индикатором беды
не погашены глаза.
Есть у женщины слеза,
у сынишки есть слезинки,
для кого-то есть ботинки,
что-то есть и для меня
в сусле гаснущего дня.

* * *

Почему мы бежим,
как оголтелые, отдать свое тело
на всемирное дело новой бойни?
Почему только дети
могут бежать просто так,
бежать ни за что,
но колеса наших фраз,
давят их и их цветы.

Бег создал наших отцов,
которые уже не молились

и не учили этому нас.
Наш бег создает нам подобных,
но самое ужасное,
что, сорвавшись в пропасть,
мы продолжаем дергать ногами,
имитируя шаги бега.
А по дороге идут гуси,
гордые, как динозавры.
И почему-то грустно,
что нас не будет завтра.

* * *

Печален этой осени распад,
как счетчик Гейгера, стучат каштаны.
Я рад, а может, кстати, и не рад
услышать снова эти барабаны.
Я облучен тобою, листопад,
сквозь муть туманную рентгенов
во мне просвечивает град
украденных у деда генов.

* * *

Плескался крик —
кричала осень.
Объявлен был отстрел зверья.
И два ствола, как цифра восемь,
в упор
смотрели на меня.

* * *

Я в этом мире неприкаян,
во мне живет чужое зло.
И по ночам рыдает Каин,
о том, что брату повезло.

* * *

Сегодня нам идти на сцену
и представлять государство,
в котором уже нет нищих,
и говорят, что нет богатых,
где по-прежнему не читают Ницше
и все так же протекают хаты.

* * *

...но это не лицо — фасад,
годами пригнанная маска.
То нами выкормленный гад —
потомок бывшего подпаса.
Вот он, узнавший слово «власть»

и ставший наркоманом власти.
Вот он, дающий право красть
и быть в особой касте.

* * *

Я все пытаюсь разобрать
неровный почерк листопада.
О, как мне надо прочесть
две строчки гаснущего сада!
Я вижу в этих строчках суть,
в них тяжесть вызревшего плода,
блестящего, как будто ртуть,
на ветках буйного восхода.
В полнеба русская заря,
на треть земли легла Россия,
но обесхлебели поля,
как под копытами Батыя.
И серп худые колоски —
как дань когда-то хану —
от браги пьяный и тоски,
нес призрачному плану.
Народ спивался — план жирел,
ворочал реки, строил дачи,
с улыбкой на людской удел
смотрел портретами незрячих,
и, восхищаясь сам собой,
был для народа неподсуден.
Судьба России — вечный бой

40

на поле буден.
Как ни гремела б шестерня
речей над нашим бедным домом,
но пробуждается земля,
и небо вторит полю громом,
и поднимаются хлеба,
и я читаю строчки сада.
Моя земля, моя судьба
и жизнь моя,
как поиск лада...

СЕЛО ЗАВОЖАНЬЕ

Зима сорок второго года.
Чернеют редкие дома,
и одичало с небосвода
глядит голодная луна.
Там мама худенькой девчонкой,
забыв про игры и букварь,
вращает жернов
и в воронку
ссыпает детства календарь...
— Я сын!
Прошу, меня пустите! —
кричу я страшным тем годам. —
Я не нарушу ход событий,
лишь хлеб
для мамы передам!..

г. Кемерово

Владимир

РАССКАЗ «ФЛОТ»

Комиссия
капитаном по
риевичем при
к обеду. Борт
на мелкой во
дил комисси

— Команд
га Германов
дир проверя

— Что, ко
роhon нары
революцион
и его команд

— Товари
ем, а уж пото

— И то вер

Пообедава
ла», комисси
произошло «
рукции по по
матрос Валу
Выйдя из тор
ватории мест
боевом пост
старший лей
явлении стар
роса покрыл
ваться красн

— Что, кр

Инструкцию

— Никак н

— А каког

Матрос п

— Доклад

возьми. Чт

— Есть, с

Валуй нач

ции он подтв

ем с показом

— Так, ве

рил капитан

Наконец

мгновенье за

— Чего жд

Владимир ШУМИЛОВ

РАССКАЗЫ ИЗ СЕРИИ «ФЛОТСКИЕ БЫЛИНКИ»

ИНСТРУКЦИЯ

Комиссия во главе со старшим офицером флотилии, капитаном первого ранга Носовым Иннокентием Дмитриевичем прибыла на большой противолодочный корабль к обеду. Бортовой 713 стоял у пирса, мирно покачиваясь на мелкой волне. Офицеров ждали. Вахтенный проводил комиссию в каюту командира.

— Командир БПК «Свирепый», капитан третьего ранга Германов Герман Германович, — представился командир проверяющему.

— Что, командир! Угрозило твоему «Свирепому» на рожон нарываться. Праздник на носу. Да не простой, а революционный. А ты со своим «ЧП»! Зови анику-воина и его командира. Время не терпит.

— Товарищ капитан первого ранга! Может, отобедаем, а уж потом?

— И то верно. Война — войной, а обед по расписанию.

Пообедав и забив пару раз в домино «морского козла», комиссия приступила к работе. Утром на корабле произошло «ЧП». Во время занятий, действуя по инструкции по подготовке торпедного аппарата к стрельбе, матрос Валуй произвел практический пуск торпеды. Выйдя из торпедного аппарата, торпеда затонула в акватории местного залива, пока в неизвестном месте. На боевом посту находился командир торпедной группы старший лейтенант Синичкин и матрос Валуй. При появлении старшего офицера на боевом посту лицо матроса покрылось испариной. Он медленно стал покрываться красными пятнами.

— Что, красная шапочка, — кинул матросу Носов. — Инструкцию не знаешь?

— Никак нет. Знаю.

— А какого же ты лешего торпедами раскидываешься? Матрос покраснел еще сильнее.

— Докладывай. И чтоб все как было. Инструкцию возьми. Чтоб каждый пункт, с точкой и запятой.

— Есть, с точкой и запятой.

Валуй начал. При каждом прочтении пункта инструкции он подтверждал прочитанное практическим действием с показом на механизмах.

— Так, верно. И это верно. И это тоже верно, — вторил капитан первого ранга.

Наконец матрос дошел до очередного пункта и на мгновение замер в ожидании.

— Чего ждешь, дальше.

Валуй продолжил:

— При подтверждении о готовности к пуску нажимаем кнопку «Пуск».

Матрос нажал большим указательным пальцем на кнопку «Пуск». Раздался резкий хлопок, затем шипение. Очередная торпеда покинула свои апартаменты, растворившись в водах Тихого океана. Старший офицер схватился за голову.

— Чтоб тебя, матрос, с твоими мозгами. Смотришь в книгу, видишь бублик. Ни хрена не знаешь Инструкции. Для кого она написана?

Матрос и вовсе оторопел. Офицер взял из рук Валуй Инструкцию и начал проделывать операции согласно букве. Дойдя до кнопки «Пуск», капитан первого ранга, не замедляя движений своих рук, нажал ее. Раздался очередной резкий хлопок, затем шипение сжатого воздуха, вырывающегося из торпедного аппарата. Очередная, третья по счету торпеда покинула торпедный аппарат, исчезнув за бортом БПК.

— Мать твою, — вырвалось у Носова. Он схватился руками за голову. — Да кто же эту Инструкцию прописывал?

Командир корабля, отвернувшись, слегка улыбнулся. На душе Германова полегало. Раз так, значит, вины матроса нет, и «ЧП» — нет. Сам проверяющий утопил торпеду! Иначе не миновать бы Синичкину несоответствия по службе, а командиру — строгача. С матроса много не возьмешь. Остался, значит, Носов с носом. Спасибо ей, Инструкции, выручила! А говорят, что борт 713 — несчастливый!

УСЫ

Сколько помню курсантские годы в военно-морском училище, однокашник и друг Володька Вихарев носил усы. Вначале это была редкая поросль под носом, которая с каждым годом становилась все пышней и пышней. На первых курсах, каждый раз при строевом смотре, начальник факультета капитан 1-го ранга Виктор Николаевич Преверенда, остановившись против Володьки, задавал один и тот же вопрос:

— Курсант, что за водоросли под носом?

Володька, как положено по уставу, представлялся:

— Товарищ капитан первого ранга. Курсант Вихарев.

Так то усы, елы-палы!

— Сбрить!

Но Володька усы так и не сбрасывал. Впоследствии, на старших курсах, когда Вихарев был уже заметной фигурой не только среди своего брата, но и на борцовском ковре, Преверенда, справившись об успехах, повторял известные слова, чуть перефразировав: «Усы курсанта украшают, усы курсанта в бой ведут».

Став офицером флота Российского, он так и не изменил своим усам. Хотя однажды был момент, когда в

силу обстоятельств ему пришлось остаться без усов. И это особая история.

У тещи капитана 3-го ранга Вихарева, Маргариты Петровны, вчера был юбилей. Встав утром пораньше, сразу нырнул в ванну. Вымочившись от вчерашнего хмеля, Владимир принялся бриться. В коридоре что-то загремело. Рука, подбравшая ус, дрогнула. Станок, заряженный новым лезвием, проехал по верхней половинке уса, срезав его, словно нож кусок масла. Вихарев глянул в зеркало повнимательнее.

— Елы-палы, — вырвалось у него традиционно.

Большая часть уса отсутствовала. Не оставалось больше ничего, как полностью сбрить усы. Раздосадованный, вышел он из ванной комнаты.

— Мама, мама, — раздался вопль маленькой дочурки.

Послышался топот убежавшей по коридору.

— Что случилось?

— Мамочка, там дядька чужой.

— Что ты, глупышка. Кроме нас дома никого нет.

В комнату вошел отец.

— Это же твой папка. Видишь?

Дочка внимательно смотрела на Владимира. Жена тоже посмотрела на мужа.

— А усы твои где?

— Авария. Пришлось сбрить.

На шум из соседней комнаты вышла теща. Кинув взгляд на зятя, категорически заявила:

— Обижайся на меня, зятек, не обижайся, только усы больше не сбривай! Видишь, даже дочку напугал. Да и мы уже привыкли к твоей внешности...

Команда корабля в полном составе выстроилась на подъем флага. После подъема командир корабля начал обход строя. Заняв привычное место в первой шеренге, на правом фланге боевой части четыре, капитан третьего ранга Вихарев поправил на голове пилотку. По левую сторону от командира расположился командир группы мичман Колосков. Справа, почти плечо в плечо, стоял мичман Смирнов, командир группы турбинистов. Пройдя мимо Вихарева и подойдя к командиру группы его «БЧ», капитан второго ранга Виктор Михайлович Захаров остановился.

— Где командир?

Удивившись вопросу, мичман повернул голову в сторону своего командира боевой части.

— Я Вас, мичман, спрашиваю, где командир «БЧ»?

— На месте я, елы-палы, Виктор Михайлович, — тоже удивившись вопросу, подал голос Вихарев.

Командир корабля бросил взгляд на капитана третьего ранга.

— Мать вашу, — резануло в воздухе. — А усы где твои?

— Сбрил, елы-палы. ЧП домашнего масштаба.

— Елы-палы, елы-палы. Заладил свое. Чтоб больше не сбривал. А то ищи вас здесь, по всему строю!

— Есть больше не сбривать!

Оба офицера рассмеялись.

— Надо же, приучил к своим усам, что и в упор не узнаю, — командир, махнув рукой, продолжил осмотр строя.

В этот день весь личный состав корабля пересказывал случай, произошедший с капитаном третьего ранга Вихаревым и его усам. Вскоре и вовсе этот случай перекочевал во флотскую байку.

КОРОВА

*Памяти старшего товарища,
капитана 1-го ранга, подводника
Эдуарда КИРПИЧЕВА*

На побережье Камчатки, в одном из живописнейших мест, расположена бухта Лахтажная. Именно с этим местом связан необычный эпизод из жизни молодых лейтенантов. Сразу после окончания военно-морского училища лейтенант Эдуард Кирпичев вместе с товарищами Иваном Смирновым и Николаем Седых был направлен для прохождения службы на подводные лодки на Камчатку. По прибытии молодежь решила подобрать себе жилье. Жить в деревянных бараках-общежитиях, что стояли под сопкой, не хотелось. Поинтересовавшись, не сдаст ли кто комнату, лейтенанты очутились в доме старушки, Анны Васильевны. Анна Васильевна уже давно жила в одиночестве. В последнее время стало пошаливать здоровье. Вот и решила она пустить на постой молодых. Все помощь от ребят будет. Жила она в деревянном трехкомнатном домике, в конце поселка. Офицеры старушку не обижали. И платили исправно, и продуктами помогали. Да и по хозяйству — то дровишек наколют, то за коровой приглядят, сена ей натеребят с копны.

Жили лейтенанты дружной офицерской семьей. Кирпичев был командиром моторной группы, Седых — штурманом, а Смирнов — командиром минноторпедной группы. Каждый — специалист в своей профессии.

К осени Анна Васильевна занемогла. Занемогла так, что не в силах была подоить вечером свою черно-пеструю корову Зорьку. Тут-то она и пошла на крайность, решив расстаться со своей кормилицей. В один из воскресных дней, когда молодые лейтенанты были дома, повздыхав, к ним подошла старушка.

— Миленькие вы мои. Решила я свою Зорьку под нож пустить. Нет уже сил моих за ней ухаживать. Помогите зарезать и освежевать, а то кого я еще просить стану?

Все трое раньше жили в городе и представленья не имели, как это делается. Но отказываться не стали.

— Анна Васильевна, поможем! Когда флот подводил? — улыбался Эдуард Кирпичев.

Когда старушка вышла из комнаты, молодые начали совещаться, что и как делать. Минер предложил свой

вариант. Подорвать. Корона подорвать. Корона хлопот и в тал из шкафа. Корона своего мифа вычисления. Кирпичевым заряд. Дело ное взрывное крепил все это мирно жевал. Предосторожнись за углом. Васильевна ртия, Эдуард бывало. В то сено корова З дом валялась задняя часть. Взглянув чуть увидел намот присвистнул:

— Ну, ребята. Выгонит нас,

Однако де шую на шум и прося не гнев

— Не перем вам за корову не надо никуда верьте, не из как лучше...

Анна Васильевна своей животн лейтенантов.

— Да что пускай будет году старушк

Лейтенант корову и отс истории с кор да лейтенант просили расс рассказанные животы, смея случиться, да

Справив д ный старшин дворе стоял нуло колючим

вариант. Подвесить к шее Зорьки небольшой заряд и подорвать. Когда корову оглушит, заколоть ее без лишних хлопот и усилий. На том и порешили. Смирнов достал из шкафчика логарифмическую линейку и со знанием своего минерского дела стал производить расчеты и вычисления. Попыхтев минут пять, он положил перед Кирпичевым и Седых листочек с рассчитанной силой заряда. Дело оставалось за малым. Соорудив самодельное взрывное устройство и вставив запал, Смирнов прикрепил все это на шее коровы. Та, ничего не подозревая, мирно жевала сено возле своего сарая. Приняв меры предосторожности, минер поджёг фитиль запала, укрывшись за углом дома. Через сорок секунд во дворе Анны Васильевны раздался взрыв. Выглянув из своего укрытия, Эдуард оторопел. Одной стены у сарая — как не бывало. В том месте, где только что стояла и жевала сено корова Зорька, образовалась небольшая яма, а рядом валялась окровавленная и перепачканная в земле задняя часть ее туловища. Головы на месте не было. Взглянув чуть в сторону, где росло высокое дерево, он увидел намотанные на ветки кишки. Молчавший Седых присвистнул:

— Ну, ребята, хана нам. Анна Васильевна не простит. Выгонит нас, да еще заявит куда следует.

Однако делать было нечего. Смирнов, увидев вышедшую на шум из дома старушку, пал перед ней на колени, прося не гневаться.

— Не переживайте, Анна Васильевна. Выплатим мы вам за корову полностью. И сарай восстановим. Только не надо куда-то заявлять, — взмолился Кирпичев. — Поверьте, не из злого умысла, а ради благого дела. Хотели как лучше...

Анна Васильевна долго смотрела на оставшуюся часть своей животины, на разваленный сарай, на молодых лейтенантов.

— Да что мне с вами делать, молодежь. Коли так, пускай будет по-вашему, — наконец смекнула свою выгоду старушка.

Лейтенанты, как и обещали, выплатили старушке за корову и отстроили заново сарай. Однако слух о той истории с коровой все же разнесся по Лахтажной. Когда лейтенанты собирались в застолье, их еще и еще раз просили рассказать, как они кололи корову, а услышав рассказанные ими новые подробности, схватившись за животы, смеялись до слез. Не каждый день такое может случиться, да и то, наверное, только на флоте!

КОКАРДА

Справив день рождения подруги, главный корабельный старшина возвращался в свои родные пенаты. На дворе стоял февраль месяц. Было очень прохладно, тянуло колючим приморским ветерком. Включив «автопи-

лот», пятикурсник медленно приближался к стенам своего училища. Позади «Моргородок», «Вторая речка». Умело маневрируя, словно крейсер среди шхер, он брел по асфальтированной тропинке, окруженной кустарником. Дойдя до ограды училища, немного постоял, о чем-то задумался.

«Идти через контрольно-пропускной пункт не стоит, вид не тот, чего доброго придерутся», — вертелось в голове курсанта.

Главный корабельный старшина Юрий Вериш решил сократить путь следования, повернул в сторону металлического забора, опоясывающего местный стадион. Узкая тропинка запетляла среди молодого кустарника, уводя куда-то вверх, в сопку. Немного пройдя по тропинке, он очутился у ограды. Выбрав поудобнее место, курсант попытался подтянуться на руках, чтоб поставить ногу на перекладину забора. С первого раза это ему не удалось. Попытка повторилась. Со второго раза Веришу удалось зацепиться ногой, и, приложив усилие, он, как курица на насесте, завис над забором. Еще мгновение, и он прыгнул вниз. Шинель, как парус, разошлась сзади, и главный корабельный, не долетев до земли нескольких сантиметров, повис на металлическом пруте. Ноги только-только касались земли носками ботинок. Сделав несколько судорожных движений, пытаясь освободиться из плена, он затих, висая на заборе в хмельной дремоте.

На его счастье по той же тропке возвращались из самовольной отлучки три второкурсника. Встреча для молодых курсантов оказалась неожиданной. Присмотревшись к висящему на заборе бездыханному телу пятикурсника, один из них выпалил:

— С нашего факультета, надо помочь.

— Вот угрозило. Да он же спит!

Перемахнув через забор, двое старались приподнять пятикурсника под локти. Оставшийся за забором пытался освободить шинель от металлического прута. Наконец это им удалось.

— Старшой, ты жив? — один из второкурсников встряхнул Юрку.

Тот приоткрыл глаза, соображая, что происходит. Неожиданно раздалась команда пятикурсника:

— На место!

— Ты что, старшой?

— Я сказал, на место, где взяли! — и глаза пятикурсника прикрылись.

Второкурсники поняли, что надо выручать собрата. Подхватив Вериша под руки, они почти волоком потащили его на стадион.

— Не балуй, посиди, отойдешь, сам дойдешь! — засмеялись курсанты, когда Юрка чуть приоткрыл глаза, и весело побежали по беговой дорожке стадиона.

Через часок главный корабельный старшина малость оклемался. Поднялся с лавочки. Его немного бросило в

сторону. Шапка упала у ног. Сделав усилие, он поднял ее, водрузил на голову и, чуток поправив ремень, покачиваясь, словно судно на волне, поплыл в родную гавань.

Комната дежурного по факультету располагалась на втором этаже спального корпуса. Протиснувшись в дверь подъезда, он, тяжело ступая по трапу, начал восхождение на второй этаж.

Дежурный сидел за столом и что-то писал. Рядом, возле тумбочки, стоял дневальный по спальному корпусу. Сделав пару шагов через порог, Вериш остановился, выпрямился и, приложив руку к шапке, начал докладывать:

— Т...ариш капитан в...рого ранга! Главный корабельный старшина Вер...ш из увольнения прибыл без происшествий.

Рука курсанта, словно плеть упала вдоль тела.

— Без происшествий, говоришь? А где кокарду с шапки потерял?

Вериш двумя руками снял шапку, одетую задом наперед.

— Вот! — ткнув пальцем, показал курсант и снова водрузил шапку на голову.

Капитан второго ранга улыбнулся. Он решил подыграть курсанту.

— Нет, дорогой, ты ее потерял!

Стоявший возле тумбочки дневальный прыснул в руку, зажимая рот. Юрий вторично снял шапку и ткнул пальцем в кокарду. Дежурный и дневальный, разразившись громким смехом, схватились за животы. Пятикурсник снова водрузил шапку на прежнее место.

— Да ты рукой потрогай, где она у тебя, — сквозь слезы выдавил капитан второго ранга.

Курсант поднял руку и потрогал козырек шапки. Кокарды не было.

— Украл! — без всякого сожаления произнес пятикурсник.

Смех прогремел с новой силой. Дежурный офицер достал платочек и начал вытирать на глазах слезы.

— Иди, Вериш, иди с глаз моих долой, да лоб смотри не расшиби.

— Ес...с! — Юрий приложил руку к виску, повернулся через левое плечо к выходу.

Дежурный и дневальный разразились еще большим смехом. На затылке виднелась так не вовремя «украденная» кокарда главного корабельного старшины. Он сделал шаг через порог, закрывая за собой дверь.

До выпуска пятикурснику Юрию Веришу оставалось чуть больше двух месяцев...

ФЛОТСКАЯ СМЕКАЛКА

Солнце уже перевалило зенит, когда, придерживаясь за леера, старший лейтенант Николай Самсонов стал подниматься с пирса на свой родной корабль.

Экипаж эсминца «Удачный» жил своей обычной флотской жизнью, готовясь по графику к постановке в док. Практически экипаж был готов к выполнению поставленной перед ним задачи. Через пару дней предстоял заключительный этап — выгрузка снарядов и мин на запасной пирс, чтобы потом попали они в ангары берегового арсенала.

Старшего лейтенанта основательно «штормило». Словно при бортовой качке, тело бросало то влево, то вправо. Ноги не подчинялись голове, они то и дело спотыкались о ступеньки трапа.

Первым заметил возвращение офицера вахтенный по баку старшина первой статьи Виктор Медведев. Присвистнув и бросив взгляд в сторону рубки, он поспешил навстречу старшему лейтенанту. Подхватив его под руку, старшина помог Самсонову преодолеть последние ступени трапа. Неожиданно, будто из воды, перед ними вырос старший помощник командира корабля капитан 3-го ранга Иннокентий Суханов. Казалось, состояние старшего лейтенанта не удивило старпома.

— Старшина! В каюту его и запереть, пока не проспится, а там разберемся. И доложи дежурному по кораблю, пусть присмотрит за каютой.

— Есть доложить дежурному по кораблю.

Старшина послушно подбросил обмякшее и от того еще более отяжелевшее тело Самсонова повыше на плечо и потащил почти волоком в каюту. Каюту командира электромеханической части располагалась под трапом, на второй палубе. Доставив старшего лейтенанта в каюту, он уронил грузное тело офицера на кровать, успев подсунуть под голову подушку. Кюта была маленькой. Небольшая по размерам перегородка в каюте отделяла собой умывальник от кровати. Слева от зеркала на высоте полутора метров располагался иллюминатор, через который просматривался борт соседнего корабля, пришвартованного кормой к пирсу.

Через полчаса на верхнюю палубу выбежал испуганный старшина первой статьи.

— Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант. Старший лейтенант пытается вылезти через иллюминатор в своей каюте.

— Какой иллюминатор? — не сразу понял дежурный по кораблю.

Старшина первой статьи застыл в недоумении.

— Хорошо. Пошли глянем, что там стряслось.

Не торопясь, лейтенант последовал за старшиной, обходя кнехт. Открыв дверь каюты, дежурный на мгновение замер.

— Что за явление Христа народу? — вырвалось у него. — Старшина, быстро командира.

— Есть командира, — и старшина рванул что есть мочи по трапу...

В иллю
торчало гр
Его ноги
тались, сл
палубу ра
— Стар
В отве
Он схв
потянуть,
жал коман
— Стар
не ровен
Дежур
ра. Ухвати
на себя. С
насиженн
продолжа
втащить с
— Чер
гался он,
— Деж
вытащить
— Ест
Через
матрос и
районе и
— Как
ранга Су
— Ды
— То
Проц
что посл
ная бран
— Дех
— Ест
— Ка
доложил
— Та
мандир.
кивнул в
Докто
— Пл
Тепер
освобож
делать э
полость
— Че
И де
районе ж
нотой, ч
— Бо
иллюми

В иллюминаторе, перевалившись наполовину за борт, торчало грузное тело старшего лейтенанта Самсонова. Его ноги, обутые в ботинки и не находящие опоры, болтались, словно плети. Рядом валялась повергнутая на палубу раковина. Дежурный тронул Самсонова:

— Старшой, живой, что ли?

В ответ раздалось непонятное мычание.

Он схватил старшего лейтенанта за ноги и хотел было потянуть, как в каюту в сопровождении старшины вбежал командир корабля капитан 3-го ранга Косов.

— Старшина, подсоби лейтенанту. Да поаккуратней, не ровен час порвете!

Дежурный и старшина выполнили команду командира. Ухватив по ноге, оба, как по команде, потянули тело на себя. Однако странное дело, тело не хотело покидать насиженный иллюминатор. Попытка повторилась. Все продолжало оставаться на своих местах. Убедившись, что втащить офицера не получится, командир дал отбой.

— Черт тебя, старшой, занесло в эту дырку, — выругался он, вытирая пот со лба.

— Дежурный, командуйте, плотик на воду. Попробуем вытащить наружу.

— Есть плотик на воду.

Через некоторое время экипированный боцман и матрос из боцманской команды были уже на плотике в районе иллюминатора.

— Как он там, живой? — переспросил капитана 3-го ранга Суханов.

— Дышит помаленьку.

— Тогда тяните, — скомандовал командир.

Процедура повторилась. Однако изменилось лишь то, что послышался стон старшего лейтенанта и непонятная брань.

— Дежурный, срочно доктора.

— Есть доктора, — дежурный исчез в глубине корабля.

— Капитан медицинской службы Николай Веселов, — доложил прибывший доктор.

— Так, док, — ласково и по-дружески произнес командир. — Посмотри, что там с нами случилось, — и он кивнул в сторону тела старшего лейтенанта.

Доктор начал внимательно обследовать «пациента».

— Плохи наши дела, командир! Вон как его разнесло!

Теперь разве только откручивать иллюминатор да освобождать. Иначе не получится. Сильный отек. И надо делать это побыстрее, как бы кровоизлияния в брюшную полость не произошло.

— Черт, еще не легче.

И действительно. Самсонова так разнесло, а место в районе живота так уже посинело, отдавая пунцовой краснотой, что размышлять дальше не приходилось.

— Боцман, инструмент в каюту. Будем выкручивать иллюминатор.

Не прошло и пары минут, как, подставив баночку к телу старшего лейтенанта, боцман Николаев сделал первую попытку отвернуть закрашенную гайку, крепившую основание иллюминатора. Ключ сорвался, скользнув по телу Самсонова. Занятие оказалось непростым. Эсминец постройки тысяча девятьсот лохматого года за свое нахождение в составе флота уже не одну сотню раз подвергался покраске. Гайки сидели на болтах основательно. Округлив многогранную гайку, ключ сорвался, и новые царапины появились на теле «пациента».

— Доктор, работай.

Доктор, приоткрыв медицинский чемоданчик, с которым он практически не расставался, достал ампулу с йодом и, смочив им вату, помазал первые царапины.

Ни вторая, ни третья попытки отвернуть гайки результата не дали. На теле появлялись все новые царапины и ссадины. И все так же, с любовью к «пациенту», доктор мазал его йодом.

45

Да не будь это флот, если даже в самой его захудалой части не найдется находчивого, кто бы не разбавил пресную жизнь смекалкой и острым словом.

Уже весь корабль знал о случившемся с Самсоновым. Свободные от работ и вахты собрались у борта, наблюдая за проводимыми работами, подавая советы.

— Товарищ командир, — обратился мичман Мещеряков. — А что если попробовать вырезать автогеном? И снять полегче будет. Поставим на ноги и сдернем!

— А что, мысль!

— Боцман, давай автоген.

Через пять минут Николаев держал в руках вместо ключа горелку от автогена.

— Погоди, боцман. Спалишь прежде времени мне коробку. Давай на плотик. Будем начинать снаружи. Доктор, подсоби боцману.

По поданному трапу боцман и «док» спустились на плотик.

— Погодь, боцман, — придержал боцмана капитан.

— Надо бы на голову что-нибудь накинуть, а не то не ровен час спалим кудри старшому, не простит.

С верхней палубы на плотик бросили рогожный мешок.

— Так, годится. Сейчас мы тебя, — и док накинул на голову Самсонову мешок.

— Наверху! Чайник с водой подайте.

Через пять минут процедура подготовки закончилась.

— Поехали, доктор.

Раздался хлопок, и горелка заработала. Искры начали разлетаться во все стороны, попадая то на мешок, то на незащищенные места старшего лейтенанта. От боли «пациент» вздрагивал и откровенно выражался. Доктор обильно поливал его голову. Овал иллюминатора начал нагреваться, чем вызвал еще большее беспокойство «па-

циента». Возгласы становились более громкими и сочными.

— Лей, доктор, лей!

Доктор уже не первый раз черпал чайником забортную воду. Железо шипело, извергая клубы пара. Наконец работу удалось завершить.

Осторожно, будто стеклянную банку со спиртом, тело старшего лейтенанта с обручем на поясе приняли сослуживцы в каюте. Однако это было только начало. Кольцо ни в какую не хотело покидать его. После предпринятых попыток освободить Самсонова от стального обруча командир объявил перекур.

На теле Самсонова виднелись два огромных синих пояса, между которыми и утопало кольцо от бывшего иллюминатора.

Флотская находчивость не подвела и на этот раз.

— Товарищ командир, — обратился на этот раз старшина второй статьи Петров. — А что если применить закон физики?

— Поясни толком, старшина.

— Надо вначале его под горячей водой поддержать. Когда разопреет, поместить тело под холодный душ. Смотришь, тело сожмется, обруч упадет!

— А что, старпом?

Стянув со старшего лейтенанта брюки и взяв его под руки, матросы ввели его в душевую, оставив одного.

От горячей воды и боли Самсонов взвыл, как волк. Но это были только цветочки. Через десять минут горячую воду отключили и подали холодную забортную. Старший лейтенант еще громче взвыл от боли. Хмель постепенно покидал голову. Из покрасневшего тело принимало пунцовый с синим отливом цвет. Однако обруч прочно оставался на своем прежнем месте. Процедура повторилась. Обруч сидел прочно.

— Товарищ командир, — не успокаивался старшина. — А что если вначале под холодную, а затем в кипятки его?

— Хрен редьки не слаще.

— Пожалейте, — неожиданно раздался голос трезвеющего Самсонова. Однако рано было еще говорить о его полной трезвости.

— Я тебя завтра пожалею, — выкрикнул старпом Суханов и, сжав кулаки, захлопнул дверь душа.

Процедура продолжилась. Но и этот маневр не удался. Обруч остался на своем прежнем месте.

— Товарищ командир, — обратился капитан 3-го ранга Козырев. — Надо обруч распилить! Иначе не осилим.

— Какие мысли, мать твою, — выругался командир.

Однако что-то делать надо было. Чтоб освободить тело. На том и порешили.

Механик принес ножовку по металлу. Работа практически не прекращалась. Одного уставшего матроса

менял другой. Полотно ножовки то и дело слетало с обруча, делая отметины на теле Самсонова. «Док», верный клятве Гиппократ, мазал раны уже зеленкой, йод в чемоданчике кончился.

Старший помощник Иннокентий Суханов подначивал: — Пилите, Шура, пилите, оно золотое!

Среди членов экипажа разнесся веселый смех. Более десяти беззубых полотен по металлу валялись рядом с Самсоновым. Через полчаса одну из сторон удалось распилить.

Старший лейтенант, уже основательно протрезвевший, смотрел, как бодро орудуют матросы. Он дрожал всем телом. Казалось, что распилки второй стороны он не вынесет.

Процедура освобождения заложника больше походила на цирковое представление. И не могла не вызвать живого интереса у членов своего экипажа, а также членов экипажа соседнего корабля. Выстроившись вдоль борта, экипаж большого противолодочного корабля с хохотом наблюдал за происходящим на эсминце, подкидывая свои реплики в адрес неудачника.

— Товарищ командир! А что если вторую сторону попробовать лебедкой разжать? Может, что получится.

— Ну, старшой, ну голова, — бросил старпом в адрес старшего лейтенанта Смирнова.

— Надо попытаться. Давай, боцман. Только аккуратно.

Боцман с помощью двух матросов начал цеплять тоненький стальной фал от лебедки за края распиленного обруча. Убедившись, что трос держится крепко, боцман подал команду начать натяжку. Фал лебедки начал медленно натягиваться. Еще мгновение, и раздался не свойственный для натяжки звук. Фал был похож на струну гитары.

— Командир, ты что, захлестнуть хочешь своего парня? — крикнул один из офицеров с большого противолодочного.

Косов сам уже понял, что делает глупость.

— Боцман, остановить! Прекратить натяжку! Не хватало мне еще трупа на коробке.

Растяжку прекратили.

— Пилить до потери пульса, пока не распилите, — уже не слушая подсказок, подал команду командир эсминца.

Прошло еще с полчаса. Возле Самсонова появилось еще с десятка беззубых полотен по металлу, а на теле старшего лейтенанта — новые царапины. «Док» щедро смазывал их зеленкой.

Наконец полотно ножовки провалилось в пустоту, последний раз чиркнув тело Самсонова.

— Все, — вздохнул матрос, распиливавший обруч.

Обруч, врезавшийся в тело старшего лейтенанта, не думал покидать его. К «пациенту» подошел доктор и ак-

куратно, сл

ловинки об

Сил у

некоторое

большой в

грузаться

Немног

дал команд

После

оставалось

были полт

Флот от

А со см

порядке.

Не одна

ракетонос

ранга Вяче

пах спиртн

ствовал, чт

ревающей

по перебор

его пресле

приборки, к

Васильев, е

Решив про

довать свои

матросы у

мандиров

местах. Об

второго ра

сел над его

приходя по

ватным све

нее, он ста

куратно, словно минер, начал отделять распиленные половинки обруча от тела.

Сил у Самсонова уже не оставалось. Почувствовав некоторое облегчение, старший лейтенант сделал не-большой вздох. Глотнув свежего воздуха, он начал погружаться в обморок.

Немного поколдовав над ссадинами старлея, доктор дал команду перенести его в каюту.

После всего произошедшего Самсонову только и оставалось отключиться от мира сего. А впереди еще были полторы недели лазарета.

Флот от этого не пострадал.

А со смекалкой на флоте и сегодня, и всегда все в порядке.

ПИВО

Не однажды старший помощник атомного подводного ракетноосца с бортовым номером 675, капитан второго ранга Вячеслав Кириленко улавливал своеобразный запах спиртного. Проходя левым бортом ракетноосца, чувствовал, что где-то совсем рядом спрятана тара с вызревающей брагой. Повертев носом и пошарив глазами по переборкам, он возвращался к себе в каюту, но и там его преследовал этот запах. Однажды после большой приборки, когда из его каюты вышел приборщик, матрос Васильев, ему показалось, что тот находится подшофе. Решив проверить свою догадку, Вячеслав начал обследовать свою каюту. Ему уже были известны случаи, когда матросы умудрялись хранить спиртное в каютах командиров — в самых безопасных для проверяющего местах. Обыскав все шхеры в своей каюте, капитан второго ранга обратил внимание на плафон, что висел над его головой и никогда не включался. Обычно, приходя по вечерам, Кириленко пользовался надкроватным светильником. Поставив «баночку» и встав на нее, он стал осторожно откручивать плафон. Из потревоженного плафона, словно из улья, стали вырываться свежие пары спирта.

— Вот шельмец! С первого взгляда и не догадаешься. Сколько времени водил меня за нос! — бурчал про себя старпом.

Но не были бы моряки моряками, если бы успокоились на этом. Ликвидировав запасы Васильева, старпом все равно продолжал ощущать присутствие спиртного на своем корабле. Через неделю после первого случая он шел по левому борту лодки, когда неожиданно услышал совсем рядом с собой характерное шипение. Старпом остановился. Огляделся. На переборке, в районе открытого люка в соседний отсек, висел пятнадцатилитровый огнетушитель, из-под крышки которого выползали пузыри. Подойдя поближе, Кириленко определил — брага. Пройдя в центральный пост, старпом подал ко-

манду «Боевая тревога!». Запел ревун, лодка ожила. Когда личный состав занял боевые посты, капитан второго ранга вместе с вахтенным офицером заменили огнетушитель с брагой на действующий. Брагу решили не выливать. Пригодится в хозяйстве. Как вспоминал он позже, брага была поставлена на совесть. Крепость отменная. Матросы, ставившие брагу, долго недоумевали, как могло случиться, что огнетушитель подменили...

История со спиртным получила неожиданное продолжение. Бортовой номер 675 поставили на заводе в док. Предстояло подштопать его перед длительной службой. Лодка находилась в доке уже с полмесяца. С наступлением вечера и окончанием рабочего дня основная часть офицерского состава сходила на берег. На борту оставалась только вахта. Улучив момент, «старики», как зовут служащих третьего года, решили взять свое за исчезнувший огнетушитель. Собрав со всего личного состава максимум денег, отправили двух старшин на «дело». Буквально в двадцати метрах от заводских ворот ежедневно привозили на продажу бочку с пивом. Молоденькая продавщица сопротивлялась недолго. Решили, что как только рабочий день закончится, молодуха совместно с шофером подгонят машину с пивом к забору. Матросы, раздобыв у рабочих дока шланг длиной метров в двести, надежно припрятали его в укромном месте. Предварительно продув одну из цистерн от питьевой воды, матросы расплатились с продавщицей и шофером.

Все было готово к приему пива. После ужина рабочие завода продолжали сварные работы на лодке. То, что по пирсу пробросили шланг к борту лодки, у вахты не вызвало подозрения. Буквально минут за двадцать пятьсот литров пива перекачало из бочки автомашины в пустую цистерну из-под питьевой воды...

Первым заметил неладное командир торпедной группы. Встретив старшего помощника, посетовал: «Что-то в соседнем отсеке дышать нечем. Откуда-то тянет пивом, как из пивной бочки. Не успели они переговорить, как в каюту к старпому заглянул доктор.

— Иваныч, пивка хочешь?

— Вы что сегодня со своим пивом, охренели?

— С чего бы. Вот, на, попробуй, — и он протянул Кириленко литровую банку с пивом. — Да ты у себя кран с питьевой открывал?

Старпом подошел к раковине и открыл кран. Из крана потекла тоненькая струйка желтого цвета. Он принюхался.

— Мать твою! Точно — пиво! Ну архаровцы, ну щучьи дети! — и старпом осушил наполнившуюся свежим пивом пол-литровую кружку.

Ему вспомнились слова из песни: «Если б море было водкой, стал бы я подводной лодкой». И капитан второго ранга, улыбнувшись, почесал свой нос...

г. Кемерово

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Анатолия Павловича
ИЛЕНКО
с 60-летием

Анатолий ИЛЕНКО

*Скрип ворот, петушиное пенье,
Лай собаки, мычанье коров, —
Неприметное глазу течение
Скудной жизни крестьянских дворов.*

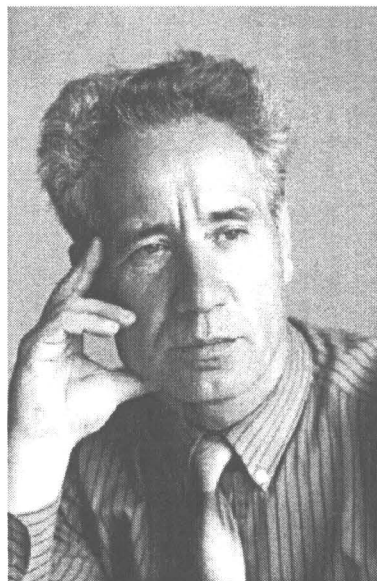
*Дней в запасе хватает у Бога,
Здесь минутам особый учет, —
Зазевался сегодня немного,
Завтра новых забот полон рот.*

*Валят с ног, выживают со света —
Пахота, обмолот, сенокос...
То одно, то другое, то третье
И в жару, и в крещенский мороз.*

*Круглый год голова кругом кружит,
Маета от темна до темна,
Здесь терпенье не всякого сдюжит,
Здесь закваска с пеленок нужна.*

*В суматохе соседка-старуха
Мне обронит, как добрая мать:
— Отдохнул бы хоть малость, Петруха...
Усмехнусь: — Так ведь надо устать.*

*За окошком утро,
У крыльца рябина,
От ворот тропинка тянется в село.*

48 *Собралась старуха попроведасть сына,
Видно, снова сердцу время подошло.
Наскребла гостинцев: пироги, варенье,
На худые плечи вскинула мешок.
Нет, не по годам ей дальнее хождение,
А куда деваться: свой-таки сынок.
— Весь в отца подался, пьяница беспутный... —
Тихо шепчут губы строгие слова.
Треплет встречный ветер ей платок лоскутный,
Стелется под ноги горькая трава.*

*Бока ему мiali деревнею всей,
но все же неймется Евсею.
По праву был женскому полу Евсей, —
любили деревнею всею.
Мужик за порог, а Евсей тут как тут —
милует жену мужикову.
За горькую радость коротких минут
ломали бока ему снова.*

.....
*Давно на погосте улегся Евсей,
но память надежно посеяна.
С тех пор по согласию местности всей
деревня зовется — Евсеино.*

г. Кемерово

ПО
Вик

Виктор БОК

РУКО

Умень
И от
Умень
Други

Я ви
Окайм
Душа
Но ш

Гроз
Чем
Гроз
В про

На б
И сл
Пого
И по

И все
Все б
О др
До э

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Виктора Васильевича
БОКИНА
с 55-летием

Виктор БОКИН

РУКОЙ ПРИДЕРЖИВАЯ СЕРДЦЕ

Н. Николаевскому

1

Уменье жить не пригодилось
И отвергалось, как тщиета.
Уменье жить — одним как милость,
Другим — пустая маета.

Я вижу — снежная равнина
Окаймлена сосновым бором.
Душа, конечно же, ранима.
Но шрамы не грозят позором.

Грозят бессонницей и жженьем,
Чем беспощадней — тем верней,
Грозят безудержным круженьем
В просторах Родины моей.

2

На белом — изгородь пунктиром.
И сладковатый вкус дымка...
Поговорить отдельно с миром.
И помолчать издалека.

И все острее, все тревожней,
Все безнадежней, все нежней
О друге думать, что не дожил
До этих белоснежных дней.

49

Глухою ночью — через сенцы —
Да на морозное крыльцо,
Рукой придерживая сердце,
А может, просто пальтецо.

Все вглядываться в тьму ночную,
Искать заветную звезду...
Я тут немного потоскую
И все равно к тебе приду.

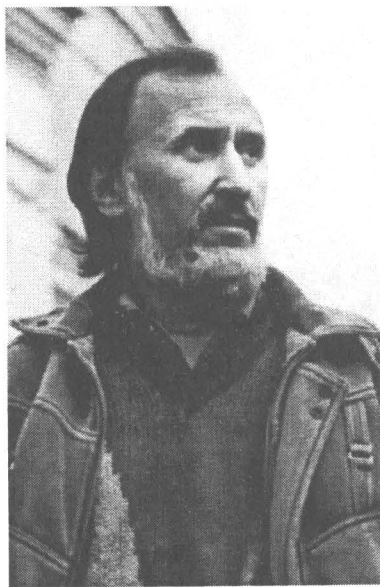
3

Дорога в гору, в гору, в гору...
Потом под гору. Но слегка.
Дорога к другу, к другу, к другу
Так непосильно далека.

Вокруг лишь камень да железо
Да чахлые ряды берез.
Душа, скрипящая протезом, —
Но нет их, нет! проклятых слез.

Есть бесполезная сорока
Да непонятная строка,
Пришедшая до слез, до срока
Откуда-то издалека.

Есть слабость, что страшнее силы,
Как захлестнувшая петля.

Есть памятник и есть могила —
Все, что дала ему земля.

Я над тобой стою склоненный,
Мне теплой не подать руки...
Ты там алмазом ограненным —
Я здесь чернею от тоски.

Сошлись на сердце лед и пламень.
И все в тебе, и все во мне.
Пусть мы сухим рыданьем плачем,
Но, сжавши зубы, также платим
Вдвойне, вдвойне, вдвойне, вдвойне...

4

У горя нет конкретных черт.
Здесь все размыто, все в тумане...

Нас учит Бог иль кружит черт? —
И только смерть нас не обманет.

Она придет, все карты — разом!
Пожитки на фиг собирать.
И мутится вчерашний разум —
Затмение? Вспышка? Благодать?

Конечно, доля любопытства...
Но мы уже судить не вправе.
И, укорачивая пытку,
Ты ждешь меня на переправе.

Ты прост в общении с Хароном.
Он понимает, что к чему:
Мы каждый день себя хороним,
Спеши к тебе по одному.

г. Новокузнецк

Элеонора А

РАЗБРОС
КАК ЛИСТ

Разу
по с
Зау
как

Зат
по с
Раз
рас

Раз
раз
Соб
как

Мы
в т
О, н
в пл

Как
в пл
Мы
Как

...И
и с
и т
Тор
два
и в

Мы
Мы
Мы
Е
Мы
вы
коз
о

Элеонора АКОПОВА

РАЗБРОСАЙ МЕНЯ, КАК ЛИСТЬЯ

* * *

Разучи меня по нотам,
по стихам, по отраженьям.
Заучи меня на память,
как таблицу умноженья.

Затверди меня по строкам,
по абзацам, по страницам.
Разыграй меня, как пьесу,
распиши меня по лицам.

Разбросай меня, как листья,
разверни меня, как свиток.
Собери меня по саду,
как букетик маргариток...

МЫ ЕСТЬ

1

Мы были юные скитальцы
в то опьяняющее лето.
О, как шептались наши пальцы
в плену лимонного рассвета.

Как целовались наши плечи
в плену лилового заката.
Мы есть! Мы счастливы! Мы вечны!
Как в это верилось когда-то...

2

...И вечер на лицах,
и свет на ресницах,
и тени неловко застыли.
Торшер вполнакала,
два тонких бокала
и ветка в граненой бутылке.

Мы были когда-то.
Мы будем когда-то.
Мы есть.
Вы напрасно смутились.
Мы просто устали,
вы нас не застали,
когда мы
от счастья светились...

* * *

...Когда этот жалкий, дрожащий,
несчастный, голодный птенец
с оранжевым клювом,
что пищит у тебя на ладони
и испуганным глазом косит,
расправит метровые крылья
в орлином размахе
и солнце закроет,
ты сможешь собраться в дорогу
с котомкой нехитрых пожиток,
шагнуть в листопад
и прикинуться деревом
с тонкими черными ветками
где-то за кромкой заката
или серой скалой,
где орлиные семьи
с прерывистым клетотом
вьют свои гнезда...

* * *

Такси, такси!
Полцарства за такси!
И — в дождь.
И — в пьяный листопад.
И — в ночь.
И в ноты невпопад.
По лужам вплавь.
Не сон, не явь.
Должно же где-то быть такси
для заблудившихся трусих,
для растерях,
для неумех,
для нерадивых,
словом, тех,
кто заблудился в трех соснах,
кто до сих пор летает в снах,
кто потрошит свое нутро,
потом латает наживую.
Им больше подойдет метро,
там можно ездить
вкруговую.

* * *

Минус на минус — плюс.
Ноей душа, как флюс.
Я за тебя боюсь,
я о тебе молюсь.

Наша с тобой вина,
наша с тобой игра.
Я же тебе жена,
я же тебе сестра.

Боязно умирать,
стыдно идти ко дну.
Можем в любовь сыграть,
можем сыграть в войну.

Я принимаю бой,
некуда мне бежать —
нам все равно с тобой
рядом в земле лежать.

* * *

Я — Хозяйка этих чашек-ложек,
блузок.
Мой мирок налажен и несложен,
узок.

Я — Хозяйка этих басен-песен,
строчек.
И тогда мне целый космос тесен
очень.

Потому-то наш покой непрочен,
хрупок.
И ты этим озабочен,
друг мой.

ДВОЙНИК

Голубая прозрачность виска,
хрупкий абрис плеча,
тонких пальцев озноб,
тень ресниц,
бледность щек...

Это что, анатомии скучный урок?
Это просто тоска.
Это тает свеча,
это я наплела просто так, сгоряча —
ну кому эта бледная немощь нужна?
Никому не сестра,
никому не жена.

Ночь нежна.
Ночь — княжна,
ты мне очень нужна...

...эта хрупкость плеча,
голубая парча,
одинокое в ночи
умирает свеча...

* * *

От мира ошибок, от мира обманов
и всякого прочего зла
он прятался в мир заозерных туманов,
она просто так жила.

В машине, в лесу, на работе и в спальне
он думал: реальность — пустяк.
И грезил о ком-то неведомо-дальнем,
она жила просто так.

В туманах своих по ночам летая,
где грешная тает луна,
он думал: наверно, она слепая
или не очень умна.

И в общем-то это не ново от века,
хоть грустно на первых порах,
когда два обычных земных человека
живут в параллельных мирах.

Но только когда их черед настанет,
едва ли там кто разберет,
что он растворится
в озерном тумане,
она просто так умрет.

* * *

Горит листва, и осень на дворе,
и крыши багровеют на закате.
Я потерялась в этом сентябре,
я заблудилась в этом листопаде.

А вы смогли бы не сойти с ума,
когда ваш город плавится в закате,
и на прохожих пялятся дома,
и жгут листву,
и ветер треплет платье,
и птицы растревоженно галдят,
и все вокруг пропахло чудесами,
когда, поджав хвосты,
на вас глядят
собаки с человеческими глазами?..

г. Кемерово

Герман ВЕСЕЛОВ

С НИМ ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ

Кемерово — это мой родной город.

В семилетнем возрасте меня сюда привезли в поезде, мои родители после окончания московского техникума переехали в Кемерово на постоянное место жительства и работу.

Здесь я окончил среднюю школу № 34 в Рудничном районе в 1950 году. На мое счастье, в этом же году в Кемерове был открыт Кемеровский горный институт. Я поступил в этот институт и в 1955 году первым выпуском окончил его по специальности «горный инженер-шахтостроитель». Работал в Кемерове на реконструкции шахт «Центральная», «Северная», «Ягуновка», «Промышленка», на строительстве разрезов «Кедровский» и «Черниговский».

Таким образом, воспитание, знания, становление как специалиста и человека я получил в этом городе и обязан ему.

Поэтому еще в молодые годы дал себе слово, что моя жизнь будет отдана этому городу. В дальнейшем мне много раз предлагали высокие должности в Москве, Киеве, Ленинграде, Владивостоке, Караганде, Якутии, Новосибирске, но мое решение было твердое — только мой родной город Кемерово. Министр угольной промышленности Б. Ф. Братченко, который в основном и приглашал на работу с переездом на новое место жительства, назвал меня за мои отказы сибирско-кемеровским чалдоном.

Итак, с 1932 года моя жизнь проходила безвыездно в Кемерове, которому было всего четырнадцать лет. В моей памяти перед глазами стоит небольшой городок, разделенный Томью на две части, с большим красивым сосновым бором, деревянными домами и тротуарами. Под тротуарами росли грибы — коровники и шампиньоны.

А какой стремительный его рост впоследствии! Особенно это проявилось в послевоенные годы, когда Кемерово стал (в 1943 году) областным городом и промышленным центром Западной Сибири. Все это произошло за какие-то 70 лет моей жизни.

ГОРОД РОС НА МОИХ ГЛАЗАХ, С МОИМ УЧАСТИЕМ

Кемерово я начал познавать с так называемой Красной горки Рудничного района, где дом по улице Суворова, 9 стоит и сейчас. В нем я прожил более 30 лет.

Первые два десятилетия мы были практически отрезаны рекой от левобережной части города, так как капитальный мост построили только в 1957 году. Летом, когда спадала большая весенняя вода, обычно в начале июня, собирали через Томь понтонный мост. В начале октября, перед ледоставом, его убрали, и все с нетерпением

ждали морозов, чтоб соорудить ледяную дорогу. Для этого в замерзающий лед постепенно укладывали бревна, они вмерзали, и получалась ледяная дорога, по которой ездили даже автомобили. С весны до осени, в общем около 5 месяцев, город был разорван рекой, и сообщение производилось только посредством деревянных лодок на веслах. Подвесных лодочных моторов в то время еще не было. В межсезонье некоторые смельчаки брали доски в руки и, перекидывая их, перебирались по тонкому льду.

Ребятишками, бегая купаться или ловить рыбу, мы издали наблюдали, как через Томь по подвесной канатной дороге сновали туда-сюда вагончики с углем. Это с шахты «Диагональная» возили уголь на коксохимический завод. Мы наблюдали, как иногда вспыхивало яркое пламя, и из батарей вываливался большой огненный слиток. Мы понимали, что это важное и необходимое для города дело. И еще знали, что шахта и коксохимзавод были построены иностранными инженерами, которые приехали из Голландии, Германии, Америки помогать молодому Советскому государству. Мы еще захватили этих добрых людей, играли с их детьми и знали, какой вклад они внесли в становление и развитие Рудничного района г. Кемерово в 1920—30-е годы.

В основную часть города, левобережье, учитывая трудности переправы через Томь, мы, естественно, попадали в разгар лета или зимой. По льду через реку нас, детей, водили в цирк. Это замечательное зрелище давало нам новые знания, вводило в мир искусства. Здание цирка — большое, деревянное, с высоким куполом — резко выделялось среди маленьких домиков, расположенных вокруг, на месте нынешнего перекрестка проспекта Советского и улицы Кирова. От цирка по Советскому проспекту в обе стороны стояли одно-двухэтажные деревянные дома, на окнах которых были узорчатые резные ставни, некоторые дома были огорожены сплошным оплотом — частоколом. В конце проспекта в сторону реки Искитимки, где сейчас здание администрации, с правой стороны, недалеко от тюрьмы, огороженной высоким забором (в районе здания КГБ), был рынок. За рынком, сколько мог охватить глаз во все стороны, стояли деревянные домишки, а на высоком правом берегу Искитимки люди жили в землянках. Это была для моего детского мышления самая крайняя точка города. Кроме рынка, где всегда было много народа, мы любили смотреть и посещать на Притомской набережной место, где стояло с десятков пятиэтажных кирпичных домов с магазинами. И, конечно, на всю жизнь остался в памяти Дворец имени Луначарского, в нем проходили школьные фестивали, новогодние елки и т. п. Когда возвращались домой и подходили к коммунальному понтонному мосту через Томь, резко бросались в глаза землянки и ветхие домишки. Они десятками заполняли так называемый Щетинкин лог, он начинался от Томи и подходил к Советскому проспекту. Слева от моста, в сторону городского сада, стояла мельница, а за ней улица таких же засыпушек. И у всех

туалеты «висели» над обрывом в сторону реки. И во всем этом сквозила неизбывная бедность людей. Этим мне запомнился довоенный город. Жилье это, если можно его так назвать, было снесено в 60-е годы, а Щетинкин лог полностью засыпан, и сейчас на нем стоят капитальные здания.

Во время войны в Кемерово из европейской части страны было эвакуировано много промышленных предприятий военного назначения, их разместили в наскоро приспособленных зданиях. Нам было известно, что эти заводы выпускали военную продукцию: разного вида порох, взрывчатку, патроны, снаряды. Вокруг этих промышленных точек что-то строилось, заводы расширялись, но мы, ребята, в тонкостях всего этого не разбираясь, твердо знали, что все это нужно для фронта. Отголоски войны доходили и до кемеровчан через эти заводы. Несколько раз за военные годы горожане были перепуганы сильными взрывами, говорили, что это были диверсии.

Летом 1943 года я сидел дома за столом, ужинал, вдруг прогремел сильный взрыв. Стены одноэтажного дома задрожали, посыпались из окон стекла, стоявшая на столе крынка с молоком перевернулась. Все были перепуганы. Оказалось: произошел взрыв на заводе «Прогресс» с большими людскими жертвами. Какой был силы взрыв, можно представить, так как наш дом находился по прямой линии от завода в 6—7 километрах.

После окончания войны, имея богатую сырьевую базу, а также заводы и производства, эвакуированные в Кемерово, которые уже работали на полную мощность, город стал быстро строиться. Еще в конце войны, в 1944—45 годах, на улицах города появилось большое количество немецких и японских военнопленных, они использовались в качестве строителей. Например, японцы строили от центра Рудничного района до будущего коммунального моста шоссейную дорогу из камня, она прослужила до 1958 года (позже, работая в строительном управлении, мне пришлось покрывать ее асфальтом). Мы, мальчишки, встречались с японцами. За хлеб, картофель выменивали у них разные безделушки... Пленные немцы начали строительство на площади Пушкина и по Советскому проспекту. Постепенно город стал большой строительной площадкой. Стало много башенных кранов, сносились деревянные постройки, возводились пятиэтажные кирпичные дома.

Начали застраивать будущую площадь Советов, появилось первоначально здание КГБ, увенчанное двумя ограничителями (сейчас — здание администрации города), начали строить дома угольщиков, профсоюзов, обком КПСС. Мне пришлось во время студенческой практики отрабатывать мастером один месяц на строительстве здания обкома КПСС. Здание облисполкома было построено позже, в 1976 году.

Начали возводить капитальный коммунальный мост через Томь, это для города большое событие. Стройка шла круглые сутки. Мы, студенты КГИ, должны были отработать каждый по одному месяцу. Так же привлекались и трудящиеся предприятий города.

В 1957 году мост был построен, через год-два запущено по нему трамвайное движение до центра Рудника (шахта «Центральная»), и во вторую очередь — до Кировского района.

Все это было на моих глазах. После голода, разрухи военных лет все оживилось, жизнь стала быстро улучшаться. Появился в продаже без карточек хлеб, сначала его можно было купить по коммерческой цене, отстояв ночь в очереди (получали две булки в одни руки). С фронта вернулись отцы, братья, некоторые с подарками. Мне отец привез велосипед. Это было для меня большим счастьем.

Окончив институт, я пошел на работу в трест «Кемеровошахтострой» строить шахты. Без всяких «протяжек» в 28 лет я стал главным инженером, а в 30 — начальником этого же крупного кемеровского шахтостроительного управления. Какое же огромное строительство развернулось в эти годы в городе! И я был его участником. Детство и юность отступили на задний план.

54

ПО ВСЕЙ СТРАНЕ О КЕМЕРОВЕ ЗАГОВОРИЛИ КАК ОБ ОБЛАСТНОМ ПЕРСПЕКТИВНОМ ГОРОДЕ, СТОЛИЦЕ КУЗБАССА

В городе началось строительство предприятий химической, угольной, машиностроительной и легкой промышленности. На стройки и производство приезжало много рабочих, надо строить не только предприятия, но и жилье, развивать социальную структуру. Как грибы после дождя, создавались строительные подразделения: тресты «Кемеровошахтострой», «Химстрой», «Тяжстрой», «Промстрой», «Строймеханизация», «Энергострой», «Дорстрой», «Главкузбасстрой», «Домостроительный комбинат».

Решая задачи строительства, все видели и понимали, что на первом месте должна быть тяжелая промышленность, так надо стране. Попробуй не выполни план — и на бюро горкома или обкома КПСС слопочешь выговор, а то и строгий. Объекты непроизводственного назначения — жилье, соцкультбыт, здравоохранение — строились по остаточному принципу. Хотя деньги на социальные объекты выделялись сполна, они практически из года в год не осваивались, так как не хватало людей и материальных ресурсов. Поэтому, чтобы иногда вытянуть годовой план жилья, чтобы как-то использовать деньги, дома сдавались для отчета с большими недоделками, которые ликвидировались порой после сдачи месяцами.

В 1964 году меня пригласили к заместителю председателя Кемеровского совнархоза В. Д. Никитину, и он мне предложил должность заместителя начальника создаваемого комбината «Кузбассразрезуголь». Я дал согласие, через 20 минут мы были у первого секретаря обкома КПСС А. Ф. Ештокина, который благословил меня на эту работу, сказал: «Надеемся на доморощенного руководителя. Теперь открытые работы Кузбасса в твоих руках. Дерзай!»

Для м
ность бы
ков комби
«Кузбасс
В дальне
более де
правител
ций, как с
строй и в

Эта р
я вошел в
стерств,
по каким
по отрасл
ству. Как
министер
димостью
ного и ко
лично бы
га, от ко
иново во

В ию
КПСС и
мышленн
выход на
сти на ст
гориспол
же назн
строите
управля
ма парти
должен с
меня это
несколь
это мой
серьезн
маться т
тью, мол
жен зан
бытовым
нашего
вых дне
первым
распред
дать дол
ной раб

Так
десяти л
нимался
зов, авт
ков и го
был опр
исполк

д-два запу-
ра Рудника
— до Киров-

да, разрухи
стро улуч-
еб, сначала
не, отстояв
и руки). С
подарками.
меня боль-

ест «Кеме-
«протяжек»
начальни-
строитель-
льство раз-
частником.

ВЕ
НОМ

ятий хими-
й промыш-
ало много
но и жилье,
сле дождя,
ресты «Ке-
ромстрой»,
», «Главкуз-

понимали,
оомышлен-
план — и на
ыговор, а то
значения —
лись по ос-
ные объек-
да в год не
ериальных
довой план
сдавались
е ликвиди-

телю пред-
итину, и он
льника со-
. Я дал со-
ретаря об-
овил меня
денного ру-
са в твоих

Для меня, тридцатидвухлетнего специалиста, эта должность была очень высокой, как говорят, «живых» начальников комбинатов я видел пока что издали, в президиумах. «Кузбассразрезуголь» объединил все разрезы Кузбасса. В дальнейшем добыча угля в стране была переведена на более дешевый и безопасный открытый метод. Союзное правительство выделило капитальных вложений (инвестиций, как сейчас говорят) неограниченно. Только осваивай, строй и вводи новые угольные мощности.

Эта работа мне как специалисту дала очень многое: я вошел в круг Госплана, Госснаба СССР, союзных министерств, строительных подразделений и т. п. Узнал, как и по каким каналам формируется государственный план по отраслям промышленности и капитальному строительству. Какие материалы нужно представить в Госплан, министерства, Промстройбанк, чтобы доказать необходимость строительства объектов культурного, социального и коммунального назначения. А самое главное — лично был знаком с людьми, чиновниками высшего ранга, от которых во многом зависело решение того или иного вопроса.

В июне 1975 года меня пригласили на бюро обкома КПСС и сказали: «Ты много строишь по Кузбассу промышленных и социальных объектов, имеешь хороший выход на Москву, мы тебе предлагаем этот опыт перенести на строительство города — стать председателем его горисполкома. Чтобы тебе легче было работать, мы также назначаем вторым секретарем горкома опытного строителя, твоего друга А. Ф. Рыбалкина (он был тогда управляющим трестом «Промстрой»). Секретари обкома партии, облисполком будут тебе помогать, Кемерово должен соответствовать статусу областного города». Для меня это было неожиданно, но, учитывая то, что уже был несколько созывов депутатом городского Совета и что это мой родной город, дал согласие. Но поставил одно серьезное условие: чтобы мне дали возможность заниматься только городским хозяйством. Промышленностью, мол, пусть занимается горком КПСС. Исполком должен заниматься градостроительством, социальными, бытовыми вопросами, мы должны работать для людей нашего города. Мне такое согласие было дано. С первых дней моей работы этот вопрос был обсужден с первым секретарем горкома КПСС В. М. Чурпитой. Мы распределили с ним наши полномочия. И нужно отдать должное, сохранили это на весь период совместной работы.

Так как к этому времени я проработал уже более десяти лет на комбинате «Кузбассразрезуголь», где занимался капитальным строительством не только разрезов, автобаз, заводов, но всей социальной сферы поселков и городов, где жили трудящиеся разрезов, у меня был определенный опыт для работы председателем горисполкома.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ В РАЗВИТИИ ГОРОДА

В самые кратчайшие сроки горисполком и Московский институт «Горпроект» разработали и утвердили генеральный план развития города до 2000 года. И наметили для себя первые десять лет работы. В 1975 году в Кемерово было 4 административных района. И мне повезло, что председателями районов были замечательные люди, влюбленные в свое дело. Это прежде всего Б. И. Александров, председатель Кировского райисполкома. Этот человек около 20 лет своей жизни действительно служил народу. После его смерти исполком присвоил одной из улиц района название «Имени Александрова Б. И.».

В дальнейшем этот район возглавил Ю. М. Синеоков.

В Заводском, самом тяжелом и неблагоустроенном районе, председателем был В. А. Капитонов, такая же легендарная личность, как и Александров. В Заводском районе Капитонов проработал 15 лет и 7 — в Ленинском.

55

В Рудничном районе председателем исполкома был бывший директор шахты В. Д. Полянский. А. Т. Сычев — председателем Центрального райисполкома.

Ежемесячно мы проверяли выполнение всех намеченных мероприятий. Главной задачей города было усиление строительных подразделений, их мощностей с разделением их сил на промышленное и гражданское строительство.

Это был очень нелегкий вопрос. Вначале против были «Главкузбасстрой» и обком КПСС. Но, учитывая главное направление — строить город — и обещание на бюро обкома КПСС помогать мне, мы получили такую поддержку.

Таким образом, горисполком мог определить, сколько в год сможем освоить денег и на каких именно объектах будем работать. Было принято решение срочно увеличить мощности строительных баз «Главкузбасстроя» с уклоном на гражданское строительство. Была увеличена, прежде всего, мощность домостроительного комбината на 100 тысяч кв. метров жилья в год, расширены мощности завода сборного железобетона, построен цех по производству цветной отделочной плитки для фасадов домов, которая шла на украшение панелей в микрорайоне Шалготарьян. Были смонтированы новые заводы по выпуску асфальтобетона для дорог, создан цех по выпуску тротуарной плитки и т. д.

Еще в 1950-х годах, с приходом к власти в партии КПСС Н. С. Хрущева, была поставлена задача в максимально короткий срок обеспечить людей жильем. Перестали строить так называемые сталинские дома, кирпичные, с хорошей планировкой, высокими потолками, и предложены однотипные, с малогабаритными квартирами из сборного железобетона, в дальнейшем народ окрестил их «хрущевками». Сборность и однотипность такой конструкции, безусловно, ускорили темпы жилищного строительства, заметно стали продвигаться очереди на жилье, стали чаще справлять новоселья. Новоселы были

рады, но полного удовлетворения не получали, так как квартиры в эксплуатации не давали бытового комфорта.

В 70-х, когда Генеральным секретарем стал Л. И. Брежнев, от «хрущевок» постепенно стали отходить, жилье продолжали строить панельное, но габариты квартир увеличились. Появилось жилье так называемых улучшенных 97—98 серий. В Кемерове перед Домостроительным комбинатом и «Главкузбасстроем» была поставлена задача срочно перейти на строительство улучшенного жилья. Не останавливая работу комбината, провели реконструкцию завода на новую серию. Понадобилось огромное количество листового железа, уголка для изготовления новых кассет, опалубки, естественно — денег.

Но с этой задачей мы быстро справились, и город полностью перешел на строительство жилья новых серий. В этом мы опередили своих соседей — новосибирцев, томичей. Они приезжали к нам перенимать опыт.

Из новой серии был запроектирован и микрорайон Шалготарьян. В этот период жизни, когда существовало социалистическое содружество государств, было модно объявлять побратимами области, города, предприятия. Кемеровская область и город Кемерово были побратимами с Ноградской областью и городом Шалготарьяном Венгерской социалистической республики. В честь этой дружбы названа Ноградская улица в центре Кемерово и там же стоит скульптура (скульптор А. П. Хмелевской, архитектор В. Д. Полтавцев). На этой же улице было открыто кафе «Шалго» с венгерской кухней.

Чтобы увековечить эту дружбу, горисполком совместно с горкомом партии приняли решение запроектировать в Ленинском районе жилой микрорайон с названием Шалготарьян. Чтобы этот микрорайон отличался от других, планировали панели домов облицевать разноцветной плиткой. По этому вопросу много спорили, но Совет архитекторов города настоял и принял такое решение. Внутри микрорайона построили торговый центр «Шалго». Для закладки этого микрорайона в 1979 году были приглашены первые руководители Ноградской области и города Шалготарьяна. На митинге, посвященном этому событию, была заложена капсула с договором в фундамент первого дома. Этот микрорайон давно отстроен (архитектор Т. А. Кулиев) и украшает Ленинский район. Ответно в городе Шалготарьяне был построен жилой микрорайон и открыто кафе «Кемерово». В нем, как символ Сибири, стоит чучело медведя, которое я лично отвез в Венгрию на открытие этого кафе.

Параллельно с организационными вопросами строительных подразделений исполком принял ряд других мер, которые способствовали увеличению строительных объемов, особенно в жилищном секторе. В Кемерове был создан в 1977 году на базе филиала Новокузнецкого института самостоятельный институт «Кемеровогорпроект». Это развязало нам руки по всем проектным работам города. Мы создали при горисполкоме службу единого заказчика по строительству всех социальных объектов. Это позволило до 80% денежных средств пред-

приятый города, предназначенных на эти цели, сосредоточить в одних руках, что давало возможность институту и подрядным организациям проектировать сразу весь жилой микрорайон, а не отдельные дома, как это было раньше по заказу отдельных предприятий. Строители получали большой фронт работ, комплексно закладывались все коммуникации, дома строили подряд, а не выборочно. Предприятия, которые вкладывали деньги, получали готовое жилье. Таким образом, освободив предприятия города от заботы выступать заказчиками по производственному строительству, мы начали проводить политику строительства кирпичного жилья хозяйственным способом. Предприятия охотно с этим соглашались, и в городе до 40 тысяч кв. метров кирпичного жилья в год стали строить хозспособом.

Все эти меры дали нам возможность резко нарастить строительство жилья со 160 тысяч кв. метров в 1974—75 гг. до 260—280 тысяч кв. метров в 1983—85 гг.

Разделение строителей по направлениям позволило нам ввести специализацию в этой отрасли. Например, трест «Кемеровогражданстрой» строил филармонию, школы, детсады, больницы, магазины и т. п. Домостроительный комбинат — только жилье и встроенные, пристроенные к дому магазины, бытовки и т. п. Строительным трестам по промышленности — «Химстрою», «Тяжстрою» — ежегодно к их основной программе выдавались спецзадания. Например, тресту «Промстрой» — здание Универсама № 2 в Ленинском районе, «Химстрою» — спортивный манеж, реконструкцию стадиона «Химик», лестницу в сосновом бору, благоустройство бульваров Строителей и Пионерского.

Для строительства, благоустройства и содержания города был создан мощный комплекс, силами которого горисполком мог решать любые городские задачи. Оставалось решить пустяк... На все задуманное надо было уметь зарабатывать и добывать как можно больше источников финансирования. Научились мы решать и эти трудные финансовые вопросы. Именно благодаря всему этому в Кемерове в 70—80-е годы строилось не только много жилья, но и объектов здравоохранения, культуры, коммунального хозяйства, телефонной связи, высшего образования и т. д.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НАМЕЧЕННЫХ ПЛАНОВ

Укрепив строительную базу, город начал выполнять намеченные мероприятия. Кемеровчане помнят, как город задыхался без второго коммунального моста через Томь. Бесконечные автомобильные «пробки», движение по старому коммунальному мосту из-за его ветхости было ограничено. В это время в стране усиленными темпами строился БАМ — новая Байкало-Амурская железная магистраль от Урала по северу на восток. Наш кемеровский мост по этой причине не попадал в график изготовления металлоконструкций. Чтобы решить эту задачу, мы

пригласи
равлени
рый мос
показа
ное закл
тального
сейчас,
в Москв
без мос
кратитс
И вот —
строени
Удэ. На
председ
ная раб
луатаци
ли, дви
распред
Томь стр
спекту,
Одновре
нового м
готов в
затянул

В эт
нии сил
полным
роено п
турно и

Посл
со всех
и «звезд
гом встр
леты ра
ное нас

Фила
дом в Ю
ном зда
на терри
же Упра
водител
руя зда
имени М
заведук
сию при
ложение
основе
деньги
буду за
сионерк

Я ре
бюджет
ней и се
литацию

А в Л
фильм

пригласили из Новосибирска специализированное управление по испытанию мостов на прочность. На старый мост было загнано 150 груженых КамАЗов, сняты показания приборов. И вот долгожданное документальное заключение: мост в аварийном состоянии, без капитального ремонта простоит не более 2—3 лет, хотя он и сейчас, слава Богу, работает. Я с этим заключением лечу в Москву. В Госплане, Госснабе СССР доказываю, что без моста город будет парализован. Кроме того, прекратится сообщение в сторону Красноярска, Иркутска... И вот — победа! Получен график поставки пролетных строений моста в течение полутора лет с заводов в Улан-Удэ. На строительстве моста создан штаб во главе с председателем горисполкома, организована круглосуточная работа, и через 2 года Кузбасский мост сдан в эксплуатацию. Автомобилисты города облегченно вздохнули, движение городского автотранспорта равномерно распределилось. Параллельно со сдачей моста через Томь строили мост через Искитимку по Советскому проспекту, он дал прямой выход на проспект Октябрьский. Одновременно делаем изыскания и заказываем проект нового моста через Томь на месте старого. Проект был готов в 1985 году. Но, к сожалению, стройка его очень затянулась, и когда он будет сдан — большой вопрос.

В это же время штурмуем сдачу здания филармонии силами треста «Гражданстрой». Сдали в срок с полным благоустройством и хорошим сквером. Построено прекрасное здание, украсившее город архитектурно и духовно.

После сдачи филармонии к нам поехали-полетели со всех концов страны лучшие музыкальные коллективы и «звезды» советской эстрады. Кемеровчане с восторгом встречали артистов, зал всегда был переполнен, билеты раскупали за месяц вперед, люди получали духовное наслаждение...

Филармония есть, а детей рожать негде, родильный дом в Южном поселке был небольшой, в приспособленном здании. Срочно силами Кемеровской ГРЭС строим на территории 3-й горбольницы родильный корпус. Это же Управление под руководством замечательного руководителя И. П. Магарила подарило городу, реконструируя здание старого детсада, городскую больницу № 1 имени М. Н. Горбуновой. Мария Нестеровна работала заведующей облздравотделом и перед уходом на пенсию пришла ко мне на прием, сказала: «У меня есть предложение открыть небольшую городскую больницу на основе устаревшего здания детского сада. Мне нужны деньги и строители. Стройкой, оснащением больницы буду заниматься сама. И после окончания, будучи пенсионеркой, хочу поработать главврачом».

Я решил все организационные вопросы, и за счет бюджета города через 1,5 года больница была готова, в ней и сегодня кемеровчане лечатся и проходят реабилитацию.

А в Ленинском районе открыли детскую многопрофильную больницу с плавательным бассейном. Постро-

или гинекологическую поликлинику, глазной и хирургический корпуса облбольницы, расширили помещения 3-й горбольницы. Больницу в Кедровском поселке, больницу железнодорожников в Ягуновском. В Рудничном районе на деньги Министерства угольной промышленности СССР начали возводить большую больницу кардиологического направления. Город растет, благоустраивается, строятся новые корпуса, расширяются и поднимаются новые учебные заведения. Растет население города. В это время средний прирост составлял 10—11 тысяч человек. Вручаются ключи от двухкомнатной квартиры 500-тысячному родившемуся кемеровчанину.

По Генплану основная жилая часть города развивается в сторону деревни Сухово, вверх по Томи. В год в этом районе сдается 100—120 тысяч кв. метров жилья. Забот много: нужны дороги, бульвары, магазины, надо запускать троллейбусное движение, подавать тепло и т. д.

Решаем эти задачи. Тресту «Промстрой» (управляющий В. В. Михайлов) поручено построить магазины, универсамы № 2... Прекрасный магазин появился в рекордно короткий срок — 1,5 года. Соорудили пиковую котельную, насосные станции под воду, канализацию. И вот готов, как мы его окрестили, «спальный» район, который административно, по территории, пока подчиняется Центральному, а неофициально курирует его Заводский район. Горисполком принимает решение о создании в городе пятого района — Ленинского. С председателем облисполкома Ф. В. Поповым едем в Совмин России к председателю М. С. Соломенцеву и получаем разрешение на создание такого района. Это 1978 год.

Первым председателем Ленинского райисполкома избирается В. А. Капитонов. Ленинский район с прикрепленными к нему промышленными предприятиями (завод «Химволокно», комбинат шелковых тканей, завод химического машиностроения и др.) начал функционировать самостоятельно.

Высокие темпы строительства в эти годы давали возможность много сносить ветхого жилья и переселять людей из санитарной зоны. В отдельные годы переселяли 200—250 семей. Были полностью снесены бараки и очищены районы санзоны от «Азота», «Коксохимзавода», «Карболита» до Кузнецкого проспекта, правая и левая стороны Искитимки от училища связи до Томи. Была проделана огромная работа не только по сносу, но и по перепланировке освобождаемых территорий, в результате чего мы могли приступить к благоустройству в центре города. Было принято решение: вдоль Искитимки сделать Университетский парк, пруд по реке с устройством трех дамб для поднятия воды, построить еще один мост через Искитимку с выходом с левой стороны филармонии на Московский проспект. Но, к большому сожалению, эту работу до конца довести не удалось.

Придавалось большое значение развитию спорта. Был реконструирован стадион «Химик» перед мировым первенством по хоккею с мячом. Хочу рассказать об этом подробно. Стадион с двумя существующими старыми

трибунами уже давно не устраивал болельщиков полу-миллионного города. Явно напрашивалась его реконструкция. Но денег не хватало на это большое дело. Областное руководство обратилось в союзный спорткомитет с предложением провести в Кемерове чемпионат мира по хоккею с мячом (финальные игры на кубок). Согласие было получено, но при условии реконструкции стадиона «Химик» до мирового стандарта. Проведение чемпионата с участием России, Швеции, Финляндии и Норвегии было определено на 1978 год. Началась большая подготовительная работа, за полтора года надо было решить вопросы финансирования и фактически построить три новые трибуны (восточную, южную, северную), установить освещение всей площади стадиона и электротабло. Учитывая, что стадион «Химик» содержался «Азотом», вместе с директором «Азота» В. Г. Коптеловым обратились к министру химической промышленности Костандову и поставили его перед фактом: чемпионат намечен, надо срочно сделать реконструкцию стадиона. Получили согласие на финансирование, создали штаб стройки, определили ответственных — А. Ф. Рыбалкин, Г. С. Веселов, И. И. Мальникас, Б. А. Трунов, Б. Н. Казанцев. Для стройки нужен был железобетон специальной конструкции, его ранее в Кемерове не изготавливали. Организовали работу в две смены. И город с задачей справился — за 1,5 года построили стадион на 20 тысяч мест.

Реконструировали также стадионы в Рудничном и Кировском районах. Построили стадион в Кедровском поселке. В Ленинском районе — крытый спортивный манеж. Санная трасса в районе села Тебеньки, трасса биатлона в Рудничном районе, спорткомплекс на Октябрьском...

По Генеральному плану развития города между Центральным и Ленинским районами было намечено создать новый культурно-оздоровительный центр. В начале 80-х начали его строительство. В этот центр входили интересные объекты, которые своей монументальностью и индивидуальностью проектов должны были украсить город, открыть горожанам новые возможности. Это прежде всего спорткомплекс, построена его первая очередь, а вторая — открытый стадион со спортплощадками, который чашей должен был спускаться в сторону Томи — пока несбыточная мечта. Финансирование этого крупного сооружения было получено в правительстве с большим трудом и только благодаря председателю облисполкома Ф. В. Попову и секретарю обкома КПСС Л. А. Горшкову. Через дорогу от спорткомплекса начали строить лучший в Западной Сибири Дом быта, с большим залом регистрации браков и проведения свадеб. За финансирование этого здания отвечал начальник областного управления быта Я. М. Панчишин. За финансирование 17-этажной гостиницы «Интурист» отвечал председатель облсовпрофа Б. И. Окушко. Три высоких точечных здания предназначались для институтов «Кемеровогражданпроект» и «Сельхозпроект». От этих зданий к кинотеатру «Юбилейный» и Комсомольскому

парку был проложен подземный переход через проспект Ленина (он сейчас законсервирован). К сожалению, некоторые из этих зданий после 1985 года были законсервированы, а другая часть приспособлена под иные учреждения (диагностический центр, налоговая служба, сбербанк). Обидно, что этому плану создания такого красивого места в центре города с интересными и нужными зданиями, красивым парком не суждено было осуществиться. На этом месте сейчас расположена «барахолка».

БЛАГОУСТРОЙСТВОМ ЗАНИМАЛИСЬ ВСЕ

70—80-е годы... Очень большое внимание уделялось благоустройству города.

В 1976 году было создано при горисполкоме специальное управление по благоустройству, ему подчинили Управление «Зеленстрой», ремонтно-дорожное, участок по обработке гранита и мрамора, дорожно-эксплуатационные управления, которые были созданы во всех пяти районах... Весь город был разделен между промышленными предприятиями и строительными организациями. В благоустройстве участвовали все. Понедельник был объявлен санитарным днем города. Районы соревновались, подводились итоги, выдавались премии. Были выполнены колоссальные объемы работ по строительству набережной Томи в граните и чугуне, скверов у «орбиты», филармонии, на набережной Искитимки («Антошка»), благоустроены бульвары Строителей, Пионерский, реконструирован Комсомольский парк имени Веры Волошиной (с установкой металлической кованой ограды), реконструирована площадь Советов.

Реконструировали дорогу и лесонасаждения Советского проспекта, полностью построен Октябрьский проспект, расширили часть проспекта Ленина, улицу Кирова сделали с двухсторонним движением, создали площадь Кирова и построили новую дорогу вдоль трамвайных путей... Кстати, памятник С. М. Кирову установили на площади незапланированно. Этот памятник был изготовлен для Кировского района, чтобы поставить его на границе Кировского и Рудничного районов. Руководители Кировского района не смогли произвести вовремя снос нескольких домов для образования необходимой площади. В это время была закончена реконструкция улицы Кирова, и памятник был установлен там.

Расширили дорогу от старого коммунального моста в Рудничный район, там в логовой части бежал ручей, поэтому дорога была узкой, отсюда и постоянные автомобильные «пробки». Ручей пустили в железобетонную трубу и дорогу значительно расширили. Реконструировали улицу Николая Островского, под нею проложили железобетонный коридор для всех подземных коммуни-

каций. Это очень дорого, да отказали вода «КЭМ» консервиро-

Так как соцкультобла, воды, э. маться обн. ником «Куз. утвержд. мероприят. энергоноси. этих мероп. расширена. типовая ко. вана Новок. ции. Постр. же стройка.

Большо. плане ССС. электроста. мы увелич. тельно улу.

Большо. дой. Расши. жили второ. в очистные. не устраи. водопрово. водопрово. В Ленинско. отличную б.

Можно. объектов, развивалс. лексе. Мы. евали пере. России. Это. кемеровча. на котором. поручению. знамя и де.

В 1975. кой Герман. района пре. полнен пер. Построены. лого сосня. Начато стр. рез Томь п. начиналас.

каций. Это был первый шаг совмещенного канала, но очень дорогой. В дальнейшем пришлось от такого метода отказаться. Построили подземный переход около завода «КЭМЗ» через Кузнецкий проспект (сейчас он законсервирован).

Так как в городе строили высокими темпами жилье, соцкультобъекты, требовалось дополнительно много тепла, воды, электроэнергии. Надо было параллельно заниматься объектами коммунального хозяйства. С начальником «Кузбассэнерго» Г. М. Полонянкиным на основании утвержденного Генплана развития города были намечены мероприятия по опережающему строительству объектов энергоносителей и магистралей города на 10 лет. Венец этих мероприятий — Петровская ТЭЦ. За 10 лет была расширена на два котла Кемеровская ГРЭС, построена типовая котельная в Ленинском районе, реконструирована Новокемеровская и Кировская теплоэлектростанции. Построена котельная в Рудничном районе, но позже стройка была законсервирована.

Большой победой для города было получение в Госплане СССР разрешения перевести все энергоблоки электростанции и бытовые печи на природный газ. Этим мы увеличили съем тепла с котлов, но главное — значительно улучшили экологию города.

Большие работы провели по снабжению города водой. Расширили водозабор на Металлплощадке, проложили второй водопровод для города, но вода подавалась в очистные непосредственно из Томи. Это нас, конечно, не устраивало. Поэтому создали проект Пугачевского водопровода из глубинных скважин. Проложили нитку водопровода из Центрального района в Рудничный. В Ленинском районе на радость парильщикам построили отличную баню. К этой стройке я еще вернусь.

Можно было продолжить перечень построенных объектов, но и так видно, что 70—80-е годы город жил, развивался, строился по всем направлениям — в комплексе. Мы впервые за историю города в 1982 году завоевали первое место по благоустройству среди городов России. Это была большая победа совместного труда всех кемеровчан. В здании цирка был созван городской актив, на котором председатель облисполкома Ф. В. Попов по поручению Российского правительства вручил городу знамя и денежную премию Российской Федерации.

В 1975 году в честь 30-летия Победы над фашистской Германией было принято решение бор Рудничного района превратить в городской парк «Победа». Был выполнен первоначальный проект и начато строительство. Построены две входные в бор лестницы, срублен из круглого сосняка в горсаду пивной бар «Деревенская изба». Начато строительство подвесной канатной дороги через Томь протяженностью 1300 метров. Канатная дорога начиналась в горсаду и на высоте 87 метров над рекой

переходила на правый берег Томи, заканчивалась на самой высокой точке соснового бора. Эта канатная дорога — сама по себе интересное инженерное сооружение — должна была стать главным транспортным средством в парке и, конечно, достопримечательностью города. Построенная на 65—70% дорога, к сожалению, с 1986 года законсервирована, как и строительство всего парка. Я несколько раз обращался к уважаемому главе города В. В. Михайлову, чтобы продолжить строительство дороги, но получал вежливый отказ по причине отсутствия денег. Конечно, это веская сегодня причина, в городе много других, более важных нерешенных проблем. Но в 2001 году я все-таки убедил Владимира Васильевича попробовать организовать это строительство, и он дал «добро», но при одном условии: чтоб строительство возглавил инициатор этого вопроса пенсионер Г. С. Веселов, и, возможно, с помощью таких же энтузиастов города, директоров предприятий, мы осилим эту проблему. Я согласие такое дал, и сейчас с помощью генерального директора «Азота» И. Я. Хайцина институт «Кузбассгипрошахт» восстанавливает утерянный проект канатной дороги. При благоприятных условиях стройку в 2001 году должны возобновить.

В 70—80-е годы по всей стране развивался большими темпами авиатранспорт. Аэропорт Кемерова ежедневно отправлял десятки рейсов во все концы страны и области. Особенно создавалось напряжение с билетами в период отпусков летне-осеннего сезона. Все стремились в одиночку и семьями улететь к морю, чтоб получить заряд бодрости и здоровья от целебной морской воды и южного солнца или слетать в восточные республики поесть вдоволь сладких фруктов и ароматного шашлыка. В принципе это было доступно для любой семьи, т. к. стоимость билета в самые отдаленные точки страны не превышала 70—80 рублей. С таким «пиковым» потоком пассажиров аэропорт уже не справлялся, так как здание аэровокзала и взлетная полоса уже не отвечали современным техническим требованиям авиатранспорта и пассажирского потока. Нужно было срочно реконструировать аэропорт и взлетную полосу. На уровне облисполкома, обкома партии и города было принято решение начать реконструкцию. Поручили выполнять эту задачу двум трестам: здание аэровокзала — тресту «Кемеровогражданстрой», взлетная полоса — «Строймеханизации». На эту работу ушло около трех лет. Из-за отвлечения нужных строителей на аэропорт город потерял десятки километров асфальтных дорог и несколько объектов социального назначения, но зато получил современный аэропорт, который по техническому уровню оснащения мог принимать любые самолеты Аэрофлота СССР.

Построили новые хорошие «ворота» областного и городского значения. Кемеровчане могли свободно выле-

тать на любой курорт страны. Городу, с одной стороны, повезло, что Кемерово — столица Кузбасса, с другой — надо честно признаться, было иногда тяжело работать городскому руководству под областным. Мы были всегда «на глазах», под критикой и «под рукой»... В этом мы завидовали новокузнецанам, так как областное руководство у них всегда в гостях. А мы, «придворный» горисполком и горком, были немного «под каблуком».

Расскажу об одном эпизоде.

В 1983 году руководство области, видимо, с согласия правительства, приняло решение провести в Кемерове промышленную выставку с привлечением краев, областей Западной Сибири. Для проведения выставки необходимо иметь большие закрытые площади. Приглашает меня первый секретарь обкома Л. А. Горшков и спрашивает, где будем размещать выставку. Я подумал и внес предложение. Мы только что закончили строительство спортивного манежа в Ленинском районе. Это было, по моим меркам, прекрасное помещение, где можно провести выставку. Горшков говорит: «Поехали. Посмотрим». Пригласил на осмотр и председателя облисполкома Ф. В. Попова. Помещение им очень понравилось, но Филипп Васильевич говорит: «Маловато площади для такой выставки». Что делать? Предлагаю провести в здании цирка. Тоже не подходит. Горшков вносит свое предложение за один год построить выставочный зал. Я стал возражать: «Денег нет, строители все заняты на пусковых объектах и т. п.». Мои доводы не принимаются, получаю задание: в месячный срок подобрать площадку и типовой проект здания. Работаем с институтом «Кемеровогражданпроект», главным архитектором В. Д. Полтавцевым и находим площадку за плавательным бассейном, в пойме Искитимки. Предложение рассмотрели на высоком уровне, одобрили и дали команду через месяц начать строительство. Проходит месяц, проект свайного поля готов, но решения на финансирование нет. Строители треста «Строймеханизация» без открытия титула и включения в план работу не начинают... Звонит телефон-вертушка, слышу голос Горшкова: «Почему не бьешь сваи?» Отвечаю: «Надо решить финансирование, деньги большие, в городе свободных источников нет». Слышу: «Начинай под мое честное слово». Люди верили, и через месяц сваи были забиты, но финансирование так и не решено. Стройку прекращаем, постепенно накал спадает, выставку пришлось проводить по первому варианту, а забитые сваи простояли до 1995 года, впоследствии часть их использовали под фундамент здания Пенсионного фонда. Это единственный случай на моей памяти, когда принятое решение не было осуществлено. Надо признаться, что в этом была и моя вина, так как в это время мы начинали строить более важные для города объекты: Дом быта, спорткомплекс, баню и т. д. Но, с другой

стороны, этот случай характерен для того времени: и областные руководители, беря на себя ответственность, стремились сделать как можно больше как для Кемерова, так и для других городов. Появление новых красивых зданий, таких как филармония, стадион, дворец спорта и др., повышало значение нашей области, повышался уровень познаний, культуры кузбассовцев.

Как-то после одного спектакля Большого театра в здании оперетты Горшков спросил артистов: «Почему вы показывали только отрывки из спектаклей, а не полную оперу?» Был дан ответ, что для оперы сцена и оркестровая яма кемеровского театра малы. Встал вопрос: реконструировать здание театра или построить новое? После долгих споров и рассуждений, когда было доказано, что оперный театр финансово оправдывает себя только в городах с населением, превышающим миллион, страсти по строительству нового здания улеглись, но приняли решение реконструировать под оперу здание кинотеатра «Юбилейный». Я не был сторонником этой идеи, и с помощью Управления кинофикации России был получен запрет на эту реконструкцию. И только после этого решили реконструировать сцену театра оперетты. Была расширена только яма для музыкантов и сделан общий ремонт театра.

Хорошо, когда есть в городе театры, но торговля нужна каждый день и всем. Поэтому развитию торговой сети города мы придавали особое значение. Магазины... Это самое посещаемое место, где проходят за день сотни людей. Поэтому в Кемерове тогда строились большие магазины с хорошим интерьером. Так как магазины в основном располагались на первых этажах жилых домов или в пристроенных к ним помещениях, чтобы магазины сдавались параллельно со строительством жилого дома, первой заповедью горисполкома было не вводить в эксплуатацию жилой дом без приема первого этажа. Были, правда, отдельные исключения (с задержкой в 2—3 месяца), но это для больших магазинов с улучшенной отделкой. Среди городских, районных торгов, а их в городе было восемь, установили соревнования на лучший магазин, кафе, столовую. В результате этого в городе появились такие магазины, как «Золотая осень», «Ярославна», «Невеста», «Кристалл», «Галактика», «Универсам № 2», «Олимпиец», кафе «Шалго» и многие другие. Гордостью города стал ресторан «Солнечный», где в банкетном зале часто справлялись юбилеи, свадьбы и т. п. В «Золотую осень» заходили посмотреть на прекрасную организацию торговли и богатый ассортимент даже секретари ЦК КПСС. Магазины надо было наполнять продуктами, товарами. В эти годы были определенные трудности с дефицитными товарами, на них был лимит. Хорошо представлялись продукты питания, производящиеся в области и городе. Это хлебобулочные и кондитерские изде-

лия, молоко, продукция птицефабрик, мясокомбината, овощи и т. п. Кемеровчане, конечно, помнят, что круглый год в овощных магазинах был полный набор овощей, яблок и т. п. Зимой соленые-моченые арбузы, капуста «Провансаль» и многое другое. Это достижение директора «Горплодоовощторга» П. Е. Мажуги, заслуженного работника торговли РСФСР, замечательного специалиста энтузиаста своего дела, человека с большим опытом. Он умудрялся не только заготовить впрок нужную продукцию, но главное — сохранить ее. Мне приходилось часто бывать на его базах и видеть, какой там был порядок и спрос с работников. Не дай Бог, в лукохранилище или камерах с фруктами температура окажется не +2°, при которой они должны храниться, а +3—4°. Устраивался страшный скандал. После второго такого нарушения этот человек там больше не работал. Благодаря П. Е. Мажуге в мае кемеровчане уже могли купить свежие капусту, редис, огурцы из Узбекистана, Киргизии.

Этот человек прославил Кемерово по овощной торговле. Его торг трижды завоевывал первые места среди городов России.

Все эти успехи не пришли сами по себе. Для того чтобы было чем торговать и сохранять продукцию в суровые сибирские зимы, нужны были хорошие базы, хранилища с регулируемой температурой, холодильники. И мы эти базы построили во всех районах города, во всех без исключения торгах и предприятиях общественного питания. Гордостью города стала седьмая овощная база, где только одно хранилище с морозильными камерами могло принимать и хранить около 10 тысяч тонн продукции (сейчас эта база отдана под оптовую торговлю). По заготовке сибирских овощей в зиму работал весь город, у каждого района, предприятия были подшефные совхозы, и согласно заданию продукция обязательно завозилась на городские и районные базы. Эта работа была настолько отлажена годами, что, если благоприятствовала погода, мы начинали копку картофеля 10 сентября и за 20 дней, к 1 октября, закладка была уже закончена. Чуть позже шла заготовка свеклы, моркови, капусты.

Наш город соревновался с Новокузнецком, и руководители его частенько ревностно высказывали областному начальству, что, мол, Кемерово лучше снабжается продуктами, чем Новокузнецк. Я как-то пригласил председателя Новокузнецкого исполкома В. Н. Сидько и показал ему торговые базы города, куда могли принимать продукцию железнодорожными эшелонами. Посмотрев на наше городское хозяйство торговли, он убедился, что у нас в Кемерове возможности по приему и хранению продукции вдвое больше, чем в Новокузнецке. Вопрос был снят. Решило этот вопрос не областное начальство, а горисполком.

61

Строительство хороших магазинов и торговых точек требовало денег. Где их брать? В советское время согласно нормативам полагалось 5% от стоимости дома расходовать на торговые точки. При нашем строительном размахе, да еще и с улучшенной отделкой, пяти процентов явно не хватало. Когда принимал дела по городу у своего предшественника, бывшего председателя горисполкома В. А. Залесова, а мы с ним и раньше часто встречались и беседовали о нуждах города, т. к. я был много лет депутатом городского совета, он мне сказал: «Запомни, денег на социальное развитие города не хватает, а особенно тех 5%, что мы имеем возможность получить в Стройбанке на торговые помещения от объема жилищного строительства. И второе — не попадай в зависимость к магнатам промышленных предприятий, своими постановочными вопросами они будут щекотать твои нервы и достоинство». Я внимательно выслушал, но совет этот не принял. Директора предприятий помогали нам строить город, без них горисполком бессилён решать бесконечную лавину задач повседневной жизни города, тем более его перспективу, и отношения со всеми руководителями без исключения у меня сложились самые теплые, и еще раз хотел сказать всем огромное спасибо за поддержку горисполкома. А по 5% мы пошли своим путем и добились успеха. Пришлось делать расчеты, обоснования того, что в Кемерове необходимо на это строительство 8—10%. Поехали в Госстрой, Стройбанк СССР и при поддержке управляющего областным стройбанком Н. Н. Журавлева этот вопрос был решен в пользу города. И мы стали применять улучшенную отделку магазинов.

Благодаря этим и другим решениям, а также строителям города и таким начальникам торгов, как П. Е. Мажуга, И. И. Хмелев, Е. И. Чиканов, Е. И. Коробейников, В. Н. Паутов, В. Н. Агафонов, М. С. Беляева, торговля и общественное питание в городе были на высоте. Много служит кемеровчанам и поныне.

Даже из неполного приведенного мной перечня видно, что в городе строилось много дорогостоящих объектов, жилья, соцкультбыта. Исполком находил деньги и на благоустройство. Что это? Чудо или манна с небес?

Нужно честно признать, что в деньгах, или, как сейчас говорят, инвестициях, больших проблем мы не испытывали. Деньги мы доставать умели. Нашей главной задачей повседневно было решать, какими силами и материальными ресурсами вложить их в город. Инвестиции мы научились получать прежде всего через союзные отраслевые министерства, используя предприятия, расположенные в городе, перспективу их развития. Играли роль и личные контакты.

Вопросы финансирования строительства больших дорогих объектов, таких, как спортивный комплекс, филар-

мания, мост, 17-этажная гостиница, баня, корпуса облбольшниц № 1 и др., мы решали непосредственно с республиканским и союзным правительствами.

Но доказывать все эти вопросы в Москве было совсем не просто. Горисполком подсчитал, сколько из вложенных инвестиций в год город вкладывал в развитие промышленности и социальную сферу. Оказалось, что в 1974—75 гг. это соотношение было 75—80% — в промышленность и 20—25% — в социальную сферу. В связи с этим инфраструктура капитальных вложений была очень нарушена. Для нормального развития города, как мы подсчитали с институтами согласно нормативам, а также предыдущим отставаниям в социальной сфере, необходимо вкладывать в промышленность до 60%, а в социальную сферу — не менее 40%.

Когда мы это доказали руководителям предприятий, министерствам, Российскому правительству и добились своих требований, город стал получать необходимое финансирование.

Решали нужные вопросы для города не только в Москве, но и во время приезда в область высоких гостей.

В 1980 году приехал в Кемерово министр коммунального хозяйства РСФСР С. К. Бутусов. К его приезду я подготовил в письменном виде несколько просьб по выделению техники для коммунального хозяйства и обоснование строительства в Кемерове бани. Учитывая, что наш город в государственном жилье полностью обеспечен горячей водой, городские бани в это время строились по особому лимиту. На совещании этот вопрос решен не был. Бутусов мне ответил: «Вот закончат в Новокузнецке через два—три года строить такую баню, после этого наступит ваша очередь». После осмотра города мы поехали показать (и там же поужинать) профилакторий «Сосновый бор», построенный для работников коммунального хозяйства. Профилакторий министру очень понравился, и когда после бани, где я хорошо попарил министра вениками, сели за стол, я спросил Бутусова, понравилась ли банька, он, улыбаясь, ответил: «Очень!» — «А я бы хотел, чтобы так же хорошо было всем кемеровским парильщикам...» — и протянул ему деловое письмо. Он засмеялся и подписал разрешение. Таким образом появилась баня на Октябрьском проспекте, которая до сих пор приносит людям удовлетворение и здоровье.

То же самое происходило и в бане на турбазе «Глухая» Черниговского разреза, где я после парения министра угольной промышленности СССР Б. Ф. Братченко получил согласие построить за счет угольной промышленности нынешний кардиоцентр в Рудничном районе. Нет ничего зазорного в том, что некоторые проблемы решались таким неофициальным, мягко говоря, способом. Но решались на благо горожан.

Однако, конечно, не всегда личные контакты и бани помогали решать городские проблемы. Это всего лишь запомнившиеся эпизоды жизни.

Большой рост строительства и благоустройства в этот период город получил не только от решения вопросов финансирования, но и благодаря сплоченности и любви к нему, прежде всего, директоров промышленных предприятий, через них горисполком решал многие вопросы. Директор «Азота», флагмана большой химии Кузбасса, В. Г. Коптелов — незаурядный человек, всегда с веселой улыбкой и тонким юмором. С ним приятно было решать любые дела. Когда перед ним ставили вопросы, он отвечал: «Ну как не помочь любимому городу!» Но для этого надо было «обмануть» родное советское государство, т. к. финансирование очередного объекта надо было провести за счет сметы строительства предприятия. В. Н. Баранов, директор шахты «Северная», сам проявил инициативу, не захотел отставать от других руководителей предприятий города. В. Т. Болтовец всегда прибеднялся, но все-таки вопросы решал, В. П. Романов, начальник комбината «Кузбассуголь», — приятный, понимающий человек, но он был очень осторожный, всегда говорил: «А ты обратись в письменной форме, чтоб можно было прикрыться». Я мог бы дать по данному вопросу практически всем директорам предприятий города положительную характеристику, люди с большой заинтересованностью относились к нуждам города, горисполкома. Особенно хочется сказать огромное спасибо всем руководителям строительных подразделений «Главкузбасстроя». Мы работали большой единой семьей и делали все, что могли, радуясь вместе нашим достижениям и победам.

Особенно хочется отметить и вспомнить добрым словом таких талантливых, грамотных инженеров-строителей, любящих свой город, как: А. В. Асташов, А. Ф. Рыбалкин, И. А. Решетников, Л. А. Целищев, Б. А. Трунов, А. И. Гарькавый, И. И. Мальникас, М. Н. Пивоваров, Г. С. Черных.

В красоту и облик нашего города вложено немало их личного труда, и кемеровчане должны знать и помнить своих патриотов.

Была заведена такая практика — рассматривать строительный план и благоустройство города на следующий год и подводить итоги предыдущего в присутствии фактически всех руководителей предприятий города, Стройбанка и т. д. После рассмотрения едем за город на какую-нибудь турбазу и отмечаем утвержденный план. После таких утверждений было легко работать, так как каждый понимал, что он взял на себя определенные обязательства и должен выполнить их любым путем. Ведь на следующий год надо было докладывать о выполнении поручений перед своими товарищами по работе. Объекты благоустройства в основном финансировались за счет городского бюджета, но некоторые крупные объекты горисполком поручал финансировать предприятиям.

Крупным, которые имели финансовую возможность или могли решить вопрос в своем министерстве. Так, бульвар Строителей в Ленинском районе финансировал «Азот», Пионерский бульвар — комбинат «Кузбассразрезуголь», реконструкцию площади Советов — «Кузбассуголь».

Как-то мне позвонил директор шахты «Северная» В. Н. Баранов и говорит: «Почему Вы из поселков города («Северная», «Ягуновская», «Промышленка», «Бутовка») не приглашаете нас на такое планирование, мы на вас в обиде».

Этот недочет был исправлен, после чего в течение двух—трех лет с помощью директоров шахт были заасфальтированы все дороги в этих поселках и проведены новые водоводы.

Особенно хочется отметить бурное строительство поселка Кедровский, где в то время был директором разреза А. К. Барредо (испанец, который попал ребенком в Советский Союз во время испанской революции, закончил в Москве горный институт и был направлен на работу в Кузбасс). Этот энергичный человек хорошо справлялся не только с добычей угля, но занимался и строительством поселка. До избрания меня председателем горисполкома мне пришлось как заместителю начальника комбината «Кузбассразрезуголь» по капитальному строительству проводить реконструкцию этого разреза и застраивать поселок. Поэтому естественно, как бы по инерции, независимо от большой загруженности в городе, я помогал директору разреза решать все сложные вопросы строительства. В поселке с помощью домостроительного комбината и треста «Гражданстрой» с согласия горисполкома велось строительство многоэтажного сборного жилья, был построен прекрасный Дом культуры, стадион, лучшая по тем временам в городе школа, больница, кафе-ресторан, очистные сооружения, водовод с реки Барзас и много других объектов. Впоследствии Барредо заменил другой прекрасный директор — А. Г. Приставка, который с любовью не только продолжил, но и преумножил добрые начинания в поселке, превратив его в поселок городского типа, прославив дополнительно греческой деревней, состоящей из 310 коттеджей, прекрасного спортивного комплекса, магазинов, ресторана и т. д.

Кедровский поселок можно смело назвать лучшим в России по своему благоустройству и развитой социальной сфере. Это — гордость города Кемерова и Кузбасса.

Как-то после очередного аппаратного совещания заходят ко мне в кабинет начальник Управления внутренних дел В. Ф. Мухаров со своим замом В. К. Жмурко и вносят такое предложение: «Разрешите нам построить хозяйственным способом кирпичный жилой дом для сотрудников и в Ленинском районе «накопитель» для временно задержанных нарушителей. Я им отвечаю: «За-

дача милиции поддерживать порядок в городе, а не строительством заниматься. О жилье ваших сотрудников позаботится горисполком». Милицеейское руководство настаивает: «Мы не хуже других руководителей, с вашей помощью эти объекты за 1,5—2 года построим». Пришлось уступить, оказать необходимую помощь финансами из бюджета города. И действительно, дом в Южном поселке и «накопитель» в Ленинском районе были построены в указанный срок.

С таким же вопросом пришел ко мне и начальник ГАИ А. Ф. Шавин: «Учреждения ГАИ разбросаны по всему городу, надо построить одно хорошее здание и собрать в него все службы. Дайте мне определенный «мандат», и я с помощью директоров автобаз хозспособом построю такое здание». Такой «мандат» был дан, и через 2 года на Октябрьском проспекте появилось прекрасное здание городской ГАИ.

На деньги городского бюджета мы купили специальное телеоборудование «Город М», с помощью которого оператор мог из здания ГАИ управлять всеми светофорами — от аэропорта через проспект Ленина до площади Советов. Эта система очень помогла автомобильному движению в «пиковые» часы, предупреждала «пробки», когда в город приезжало «высокое» начальство и надо было, по протоколу, их машины сопровождать работникам ГАИ.

Особенно хочется отметить работу начальника Кемеровской телефонной станции А. А. Сапунара. Это очень грамотный, исполнительный человек, преданный своему делу. Он внес очень большой вклад в развитие кемеровской телефонной станции и продолжает свою работу. По телефонизации города, как и по другим направлениям, были составлены мероприятия по резкому увеличению числа телефонных абонентов. Забегая вперед, можно сказать, что только с 1975 по 1985 годы включительно в городе были построены и реконструированы восемь АТС. Число номеров возросло с 29970 до 68721, более чем в 2 раза, и была построена самая крупная в городе станция АТС-25 на 10 тысяч номеров, которая вступила в строй в 1987 году. За эти годы телефонными станциями и номерами были охвачены все районы города, телефонная плотность составляет 16 телефонов на 100 жителей. Хочется напомнить ветеранам и молодому поколению: в 1912 году в селе Щеглово появилась первая почта и телеграф; в 1928 году в городе Щегловске поставлена первая телефонная станция на 100 номеров системы МБ в маленьком деревянном здании вместе с почтой; 22 марта 1932 г. город Щегловск переименовывают в г. Кемерово и только в 1948 г. смонтирована первая АТС на 200 номеров.

Сейчас емкость телефонных станций составляет 160000 номеров. Практически 100% абонентов имеют

возможность автоматического выхода на междугороднюю сеть.

Прошло 70 лет, побелела моя голова. Стою и смотрю с этой же самой Красной горки, где мы в детстве играли в лапту и гоняли футбол, на прекрасный город, раскинувшийся на берегах Томи. В воспоминаниях детства паромная переправа, те же покосившиеся деревянные домики и единственная труба коксохимического завода с бегущими к нему вагонетками с углем. От той картины осталась лишь одна наклонившаяся металлическая опора, торчащая из воды. На Красной горке все так же стоят вековые сосны, время их практически не тронуло, но рядом с ними деревянные домики, построенные еще иностранными специалистами, выросли в землю, как будто ушли на вечный покой. Да, так было, а сейчас перед моим взором стоят десятки труб и сотни гектаров застроенных площадей. «Коксохим» неузнаваем, расправил свои плечи аж на шесть коксовых батарей.

Гигант промышленности работает не только на металлургов Кузбасса, но отправляет кокс и на экспорт. За ним стоят корпуса «Химпрома», «Карболита», «КЭМ-За» (Кемеровского электромоторного завода, когда-то отправлявшего свою продукцию в десятки стран мира), гигант отечественной химии «Азот», огромные цеха Домостроительного комбината и строительной индустрии треста «Железобетонстрой» и красавица ТЭЦ — электростанция, дающая свет и тепло кемеровчанам. Все это радует глаз, сколько ж понастроили, создан действительно огромный индустриальный центр. Все это создано самоотверженным трудом рабочих рук и инженерной мыслью, благодаря тому, что мы жили в богатом социалистическом государстве, которое заботилось о своем народе и укрепляло свою мощь, став великой державой мира. Смотрю на эту созданную машину, а под ложечкой сосет, ведь сегодня эти предприятия работают, в лучшем случае, наполовину. Их продукция стала не потребной умирающей стране, люди с золотыми руками, создававшие этот потенциал, выброшены за ворота с минимальной пенсией или вообще без средств к существованию. И теперь они с тысячами других делят сферу влияния на помойках, ища отходы для пропитания. В 70—80-е годы я ни разу не видел человека, копающегося в отходах, а если такие появлялись случайно, то их быстро определяли в дома престарелых или инвалидов. Как же так, 10—15 лет назад рабочих рук не хватало на основных производствах, учили молодых, строили для них семейные общежития, квартиры. Люди стремились получить специальность, закрепиться на предприятии, создавались семейные династии. Были передовики производства, развивались социалистические соревнования, победители награждались правительственными наградами, нуж-

дающиеся получали вне очереди бесплатно квартиру. Люди стремились жить, у каждого была какая-то перспектива. А сейчас невостремленная молодежь разгуливает по улицам с бутылкой пива в руках, сквернословит, ворует, колется и никому до них нет дела. Пусть гибнут, они государству не нужны! С такими тяжелыми мыслями я полюбовался на правую, промышленную сторону города, Заводский район, и перевел взор на его жилую, культурную и социальную часть. Но город так разросся, что видна была только его центральная часть. Чтобы охватить взором весь город, мне пришлось подняться на так называемую Лысую гору, на которой стоит опора под высоким напряжением. С этой точки прекрасно видно все три района, и кто хочет полюбоваться своим городом, советую подняться именно на нее. Да, понастроили много, не зря прожита жизнь! Из какого-то захолустного Щегловска за 70 лет создан красавец-город с 560 тысячами населения. И создавали его именно те люди, кото-

64

рые сегодня в нем живут. Как можно этим не гордиться! Я невольно посмотрел на затянувшуюся стройку нового коммунального моста и вспомнил давно забытые землянки, расположенные в теперь уже засыпанном Щетинкином логу, и тех людей, которые жили там. Мне почему-то кажется, что им жилось в этих землянках намного лучше, чем большинству из нас сегодня в благоустроенных квартирах. Те люди жили в землянках, но с большой верой в то, что они защищены государством. У них была твердая надежда и уверенность получить квартиру, и они ее через 3—5 лет получают. У них была работа, дети учились, медицинское обслуживание бесплатное, никто никого на улицах и в подъездах не убивал, страха за старость не было. Любый пенсионер мог в течение года только на свою пенсию слетать в Москву, навестить внуков или сходить в театры. Все эти люди знали, что они нужны государству и оно их не оставит в беде. Народ жил весело, дружно, строили, творили, побеждали. Была гордость за себя, за государство. К большому сожалению, сегодня наше союзное государство растащило, у нас нет надежного правительства, Россию разворывают и растаскивают, и готовят из нас, не скрывая, сырьевой придаток, а проще — колонию с наемными рабочими. Это надо срочно остановить!

Заканчивая свои воспоминания, хочется сказать: «Я горжусь тем, что мне пришлось жить в такое время. Мы хлебнули много тяжелого, пережили войну, но победили и построили прекрасное социалистическое общество. Наглядным примером этому наш любимый город, которому отдана вся моя жизнь».

г. Кемерово

XXXXXXXXXX

XXXXXXXXXX

Ирина М.

Скоро

Я к те

Гром г

И лиц

Разгул

В стек

И дома

Только

Эта ст

Словно

Ты сей

Я грозу

Благосло

Познать

Чтоб каз

И кажды

Чтоб ден

Чтоб соз

И чтобы

Как плот

Ирина МАЛКОВА

* * *

*Скоро полночь. Гроза осветила твой дом,
Я к тебе подобралась поближе.
Гром гремит. Я слова твои слышу с трудом
И лицо почему-то не вижу.*

*Разгулялась стихия и адреналин,
В стекла бьют оголтелые капли,
И домашний огонь согревает камин,
Только ты не со мною. Не так ли?*

*Эта старая песня известна давно,
Словно светский намек на беседу.
Ты сейчас не со мною, а мне все равно.
Я грозу пережду. И уеду.*

* * *

*Благослови, о ангел мой — хранитель,
Познать святую сущность бытия.
Чтоб каждый человек мне стал — учитель,
И каждый мотылек мне стал судья.*

*Чтоб день мой стал осмысленным и светлым,
Чтоб согласились разум и душа,
И чтобы стало издали заметно,
Как плоть моя чертовски хороша!*

* * *

*Что деве проку от стиха,
Когда поэт уже не молод.
К тому же яблоко греха
Отнюдь не утоляет голод.*

г. Новокузнецк

Виктория МОЖНАЯ

* * *

*Любовь прощенья не просит,
Что стало с ней не по пути,
Часы давно пробили осень,
И за окном идут дожди.*

*Деревья обнажили плечи,
Срывает маски желтый бал.
Кто говорит, что время лечит,
Тот никогда любви не знал.*

*Любовь схоронится за гранью
Недосяганья жадных рук,
Оставив горечь расставаний
И непонятливость разлук.*

*Она осколки душ уносит
За горизонт, за облака,
Мой календарь твердит, что осень,
А на душе уже снега.*

1998 г.

ВИНЕГРЕТ

*Их называли дружной парой,
Им с завистью глазели вслед,
Он обожал свою гитару,
Она любила виноградет.*

*Он рифмовал любовь и кровь
В своем затянутом сонете,
Она же — кушала морковь
Согласно овощной диете.*

*Искал он яблонева сада
В зыбучих будничных песках,*

Она следила, чтоб помада
Совпала с лаком на ногтях.

Он не создал себе кумира,
Не мерил квадратуру стен,
Читал он Данте и Шекспира,
Она же — «Космополитен».

Любовь на грани суеты
Творенья прозы и поэта,
Она могла и без мечты,
А он не мог... без винегрета.

1998 г., г. Новокузнецк

Ольга КОМАРОВА

* * *

Г. Б. Вершининой

Собеседник или друг —
все равно, ведь ты невидим —
мы друг друга не обидим
не-пожатием не-рук...

Ты пришел ко мне из снов,
но твой взор так трезв и ясен,
и понятен, и прекрасен
не-язык твоих не-слов...

Но ты сам назначишь час,
час, когда из комнат душевных
двое выпорхнут не-нужных
и не-тенью и не-нас...

г. Новокузнецк

Елена РОГУЗИНА

ФОТОГРАФИЯ

В волшебных снах, в твоих кудрях
Мои мечтанья утопали.
Ни нежных рук, ни слез в глазах —
Мы ничего с тобой не знали.

Все было как-то налегке.
Прошло. Не тронуло. Забылось.

В попутном быстром ветерке
Все унеслось, исчезло, скрылось.

Ничьей в том не было вины.
Ничьей. Но больно все же было.
И от тоски и тишины
Тебя я в этом обвинила.

Прости. Ты не был подлецом.
И вот нагрянула расплата:
Смотреть на милое лицо,
Когда-то нужное. Когда-то...

* * *

Тихий звук тихой поступи
По дорожной пыли.
Тропы мерили верстами,
А дойти — не смогли.

И горами, и реками...
После стольких-то лет
Под усталыми веками
Ничего больше нет.

Ослабели и сгнули
В безвозвратном пути.
Много пыли за спинами,
Ничего — впереди.

Человечьему племени
Суждено вечно вить
Эту ленточку времени, —
Ариадину нить.

г. Новокузнецк

Нина ГЕРАСИМЕНКО

СОННАЯ ПЕСНЯ

Алексею Бабенко

Ди-лин, ди-лин, ди-лин, ди-лин.
За окошком гукнул филин.
Гукнул, ухнул — и пропал.
И над чем он хохотал?

Дилин, дилин, дилин, дилин.
В полночь звезды приходили.
Пошептались, побродили,
Воду в кадке остудили...
И зачем меня будили?

Дилин, дилин, дилин, дил...
Сверчок песню выводил.
Поскрипел, шмыгнул за печку —
Там уютное местечко.
Не велел себя будить.
Чего было выводить?

Дилин, дилин, дилин, дрок.
Вдруг примчался ветерок.
Покружился с занавеской,
Обрядил ее невестой.
Стукнул ставнем. Улетел.
Не сказал, чего хотел.

Дилин-дилин-дилин-дон.
Твой ли это,
мой ли дом?

г. Мыски

Светлана КАПКАЕВА

* * *

Я среди зелени трав в тишине лета.
Ветерок тихий, тихий. Ласковый.
Травинки слегка покачиваются,
и на них поблескивают капли росы.
Утренняя освежающая прохлада.
Все так нежно, так первозданно.
Но чтобы пройти в этот рай,
нужно миновать свалку.

* * *

Дождь умыл весь поселок.
Ветер утих. Выглянуло солнце.
И тысячи дождинок заблестели в траве.
Я иду по чистому асфальту
той же дорогой,
которой мы возвращались с тобой не раз:
осенью, зимой, весной.
А лета у нас не было.

* * *

Опять стоим втроем: ты, я
и холод дней, прожитых врозь.

* * *

Весной
маленький ручеек
превратился в речку,
покрытую
празднично сверкающим зеркалом
тонкого, хрупкого льда.
Только легкая птичка
может быстро,
как на коньках,
бегать по нему,
занимаясь своими делами.

г. Мыски

67

Сергей РОЖКОВ

* * *

Посмотри на небо
и ты упадешь
вниз.

1998 г.

* * *

Наш бог — телевизор.
И меня распяли на видеокассете.
И вся моя жизнь — сплошной вызов,
словно капли росы на рассвете.

ВОЙНА НЕБА

Сегодня небо ополчилось на нас дождем.
Сегодня небо командует отрядами туч.
И капли шепчут: «Мы идем!»
Запри все двери на ключ».

Война неба прекрасна, как неизвестное икс,
в прозрачном одеянии из водяных линий.
Небо бросает свои обиды вниз,
а нам кажется — это ливень.

КАМИКАДЗЕ

Птиц стальных стая
умчалась в небо прочь.
Они еще не устали.
Но им уже не помочь.

ПРИДАВИЛО МЕНЯ НЕБО

Придавило меня небо
своей прозрачной высотой.
Был ли я или еще не был?
Да и почему я такой?
Но не дает небо ответа,
наваливаясь на меня.
На земле, здесь, а не где-то
несу на плечах его я.
И подгибаются ноги.
Падаю под грузом таким.
И вновь впереди дороги
сквозь синий туман, сизый дым.
И вновь ломается тело.
И позвоночник вновь трещит.
Держу небосвод неумело —
счастливчик!
атлант!
инвалид...

г. Кемерово

Светлана БОГДАНОВА

ОСЕНЬ

Здравствуй, осень, подруга моя дорогая,
Я как прежде плутаю в твоих золоченых лесах.
И плоды твои, осень, и листья твои собираю,
И осенние нити блистают в моих волосах.

Осень, осень, подруга моя ненаглядная,
Ты пришла и подарки свои принесла.
Сколько весен прошло, стала я уж совсем
неприглядная,
Но сажала, растила, тебя, моя осень, ждала.

Что же ты принесла мне? Разбитый
и мною же склеенный
Тот кувшин и тигровые лилии в нем,

Но вода утекла сквозь забытые мною расщелины,
И цветы отпылали когда-то прекрасным огнем.

Пусть все будет как есть, пусть не склеилось
что-то, не сладилось,
И тигровые лилии вечно не могут цвести,
Мы с тобою вдвоем, помнишь, осень, как нам это
нравилось,
И за грусть мою, осень, за тихие слезы прости.

г. Междуреченск

Елена ВОРОБЬЕВА

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Хотела я быть равнодушной,
Смеяться нагло Вам в ответ
На нелогичный, жалкий, скучный
Ваш о любовной страсти бред.

Хотела я водить Вас за нос,
Не говорить ни «нет», ни «да»,
И чтобы не хотелось замуж
За Вас мне выйти никогда!

Но что со мной? Я заболела,
Не слушаю разумных слов.
Меня предательское тело
Толкнуло в грешную любовь.

г. Междуреченск

Ника ГЛАЗЫРИНА-ПАШНИНА

БАННЫЙ ДУХ

Подглядывал за мной в окно,
Как тело млело и потело,
И капля с каплей заодно
Стекали меж грудей несмело.
Краснели щеки от жары,
Распарив веник кипятком,
Дубовый запах и пары
Гуляли бодро по всем точкам.
И телу вновь хотелось жить,
Мужчин ласкать, любить, смеяться,
На банный дух поворочить

И с птицей счастья повстречаться.
Рогатый без стыда глазел.
Рот золотом его светился,
А банный дух ревниво грел
Да у окна все суетился.

г. Междуреченск

Ирина МОСИНА

* * *

Случайный звонок, как тревожная птица,
Заставил быстрее мое сердце забиться.
Быть может, случилось что с близкими, мамой.
А может, неожиданная там телеграмма?

А может быть, кто-то из старых друзей
Взволнован молчаньем и жадной вестей?
А может?.. Ну, что ты — прошло столько лет —
И это уже на вопрос твой ответ.

А может быть, это средь ночи она,
Которая мужу чужому верна?!
Ведь было у нас, что хотел бы ты скрыть,
А я, как назло, не могу позабыть.

Случайный звонок — не пустячное дело!
А где-то под сердцем уже заболело...
Надежда на сон так отчаянно тает.
«Алло... Извините... Ошиблись... Бывает...»

р.п. Яя

Татьяна ЦУПРИКОВА

* * *

Я в служанках у грусти,
У тоски я служу,
Но обиды и злости
На тебя не держу.

Что прошло, то пропало,
Не сбылось, не сошлось.
Я беднее не стала,
Хоть и туго пришлось.

Ты меня не ограбил,
Все осталось во мне.

На короткий век бабий
Слез достаточно мне.

Ты ж мой милый, голубчик,
Где б тебе ни бывать,
И мой голос, и руки
Будешь ты вспоминать.

* * *

Мне до старости
Ну совсем чуть-чуть,
Куда молодость протоптала путь.
Да какой там путь, так — тропиночку,
В волосах моих паутиночку.

От чуть-чуть до чуть
Слез не выплакать.
Из судьбы слепой
Слов не выкинуть.

Отдохну чуток на скамеечке.
Поплюю на пол черны семечки.
Заплету тоску в золото кольцо,
Подмету судьбу, как твое крыльцо.

* * *

Тускнеют, бледнеют лица.
Слабеют и гибнут чувства.
Радуга нам не снится,
А ложь превратилась в искусство.

Художник устал, исписался.
Засохли волшебные кисти,
Но лучик надежды остался,
И в мае распустятся листья.

пос. Кедровка

Людмила ОСТРОУМОВА

* * *

Облака серебряную шлюпку
Ветер гнал по синеве небес.
И вдруг хлынул ливень над Алупкой,
Хрусталем просыпался на лес!

Звонкий и беспечный, как мальчишка,
Ливень, босоногий и хмельной,

Барабанил пятками по крышам,
На носочках шел по мостовой.

К морю побежал искать истоки,
Струй своих раскинул невода.
Я б не написала эти строки,
Если бы не вымокла тогда.

пос. Кедровка

Ульяна МЕДИКОВА

СТРАНА ВОПЛОЩЕННЫХ ИДЕЙ

Это место до безумия похоже на Рай.

Все наши потуги сделать что-то светлое не уничтожаются косыми взглядами, они приходят сюда, где непонятные изобретения на свое же удивление продолжают работать, рядом с книгами, которые никто никогда не читал, картинами, которые никто никогда не видел, и снами, забытыми снами. Небрежно возвышаются здесь наши идеалы. Счастливые и спокойные, ведь разрушить их может только тупая реальность, которая больше не существует.

Считаем, что становимся мудрее и познаем мир.

Но нет разумнее существа, чем новорожденный ребенок, который с каждой минутой забывает все больше и больше.

Люди, которым не к чему стремиться и которым нечего терять, — две страшные скрытые силы.

Думать о завтрашнем дне — словно собирать коллекцию еще не рухнувших надежд.

Проходят дни, месяцы, годы, а падение все продолжается. И даже не в пропасть, а еще дальше... В самую бесконечность. И самое страшное то, что тебе это нравится. Хотя все-таки немножечко жаль, что так и не научился летать, а только падать.

Когда земля приближается слишком быстро, вспомни о последнем твоём письме и, если знаешь, что некому его адресовать, — значит ты заслужил этот полет.

Наш разум знает все, сердце хочет всегда другое, а тело ждет, чтобы лишь оставили его в покое...

Ты остался один и ощущаешь, что находишься в темной комнате... А может, ты и есть эта комната, и она не вокруг тебя, а внутри.

Почему мне нравится рисовать на темном фоне? Темнота не имеет границ. Если ты в тупике и перед тобой глухая стена, стоит лишь закрыть глаза — и темнота перед тобой становится безграничной. И только там ты найдешь все, что хочешь увидеть.

Просто так...

— Мам, а правда, наши клетки могут жить в баночках?

— Ну да, что-то тому подобное.

Ее усталые глаза смотрели то на заржавелый кран, то на гору грязной посуды.

— Мам, а у нас есть душа?

— Конечно, почему спрашиваешь?

— Биология сегодня. А у собак?

— Ну да, даже у них.

— Тогда и у мышей?

Слышался только рев открытого крана, скрип мытых тарелок и еще ее неясное молчание, похожее на положительный ответ.

— И у всяких там насекомых тоже?

Вся безобразная гамма звуков повторялась.

— А у одноклеточных?

— ...

— Слушай, тогда ведь в нас миллиарды душ?

На несколько секунд течение воды и подергивание крана остались единственными движениями на кухне.

Италия, Флоренция

Анатолий НЕУДАЧИН

ФЕДОТКИН КОВЧЕГ

ПАМФЛЕТ

1

В ночь на новый век приснилась Федотке Благообразову девушка. Стоит, значит, та девушка, ручкой Федоту машет и говорит такие слова: «Мы, Федотка, решили для спасения жизни человеческой тебя выбрать. Начинай строить ковчег. В будущем катаклизме только ты один спасешься».

И исчезла.

Проснулся Федотка. Вышел во двор, взял рубанок, начал доску строгать.

Раньше Федотке совсем ничего не снилось, потому как фантазии у него было маловато. Другой на его месте удивился бы такому небывалому сну, даже тому бы удивился, что вот не снилось, не снилось, а тут раз — и приснилось. Но не таков был Федот. Он в своей жизни совсем ничему не удивлялся и всему верил. Раз приснилось, что ковчег надо строить, пошел во двор, начал рубанком махать, а удивляться снам или, допустим, недоумевать, почему, мол, именно его, Федотку Благообразова, выбрали для спасения жизни человеческой, это пусть другой какой удивляется и недоумевает, у кого с фантазией все в порядке.

А в это время мимо его дома проходил евонный же сосед Николай Иванович Дикобразов. Николай Иванович был ростиком маленький, подошел он к Федоткиному забору, его из-за забора и не видать. Нашел он дырочку от сучка в заборе и трубит в нее:

— А что, — интересуется, — ты никак, Федот, спозаранку себе гроб решил состругать?

Федот голос соседа слышит, а понять никак не может, откуда он раздается. Повертел головой для приличия, на небо взглянул и снова своим делом занялся. Николай Иванович же обиделся, что Федот на его слова не откликается. Он, если честно, очень обидчивый был, как только с ним жена живет целых пять лет — непонятно. Обиделся, значит, Николай Иванович и в дырочку от сучка в заборе говорит:

— Эй, Федот, ты чего же не откликаешься? Хоть бы поздоровался с соседом.

Федот опять на небо взглянул. Ему вроде как показалось, что голос-то с неба раздается:

— А ты где, сосед? — спрашивает. — На небе, что ль? Уж не умер ли?

— Да на каком небе, — рассердился Николай Иванович, — какой умер. Тут я, возле твоего забора.

— Ну заходи, раз так.

Открыл Федот калитку. Николай Иванович зашел во двор.

— Ты что, Федот, — Дикобразов снова разговор начинает, — решил себе гроб спозаранку состругать?

— Да нет, какой гроб, мне еще умирать рановато.

— Вот и я подумал, — говорит Николай Иванович. — Думаю, чего это Федот спозаранку себе гроб, что ли, стругает. Умирать ему еще рановато по причине младости лет.

Федот сел на чурбачок:

— Это, — объясняет соседу, — вовсе и не гроб стругаю, а даже совсем наоборот — ковчег. Нынче ночью, понимаешь, мне сон был: приходит ко мне баба и говорит, чтобы я ковчег строил.

Николай Иванович плотоядно улыбнулся:

— А баба-то ничего хоть была?

Федот на него рукой махнул:

— Я на это внимания не обратил. Не это главное.

— Вот чудак! А что же тогда главное?

Николай Иванович до бабьего полу очень охочий был. Где какую новую мордашку увидит, сразу туда. А так как он роста был маленького и ровни себе среди женского населения не находил, то на гулянки обычно ходил со стремянкой или с табуреткой. На каком-нибудь празднике залезет на стремянку и балансирует под самым потолком. Огромного росту сразу становится. Потом выберет себе девушку под стать и манит ее пальчиком. Та сразу и млет. Всякому хочется с высоким мужчиной пообщаться.

Так что кроме бабьего полу Николай Иванович вокруг себя ничего интересного больше не видел.

Федот на вопрос соседа отвечает:

— А главное, — говорит, — в том, что выбор пал на меня. Я, мол, буду спаситель жизни человеческой, и один я спасусь.

— А я? — вырвалось у Николая Ивановича.

— Ну тебе же ничего подобного не снилось?

— Нет.

— Ну, значит, не спасешься, — спокойно сказал Федот.

Николай Иванович насупился. Он-то всегда думал, что его жизнь намного ценнее, чем Федотова. Тут присутствовала явная несправедливость, и Николай Иванович почувствовал себя обделенным. Федот вел жизнь неинтересную, скучную и, можно сказать, никому не нужную. Такие люди, как Федот, могут появиться на свет, а могут и не появиться. От этого ничего не изменится. Себе же Николай Иванович отводил роль значимую. Так может случиться, что он еще станет одним из вершителей судеб. Как это получится и когда, он не знал, но то, что это случится обязательно, он знал точно. Главное, думал Николай Иванович, выбрать нужного человека и держаться его, быть преданным ему, как собака. И когда этот человек вознесется до небес, он уж и про него, про Николая Ивановича, не забудет.

— А мне нынче, кстати, — сказал он Федоту с обидой в голосе, — тоже баба снилась. Правда, по другому поводу.

И ушел.

А Федотка снова принялся за доску.

Начался прошлый век, если кто помнит, очень бурно. Много таких событий было, что думается, вот он уже — катаклизм. Федотка не удивлялся ничему, а просто как-то отчужденно думал: вот, мол, не успеваю с ковчегом. В отличие от соседа своего, он не был о своей персоне какого-то особенного мнения. Ничем он от других не отличался, те же две руки, две ноги, в голове что-то помаленьку варится, ну еще плотничает, зато каких-то других вещей не умеет, на что другие ловкачи. В общем, по-хорошему удивиться бы ему, что его выбрали, но и этого он не умел. Видно, просто ткнули пальцем наугад и попали в него, вот и весь разговор.

В это время началась на Руси первая революция, хотя никто еще тогда пока не знал, что она первая. Шли разговоры, что якобы в столице расстреляли мирную демонстрацию, которую вел к царю поп Гапон, оказавшийся, в свою очередь, провокатором и царским наймитом. Многие не знали, что такое «наймит», но на всякий случай решили повылавливать всех этих «наймитов», а заодно показать царю, где раки зимуют.

В столице начали строить баррикады, прибежали и к Федотке, схватили построенный им остов ковчега и убежали опять в столицу. Так как Федоту остова было жалко, он собрался и пошел следом, выручать свое творение.

Пришел Федотка в столицу, ходит по улицам, остов унесенный ищет. Видит — улица перегорожена. Какого-то хламу натаскано со всех домов, ни пройти, ни проехать. На этом хламе люди с винтовками лежат и внимательно

вдаль смотрят. Федотка ходил, ходил возле этого хлама, то там потрогает, то тут потянет. Недолго он так незамеченным ходил. Заметили его люди с винтовками. Один такой бравый, в женской тужурке подходит, интересуется:

— Ты чего это здесь ходишь, что ни попадя трогаешь? — спрашивает.

Федотка сначала оробел. Каждому неприятно, когда в тебя винтовкой тычут, а потом подумал, а что, в самом деле. Рассказал все как есть:

— Где-то здесь у вас, а может, и не у вас, а совсем в другом месте, лежит мой остов ковчега. Его какие-то люди нынче у меня со двора молчком уволокли. Так вот мне его непременно надо найти, потому, как я гляжу, у вас здесь уже какая-то катаклизма намечается, а мне к этому времени ковчег уж достроить надоть.

Мужичок в женской тужурке на Федотку руками машет:

— Какой ковчег, какой остов? Не видишь, что происходит? Не до этого нам сейчас. После боя найдешь. А если кто и забрал у тебя чего, так явно для дела.

Тут к их разговору еще один мужичок с винтовкой подошел:

— Слушай, Роман, — говорит, — чтой-то этот парень на попа Гапона похож.

Первый пригляделся к Федотке и подтверждает:

— Точно, вылитый поп Гапон, — радуется. — И как ты, Абrikосов, все замечаешь? Мне бы так.

Федот им отвечает:

— А что здесь особенного? Многие люди друг на друга похожи.

Первый жмурится:

— Нет, ты погоди. Многие, да не многие. Тут особый случай.

— А может, поставим его, Роман, к стенке, — предложил второй, — и делу конец. Вдруг он к нам вредить посланный?

Первый, в женской тужурке, почесал затылок и рубанул рукой:

— А, пожалуй, ты прав, Абrikосов. Давай его к стенке. Революция все равно без жертв не обходится, так пусть этот будет сегодня первым.

Подбежали тут еще люди, Федотку к стене тянут. Один пожилой вроде как засомневался:

— Я Гапона близко видел, он, кажись, постарше будет.

Другие на него зашикали:

— Да что ты, Михеич! Кажись, не кажись. Шлепнем, да и всего делов. Сейчас казаки наскочат, а мы с этим валандаемся.

— Нет, не он. У того Гапона на носу вот такая бородавка сидела, а этот Гапон без бородавки.

Стали все по очереди у Федота бородавку искать. Или,

может, не саму бородавку, так хоть след от бородавки. Ничего не нашли.

— Да он ее, поди, бесследно свел, — выкрикнул кто-то из собравшихся. — Тут неподалеку одна старуха живет, она бородавки хорошо сводит. Пошепчет, пошепчет, глядишь, бородавка и отвалилась, и следа от нее не видно.

— Признавайся, — говорит тот, что в женской тужурке, — ходил к старухе сводить бородавки?

— Да я ж вам уже говорил, что ищу свой остов ковчега. Вокруг все смеются:

— Ты бы поумнее что придумал. Видать, вас в полиции плохо обучают.

И неизвестно, чем бы закончилось это разбирательство, но неожиданно появился на баррикадах Николай Иванович Дикобразов. Он был тоже с винтовкой, грудь его была перемотана пулеметными лентами крест-накрест. А в руках — любимая стремянка. Он подошел к собравшимся и, увидев Федотку, обрадовался ему несказанно:

— Федотка, а ты чего здесь? Вот уж не думал.

Тот, что в женской тужурке, повернулся к Дикобразову:

— Так вы знакомы? А мы уж хотели дружка твоего к стенке. Думали, что он поп Гапон. А это, оказывается, дружок твой. Ты, товарищ Дикобразов, за него поручись, и мы его с собой возьмем на баррикады, поскольку у нас народу, сам знаешь, не так много.

Николай Иванович подошел к Федотке поближе:

— Поручиться? Хотели расстрелять? — спросил он у того, что был в женской тужурке. — Революционное время этого требует. Что ж, расстреливайте!

Тот, что был в женской тужурке, даже немного опешил:

— Ты же сказал, что это вроде — дружок твой?

Николай Иванович рукой махнул досадливо:

— Да какой там дружок — просто сосед. Но вот подошел я поближе, гляжу — и не сосед это вовсе, а самый натуральный поп Гапон. Расстреливайте, даже и не думайте больше.

Сказав так, отошел в сторону.

И тут Федотка не удивился: всякие люди на свете бывают.

В это время на баррикаду налетели казаки, и про Федотку все позабыли.

Отошел он, сел на крылечко какого-то дома, закурил папироску. Вот покурю, думает, и пойду свой остов ковчега искать.

А на баррикаде битва идет жаркая. Казаки пулемет приволокли, пуляют из него, прямо куда с добром. К Федотке подскочил тот, что был в женской тужурке, кричит ему:

— Слушай, хлопец. Тут через два квартала еще одна баррикада есть. Все равно без дела сидишь, сбегай туда, найди товарища Ворона и передай, что на Пустомелев-

кой патроны заканчиваются. Если уж не свидимся больше, знай, что разговаривал с самим Романом Аллюминиевым. Ну, обнимемся, что ли, на прощание?

Он крепко обнял Федотку и поцеловал в губы. Потом подтолкнул его к арке, а сам кинулся обратно на баррикады.

Федотка не знал города. Он проплутал до самого вечера, но никакой другой баррикады, ни товарища Ворона не нашел. Наконец в сумерках он вышел на какую-то улицу и наконец-то заметил груды хлама, наваленного поперек. Оказалось, что это было то же самое место, откуда он ушел утром. Баррикада опустела, была развалена и усеяна трупами ее защитников. Походив по горам мусора и не найдя никого живым, Федотка решил идти домой. Остов ковчега, по всей видимости, искать было уже бесполезно.

К тому времени, когда Федотка опять сделал остов ковчега и начал уже обшивать его досками, в далекой Сербии был убит эрцгерцог Фердинанд. Федотку это событие никак бы не коснулось, если бы не началась Первая мировая война, только еще никто не знал, что она первая, и Федотку забрали в солдаты.

Одели Федотку в полинялую тесную гимнастерку, дали в руки винтовку и отправили воевать. И тут Федотка не удивился, только подумал, что вот, мол, наступила катаклизма, а он ковчег не достроил.

Привезли Федотку вместе с другими солдатами в какую-то степь, приказали окопы рыть. Вырыли солдаты окопы, сели в них и стали ждать неприятеля. Долго ждали. А неприятель с другой стороны тоже окопы вырыл, тоже сел в них и русских поджидает. Так полгода и просидели. Первым неприятелю надоело, стал он русские позиции газом травить. Если бы не противогазы, туго бы нашим пришлось. С этими противогазами еще полгода просидели.

Ни много ни мало, провоевал Федотка на Первой мировой войне до самой Февральской революции, по счету уже второй, только еще никто не знал, что эта революция не последняя.

Как-то раз сидел Федотка вместе с остальными в окопе, глядит — какой-то мужичонка резво так к ним в окоп спрыгивает. Федотка его только по женской тужурке и узнал. То ж Роман Аллюминиев был. Прошелся Роман Аллюминиев по окопу, солдатам говорит:

— Ребята, — говорит, — собирайте всех на стихийный митинг, я речь скажу. Только смотрите, чтоб офицеры не прознали, а то заругаются.

Собрались солдаты вокруг Аллюминиева, он речь начал:

— Вот, ребята, царь наш кровавый смалодушничал и от престола отрекся. Теперь у нас в столице революция. Пока, конечно, буржуазная. Ну а потом, само собой, через полгодика мы и свою сделаем — рабоче-крестьянскую.

А теперь, раз такое дело, уходите с фронта, за чужие интересы не воюйте, пожалуйста.

Отбарабанил Алюминиев так свое, на бруствер карабкается. А как вскарабкался, солдатам ручкой помахал и пошел восвояси.

Только смотрит Федотка, возвращается тот с полдороги. Да не один. С ним офицеры.

Офицеры у солдат спрашивают строго:

— Этот агитацию проводил? Потому как новое правительство постановило войну продолжать до победного конца, этот, стало быть, немецкий шпион.

На Алюминиева жалко было смотреть. Он сделал вид, что он здесь совсем ни при чем, просто прохожий. Один из наших солдат пожалел его, говорит:

— Этот, — говорит, — агитировал. Произносил и еще более страшные вещи.

Повели офицеры Алюминиева за горку.

А Федотка решил оставить окопы и идти к себе домой, ковчег достраивать.

И дезертировал.

Алюминиев оказался прав: прошло немного времени, и произошла новая революция, на этот раз третья, только никто этого не знал, потому как уже и со счету сбились.

Когда это случилось, Федотка над своим ковчегом хорошо потрудился. Он у него формой подводную лодку напоминал. Но кончились у Федотки гвозди, и решил он пойти в столицу, у новой власти гвоздей попросить. Вроде, поговаривали, что она за трудовой народ радеет.

Собрался Федотка и пошел.

Пришел в столицу, по улицам ходит, ищет, где бы ему гвоздей раздобыть. Повстречал каких-то мужичков, у них спрашивает:

— Как бы мне, мужички, гвоздей раздобыть?

А они ему отвечают:

— Пошли с нами к самому главному, он все может. Он тебе и с гвоздями пособит.

Пошел Федотка с мужичками к самому главному. Зашли в какое-то здание. У всех про самого главного спрашивают, а им вежливо отвечают:

— А вот там, дальше по коридору.

Они дальше и идут.

Нашли дверь, за которой самый главный находится, стучатся.

— Кто там? Заходите, — в ответ из-за двери.

Зашли. А там дяденька приятный сидит за столом, чай с лимоном пьет, на Федота и мужичков ласково щурится:

— Ходоки? — весело спрашивает. — Присаживайтесь, товарищи. Сейчас вам чаю подадут, и непременно с лимоном.

Принесли всем чаю с лимоном, дяденька спрашивает: в чем, мол, нужда?

Тут мужички наперебой стали говорить: можно ли теперь, раз такое дело, всех бар своих из домов ихних выгонять, а самим, мол, в эти хоромы заселяться?

Дяденька ручкой машет нетерпеливо:

— Выгоняйте, — весело кричит, — всех к чертовой матери!

Откланялись мужички, к двери задом попятнулись. А Федотка сидит, где сидел. Его-то дело еще и не начиналось даже.

Дяденька на него лукаво взглянул:

— Ну а вы что хотели, товарищ?

— Мне бы гвоздей.

— И для какой же, простите меня, надобности?

— Я, понимаете ли, ковчег строю.

Дяденька совсем развеселился. Из-за стола поднялся, по комнате прохаживается:

— Ковчег? Что-то из библии? И на что же этот ковчег у вас похож?

В это время в комнату вошел еще один дяденька. В очках. Федотка посмотрел на него, потом посмотрел на самого главного и ответил:

— Да на подводную лодку похож.

Самый главный остановился перед Федоткой:

— На подводную лодку? Вот видите, какие умельцы у нас есть. За такой народ в огонь и в воду.

Второй дяденька тоже ласково улыбается:

— Подводные лодки нам уж как понадобятся.

— Правильно! Классовая борьба еще далеко не закончилась. И очень заблуждаются некоторые, когда думают, что враг захочет добровольно расстаться с награбленным у народа добром. Веками такой вот мужик гнул на них спину, а теперь мы говорим этому мужичку: на, возьми, вот твоя власть, только ее надо сначала защитить.

Самый главный дяденька обернулся к Федотке.

— Так вам что, товарищ?..

Шла гражданская война. Местечко, где жил Федотка, попеременно захватывали то белые, то красные, и недоделанный ковчег использовали как укрытие. Однажды, когда ни красных, ни белых поблизости не оказалось, местечко посетил сам батька Махно со своими людьми. Федотка смотрел на этих веселых людей и лишь головой качал. Сам батька был роста маленького, лицом хмур, папаху имел высоченную. Ходил он раскорякой, а в руке постоянно таскал маузер.

Заинтересовался Федотовым ковчегом:

— Это еще чего за хреновина? — поинтересовался он с маузером в руке. — Похожа на дирижабль.

— Дирижабль и есть, — подтверждает Федот. — Только та по небу летает, а энта по морю будет плавать. (Он как раз дирижабль в городе подсмотрел, когда был там.)

Батька Федотке маузером в рыло тычет:

— Вре-
морю плава-

Ну пот-
тем батько-
милостиво
гонки ему

— Ты, Ф-
к твоему из-
невик у нас

Но колё-
Прибежал
ные на подх-

Затороп-
ковчег. Вск-
тачанкой п-

А через
Впереди, на-
ской тужур-

ниев собствен-
хорошему,
глядя на пр-

баррикадах
ливали, а о-
Роман с кон-

ется. И тут
знакомому
шили из Фе-

в штаб при-
самогонки.
шинки, что

то есть, к не-
позицией ле-
ла. Третьим

самородок,
Он от сто-

— Сдел-
дой об стол-

— А еще
способить к
под землю н-

белогвардей-
И тут тол-
употребить,

и так — бел-
будут здесь»

Не получ-
орел парил.
чилось. Сели

Махно.
Через кан-
все на конях
находился, п-

— Врешь, контра! Нет такой дирижабли, чтоб по морю плавала.

Ну потом, слава Богу, разобрались. Такие друзья с тем батькой стали, все им только позавидовали. Батька милостиво Федотку в Федоткин же дом пригласил, самогонки ему наливает.

— Ты, Федотка, не бойсь, — увещевает батька. — Мы к твоему изобретению сейчас колёсья приляпаем, как броневик у нас покатится.

Но колёсья к ковчегу приляпать батьке не пришлось. Прибежал вестовой, запыхался, кричит: будто бы красные на подходе, и вроде бы как сматываться отседа надо.

Заторопился Махно, про все забыл, не только что про ковчег. Вскочил на тачанку и исчез в поднятой его же тачанкой пыли.

А через полчаса в местечко Красная армия зашла. Впереди, на коне в серых яблоках, едет, улыбаясь, в женской тужурке — кто бы вы думали? Сам Роман Алюминиев собственной персоной. Тут бы уже и Федотке, похорошему, надо бы удивиться. Но он лишь хмыкнул, глядя на представителя такой счастливой судьбы: и на баррикадах его убивали, и офицеры на фронте расстреливали, а он по-прежнему живой-живехонек. Соскочил Роман с коня, ласково его похлопал по холке, оглядывается. И тут же Федотку увидел. Обрадовался несказанно знакомому лицу. Подошел. Ну само собой, обнялись. Решили из Федоткиной избы штаб сделать. Роман Федотку в штаб приглашает, наливает ему оставшейся от Махно самогонки. А сам любезно расспрашивает насчет той машинки, что у Федота во дворе стоит, маячит. И как бы, то есть, к ней крылья приделать: чтоб она над вражеской позицией летала, и все бы там хорошенько высматривала. Третьим с ними в компании сидел какой-то умелец, самородок, одним словом.

Он от стола голову поднял, говорит:

— Сделаем. Как орел будет парить! — и снова мордой об стол.

— А еще бы хорошо, — мечтает Алюминиев, — приспособить к этой хреновине спереди такой бур и пустить под землю на манер крота, чтобы наших товарищей из белогвардейских казематов освобождать.

И тут только они хотели самогоночки по пятому разу употребить, прибегает взмыленный вестовой: «Так, мол, и так — белые кордон прорвали. С минуты на минуту будут здесь».

Не получилось к ковчегу крылья приделать, чтоб как орел парил. И чтобы как крот землю рыл тоже не получилось. Сели все на коней и ускакали вслед за батькой Махно.

Через какое-то время в местечко зашли белые. Тоже все на конях. Соскочил с коня тот, что во главе отряда находился, прямо к Федотке подошел.

— Я, — говорит, — полковник Палисандров. Обращаться ко мне следует: ваше благородие, господин полковник. А кто этого не вразумит, так тому сразу кулаком по зубам, чтоб неповадно было.

Подошел к ковчегу, со всех сторон его оглядел:

— Это ты, что ли, такую вещь спяпал? — спрашивает у Федотки.

— Я, ваше благородие, господин полковник, больше ж некому.

— Хороша, — полковник восхищается. — Где-то я уже такое видел.

И идет напрямик в Федотову избу. И Федота зовет. Объясняет, что теперь это вовсе и не Федоткин дом, а канцелярия второго добровольческого полка, и посторонним сюда без стука заходить нельзя, не то он самолично кулаком все зубы пересчитает. Чтоб неповадно было.

Сел полковник Палисандров за стол, Федота тоже усадил. Выпили по стакану самогонки.

— Красные давно отсюда ушли? — спрашивает.

— Незадолго до вас, ваше благородие, господин полковник.

Выпили по второй.

— К сожалению, надо признать, мужик не за нас. Мужик к красным подался. Ему там интересней.

— А что за мужик-то, ваше благородие, господин полковник? — Федотка интересуется. — Как по фамилии? Может, я его знаю?

Полковник посмотрел на Федотку посоловевшими глазами:

— Нет у него фамилии. Это обобщенный образ, понимаешь? Мужики за наши идеалы воевать не хотят, понимаешь? Ты вот за кого?

Еще по одной выпили.

— Да ни за кого, ваше благородие, господин полковник. Я сам по себе.

— Вот так и все. Кто сам по себе, а кто за красных, — и уже дальше продолжает плаксивым голосом. — Взять бы твой кораблик и уплыть отсюда далеко-далеко, в какую-нибудь банановую страну. Как бы славно было.

После этого полковник еще долго болтал что-то, может быть, даже по-французски.

— Это, вы на каком языке сейчас изволили трепаться, ваше благородие, господин полковник?

— Да не называй ты меня «ваше благородие», — печалится Палисандров. — Зови просто Паша, — так меня в детстве матушка звала.

А у самого слезы в три ручья:

— Пропала Россия, — плачет.

Тут как раз прибежал вестовой. Федотке даже показалось спяну, что вестовой этот во всех трех случаях — и с батькой Махно, и с красными, и с белыми — был один и тот же. Так вот, прибежал вестовой и как заорет:

— Ваше благородие, господин полковник, красные на подходе! Комиссар ихний, Аллюминиев, с силами собрался, сюда движется!

Полковник слезы утер, высморкался в некогда белоснежный платочек с вензелем, команды отдает:

— Этого высечь, изобретение его сжечь, — и быстрым шагом вон из дома.

Сечь человека — канитель большая — не стали, а вот ковчег сожгли, сами же ускакали.

Посидел немного возле пепелища Федотка и пошел в сарай за рубанком.

А Николай Иванович Дикобразов в это время все среди соратников лидера искал, чтобы, значит, быть преданным ему, как собака, и ежели тот когда-нибудь пробьется в большие люди, вслед за ним туда проскочить. Ходит он, ко всем приглядывается: на фронте или в другой ситуации кто как себя ведет, — все Николай Иванович на ус мотает. Правда, усов у Дикобразова в то время еще не было.

И приглядел-таки человека.

Решил Дикобразов действовать: то подарочек маленький, но от всей души преподнесет, то на собрании скажет про будущего благодетеля хорошее. Через какое-то время стал замечать Николай Иванович, что и тот как-то по-особому на него заглядывает, а раз встретились в коридоре — ответил Дикобразову долгим рукопожатием.

Ни много ни мало — назначили этого человека на хорошую должность. А тот про Николая Ивановича не забыл, пристроил его.

Это уже после гражданской войны было. Как увидел Николай Иванович на официальном бланке отпечатанную свою фамилию, а потом еще и на двери собственного кабинета крупными буквами, так и заважничал. Великое предназначение его в жизни осуществлялось.

Он вообще теперь от жизни ждал только положительных эмоций.

А Федотка ковчег достраивал, — уж и сбился, какой по счету. То на баррикады утащат, то сожгут. Напала на нашего героя тоска, уже без прежнего энтузиазма мастерит. Когда еще гражданская война шла, он про катаклизм думал, торопил себя с ковчегом. Но вот закончилась, и что же дальше? Потом, правда, голод начался, тоже, надо сказать, настроение не улучшал. А теперь вроде и незачем строительство это. Правда, жизнь лучше не стала, но так все уж попривыкли.

Все больше задумывался Федотка: как же, мол, так — для продолжения человеческого рода выбрали, а он и не женат еще. С кем же потомство оставлять. Да и так, даже не для спасения человечества, а просто для жизни, жену все ж таки надо бы выбрать. Бросил тогда Федот свое строительство и решил себе жену поискать. И чтоб непременно добрую и хорошую. И на внешность симпатичную. Подумал так, встал и пошел от недостроенного ковчега восвояси.

Пришел Федотка в столицу. Ну, думает, здесь себе невесту подберу, всем на удивление, себе на радость.

Подошел он на улице к какой-то очереди. А перед ним в той очереди девушка милая стояла. Какая-то работница с фабрики. Стоит и семечки грызет, а шелуху подсолнечную на ботинки Федотке сплевывает. Федотка молчит, в столице-то уж давно не был, может, здесь теперь так полагается. Или, может, Федотка ей приглянулся, и она так ему внимание оказывает. В общем, не удивился Федот поведению девушки, он только и сказал ей, чтобы выяснить отношение: мол, с каким намерением мне, девушка, на новые ботинки изволите шелуху подсолнечную сплевывать? Ежели, мол, с намерением познакомиться и завести семью с детишками, то пожалуйста, сколько угодно, а ежели так просто, то извольте посторониться. Девушка вычурности такого обращения не поняла. Поняла лишь по тону, что какая-то претензия у молодого человека к ней есть. Развернулась она к Федотке всем телом, и вот пока она молчала, то очень своей внешностью Федотке нравилась, но как только рот раскрыла, то сразу и понял наш герой, что, видно, не судьба.

Отвернулся Федотка, в другую сторону смотрит. А девка разошлась не на шутку, на Федотку нападает:

— Чего морду-то отворотил? Интеллигент вшивый! Не нравится ему, вишь ли!

И самое-то обидное, что незаслуженно интеллигентом обозвала. Ну морда, ну вшивый — что же сделаешь, раз жизнь такая, но вот это слово девушка употребила со всем уж зря, видно, в запальчивости. И чтобы не было сомнений, что Федотка не такой, он взял да и оттолкнул девушку от себя. И вроде легонько оттолкнул-то, но, видно, силы не рассчитал, та и полетела на тротуар, прямо на задницу плюхнулась. Девушка к такому обращению, видать, была привычная и, видимо, этого только и ожидала для продолжения разговора. Она вцепилась Федотке в уши, благо там было во что вцепиться, и с диким ревом стала их еще больше оттягивать. Вот как встречает приезжих столица. В очереди оживление. А то ведь скучно по полдня в очередях-то стоять. Все на этот инцидент развернулись, принялись обсуждать, кто этот бой выиграет. Какой-то мужичонка с побитым лицом стал утверждать, что с женщинами вообще связываться опасно, особенно обозленными. Он, мол, как-то по молодости связался, до сих пор синяки с морды сойти не могут. Какая-то тетка скандального вида стала этому мужичонке перечить словами, типа:

— Так вам, паразитам, и надо!

Мужичонка, не найдя аргументов повесомей, ткнул тетку кулаком в пузо, от чего та мгновение стояла с пере-

хваченным дыханием. Потом ответила мешком с каким-то тяжелым содержимым да попала не в мужичонку, а в его соседа. Тот, само собой, ответил ей своим мешком, который был нисколько не легче. В общем, повздорили. Сцепилась вся очередь. Со всех рук друг друга по мордях хлещут. И скуки как не бывало.

Федотка и девушка прекратили свои выяснения отношений, от очереди отошли. Девушка виновато на Федотку взглядывает, тербит на своем пальто пуговичку.

Федотка ее спрашивает:

— Тебя как зовут, милая?

— Катюша, — девушка улыбнулась. — Хотите семечек?

Катюша оказалась девушкой симпатичной. С богатым духовным миром. Работала она на трикотажной фабрике, была комсомольским вожаком и вообще активисткой. Любила Советскую власть, Ленина, Сталина и других соратников. Хорошо отзывалась о Маяковском и немножко осуждала Есенина за опрометчивый шаг, но тоже, в общем-то, любила. Часто в разговоре сбивалась на стиль газетных статей и долго, со смехом пересказывала фельетон Михаила Зощенко, напечатанный в журнале «Бегемот». Мол, какие еще пороки в наших людях сидят, метко товарищем Зощенко подмеченные.

Федотке она понравилась, и недоразумение, с которого началось их знакомство, отошло далеко-далеко в глубину сознания, словно и не было его вовсе. Он рассказал Катюше, что пришел в столицу найти себе невесту, что непременно ему надо оставить потомство, потому что в будущем катаклизме ему предначертано одному выжить со своей семьей.

Катюша внимательно слушала Федотку, лишь когда он упомянул про невесту, зарделась, а когда сказал о потомстве, — глупо хихикнула. Слова «будущий катаклизм» поняла как «всемирный коммунизм» и потому ответила, что с приходом «будущего катаклизма» не только Федотка будет жить счастливо, но и все люди на земле. Потом немного помолчала и продолжила, что думать «в период нарастания противоречий» о своем личном благе может только человек, либо искренне непонимающий политики партии, либо враг народа. Хотя сама она, в принципе, не против замужества, можно и расписаться, ежели человек хороший.

А шли они в это время как раз мимо ЗАГСа. Думают: а что тянуть, в самом деле? Зашли и расписались.

Не надо, конечно, думать, что у Федотки не было принципов. Что ему лишь бы жениться. Принципы у него были. И женский идеал он себе представлял отчетливо. Когда-то, если кто помнит, идеал этот ему во сне приснился и сказал, что он, мол, Федот, является избранником и что срочно должен строить ковчег. Федотка ту де-

вушку во сне хорошо рассмотрел и запомнил. Это он Дикобразову тогда соврал, что не рассмотрел, а сам еще как рассмотрел-то. Только он в первую очередь внимание свое сосредоточил на лице, а не на те места, на которые его бы сосредоточил Николай Иванович, — так это другое дело.

В общем и целом, полюбила девушка из сна Федотку. Он, когда ковчег строил и когда на фронте воевал, и вообще на протяжении всей своей последующей после сна жизни, об этой девушке постоянно думал: «Вот бы, — думал — на такой крале жениться для продолжения рода или просто для любви красивой».

Расписались Федотка с Катюшей и поселились в коммунальной квартире, где в отдельной комнатке Катюша и пребывала. Неплохо зажили молодые, и Федотке даже казалось какое-то время, что жена его законная и есть та девушка из сна. Но, правда, недолго он так думал. До определенного случая.

77 Когда этот показательный случай произошел, у Федотки уже сыночек родился. Имя ему дали звучное — Иовист. Такое имя ребенку Катерина придумала. И очень этим именем гордилась. Федотка не сразу догадался, что оно означает, хотя и ему это имя тоже понравилось.

Катерина была женщина активная, и с рождением сына «активничать» не бросила, а, оставив домашние дела на мужа, еще больше погрузилась в общественную жизнь коллектива своей фабрики.

В это время как раз по фабрикам и заводам, да и по другим разным учреждениям, стали обнаруживать обманом туда проникших врагов народа. Столько их расплодилось из-за преступной халатности простых советских граждан — просто беда. Эти враги народа, воспользовавшись беспечностью этого самого народа, проникли во все области народного хозяйства и, как могли, там вредили. Но одно радовало: их быстро разоблачали и вместе с некоторыми представителями народа, которые допустили халатность и беспечность, свозили на какие-нибудь грандиозные стройки. Там у них под неусыпным оком охранников уже не было возможности вредить, и они работали добросовестно...

Самым активным в деле разоблачения врагов народа стал Николай Иванович Дикобразов. Он как раз служил в организации, которая занималась этими вредителями. Дикобразов работал не покладая рук, и ему удалось расправиться со многими врагами трудового народа. Также убрать и своих личных врагов, а свою ненавистную жену и всех ее родственников сослать в Сибирь.

В итоге такой бурной деятельности он сместил своего начальника и сел в его кресло.

Став начальником грозного ведомства, Дикобразов не успокоился. Он продолжал бороться с врагами наро-

да. В тайных своих мыслях Николай Иванович был убежден, что на самом деле врагом советского народа является сам советский народ, но вслух эту мысль не высказывал как несвоевременную.

Пока.

Жена Федотки Катерина тоже боролась с вредителями, не так, правда, масштабно, как Дикобразов, но так же результативно. На собраниях или на других мероприятиях она больше всех выступала: лицо ее теперь постоянно было багровым от усердия, глаза лихорадочно блестели и вылезли из орбит, рот от постоянных криков стал огромен, как щель в ящике «Для писем и газет», а ее ручки, вытаскивающие из зала на сцену для раскаяния очередного врага народа, стали сильными и мускулистыми, как у хорошего мужика. От долгих сидений на конференциях и собраниях зад у нее стал широким и расплюснутым. Свой массивный бюст Катерина носила, далеко выпятив вперед, как тараном прокладывая им дорогу в толпе.

Очень редко теперь она дома появлялась. То на конференцию уедет, то делегатом очередного съезда партии выберут. Жизнь бурная.

И таких высот Катерина достигла, что однажды даже за одним столом с большими соратниками посидела.

Собрались как-то вожди на гулянку. Чей-то день рождения справляли, кажется, того же Николая Ивановича Дикобразова. Наприглашали артистов всяких, ударников труда, спортсменов известных. Катерина от своей родной фабрики в подарок преподнесла Николаю Ивановичу расписанную серпами и молотами рубашку. Николай Иванович как увидел Катерину, сердце у него зашлось от волнения. Особенно ему в Катерине ее грудь понравилась. Потом повнимательней пригляделся: зад тоже хорош. Посадил он Катерину возле себя, комплиментами сыпет:

— Вот бы, — говорит, — ваш бюст, уважаемая Екатерина Макаровна, в бронзе отлить и поставить на вашей родине, на главной площади.

Катерина жеманится:

— За что же честь такая, Николай Иванович? Я, кажись, еще ничего особенного не сделала.

А Николай Иванович ей на ухо жарко шепчет:

— А вам ничего и делать-то не надо. За вас, Екатерина Макаровна, ваш бюст все решает. Я такого отродясь не видел.

Если кто помнит, был Николай Иванович до женского полу охочий. Вот опосля будет на этой должности деятель, так тот любыми способами женского расположения добивался, а Николай Иванович не таков был. Он, понимаете, своим служебным положением не пользовался. Хотелось ему, чтоб его непременно полюбили. Таку

себе блажь в голову вбил. По несколько часов кряду перед зеркалом проводил, все себе на голове пробор ровненько выкладывал.

Катерина в тот день до трех часов ночи с вождами за столом просидела, ухажера сальности слушала. Потом перерыв объявили. Николай Иванович еле-еле этого самого перерыва дождался. Вывел Катерину в коридор, будто бы прогуляться, а сам улучил момент и в какой-то темный чуланчик ее затащил. Прижал к стенке и стал прелести Катерины трогать, до каких достать мог, естественно. Только не очень хорошо у него это получалось. Дала знать профессиональная выучка. Как на допросах привык людей обыскивать, и тут так же поступает.

Катерина в ответ на его такие действия притворно возмущается:

— Как же так можно, Николай Иванович. Я ведь замужняя жена.

Дикобразов от Катерины отлип, глаза поднял и этот с любопытством на нее воззрился:

— И кто же муж?

Катерина, как школьница, привыкшая всегда отвечать на вопрос учителя, вытянулась по стойке смирно и с выражением отчеканила:

— Мой муж Федот Федорович Благообразов.

Николай Иванович чуть не поперхнулся слюной, выработавшейся в связи со сладострастными впечатлениями минутой раньше. «Вот так фокус!» — подумалось ему. Вслух же он произнес:

— Уважаемая Екатерина Макаровна, право слово, он вас не достоин, — и с силой зарылся лицом в пиджак Катерины, где под материей колыхалась и трепыхалась огромная Катерина грудь. В этой груди билось большое женское сердце, постепенно наполнявшееся чем-то похожим на любовь к такому маленькому, но такому все-сильному человеку.

Николай Иванович долго что-то бубнил, плотно вжавшись лицом в пиджак. Слышалось только какое-то бес-связное мычание, ничего нельзя было разобрать из того, что он говорил. Но Катерина все понимала.

Николай Иванович говорил о том, как он устал без простого ласкового взгляда женщины, как устал есть всухомятку, хоть и из спецраспределителя, как соскучился по простой домашней еде, приготовленной заботливыми руками любящей жены. Потом Дикобразов стал умолять Катерину бросить своего никчемного мужа, с которым кроме горя и бедности она ничего больше не познает. Сулил ей райскую жизнь, обещал окружить ее дорогими безделушками и каждый месяц возить в Сочи или в Гагры.

— Ты, Катенька, будешь у меня на золоте сидеть, из золота есть. В шампанском плескаться. У тебя только obsługi будет человек сто.

В конце своего дикого монолога Николай Иванович поднял свое полное слез лицо на Катерину и жалобно спросил:

— Катя, Катенька! Что бы ты хотела, чтобы я сделал для тебя прямо сейчас?

И увидел, что Катя впервые за весь вечер несколько засмушалась. Николай Иванович явственно представил себе, как Катерина с криком: «Ничего мне не надо, кроме тебя самого, Николенька!» — жарко и чувственно вопьется своими губами в его губы. Затем он вскарабкается на эту женщину, как советские альпинисты на пик Коммунизма, такой маленький, но такой сильный. Потом...

Катерина немного отстранилась от Дикобразова, поправила взлохмаченный им свой пиджак и, заливаясь краской стыда, попросила с придыханием:

— Николай Иванович, представьте меня, пожалуйста, самому главному.

А Федотка в это время занимался воспитанием своего сына. Все чаще и чаще они вместе уходили в то местечко, где родился Федотка и вырос, где оставил свой почти достроенный ковчег и откуда, затосковав по семейному очагу, ушел в город и женился на Катерине. Федот стал уже понемногу забывать о ковчеге, столько времени у него отнимали домашние дела, а как-то приснился он ему, и решил Федот его попроведовать, словно это не просто деревянная «посудина» какая-то, а самый надежный и верный друг.

В первое же посещение ковчег выяснилось, что достроить его совсем немного осталось. Зато ремонт надо хороший дать. Некоторые доски прохудились, сгнили, — работы много. Федот засучил рукава, соскучился по настоящей плотницкой-то работе, и принялся за дело. Маленький Иовист помогал ему как мог: то гвоздь подаст, то реечку. Федот работает да нет-нет украдкой посмотрит на сына: «А все-таки хорошо, что я женился, — думает. — Вот какой славный сынок у меня растет — помощник».

Много ли, мало ли времени прошло — восстановили ковчег, а что дальше с ним делать, не знают. Но на всякий случай пусть под руками готовый стоит, потому как тут каждый день словно преддверие катаклизма, — поди, угадай, когда наступит.

Катерина же совсем к своему сожителю переселилась. Иногда прибежит, попроведует сына и назад к полюбовнику. С Федоткой хоть бы парой слов перекинулась, как на пустое место смотрит.

А Федотка и сам уж охладил к жене. Поначалу-то он думал, что жена его и есть та девушка из сна, а теперь все больше и больше видел — нет, та другая, и на внешность другая, а уж внутренним содержанием так скорее всего.

Тут еще такой случай в жизни Федотки произошел, что он и совсем о своей жене позабыл. Да только она о нем не забыла. И Николай Иванович Дикобразов не забыл, но об этом дальше рассказ будет.

Вот как-то сидели Николай Иванович и Катерина за утренним кофе. Николай Иванович еще, помнится, на пианино «Аппассионату» играл или что-то подобное. Играет Николай Иванович, кофе цедит и говорит:

— А что, — говорит, — Екатерина Макаровна, ваш муж Федот все еще строит свой ковчег, али как?

— Строит, Николай Иванович. Поначалу вроде как забросил, а теперь снова принялся. Постоянно в Местечко ходит. За мной так никогда не ухаживал, как сейчас за своей посудиною.

— А про катаклизм что говорит?

— Что скоро наступит, и только он с Иовистом спасется, никто более.

Николай Иванович доиграл «Аппассионату», допил кофе и подошел как обычно к огромному зеркалу в прихожей, чтобы уложить на своей голове красивый пробор. Волосы у Николая Ивановича были густые, красивые и чуть ли не в половину его роста высотой.

Вдоволь насладившись своим отражением в зеркале, Николай Иванович взял частую расческу и провел ею по волосам. Расческа за что-то два раза зацепилась. Не придав этому обстоятельству особого значения, Дикобразов надел шинель, фуражку, поцеловал в щечку Катерину и пошел на службу. Про себя же решил, что хорошо бы кого-нибудь из подчиненных отправить проследить за Федотом. Вдруг действительно неспроста все.

В подвале ждал своей участи один из когорты старых большевиков, который, как ни трудно в это поверить, был завербован вражеской разведкой в последнюю свою поездку за границу. Этим преступником Николай Иванович хотел заняться сам, и так как мало было на свете людей ниже или вровень с ним ростом, то Дикобразов решил захватить с собой в подвал любимую стремянку. Впрочем, сам он ее уже за собой не таскал, отошло то время. Теперь ее за ним таскал специально для этого поставленный и обученный человек.

Надо сразу сказать, что стремянки Николай Иванович очень любил: этот предмет быта был чуть ли не единственной радостью. Стремянок у него было около двух дюжин — дома и на работе. Разные по цвету, высоте и применению. Были стремянки для любовных утех — Дикобразов пользовался ими в первые минуты знакомства с понравившейся ему женщиной, — он взбирался по стремянке, чтобы поцеловать свою избранницу. Были стремянки для допросов, для разговора с подчиненными, для прогулок на загородной даче и прочее, прочее, прочее... Были стремянки под настроение: если Николай Ивано-

вич залезал на черную, то все знали, что у него мрачное настроение, если на желтую, то настроение было так себе — кислое. На розовую стремянку Дикобразов залезал, когда пребывал в настроении благодушном, хотя это с ним происходило очень редко, практически никогда.

Раньше Дикобразов, еще не достигнув высот власти, стремянки свои чистил и мыл сам. Это был целый ритуал. Обычно он выбирал один из свободных дней недели и посвящал его весь своим любимым детищам. Постепенно, с восхождением по служебной лестнице, он набрал штат прислуги, чтобы они это делали за него, а он только ходил и проверял их работу, и горе было тому из слуг, кто недостаточно ревностно следил за чистотой стремянок.

Дошло до того, что свою любимую голубую стремянку он одно время даже клал с собой в постель и, обняв ее, лежал с ней, словно муж с женой.

Стремянки — это была настоящая страсть Дикобразова.

Прежде чем зайти в камеру к старому большевику, Николай Иванович прошел в соседнюю.

В этой соседней комнате Дикобразов мастерство своей профессии оттачивал и на дальнейшую борьбу с врагами народа вдохновлялся.

Стены комнаты были все выляпаны красной краской на манер крови, орудия пыток — клещи, гвозди, кувалды и прочее — валялись во всех углах. Но самое главное — куклы, лежавшие вдоль стены, были сделаны по специальному заказу Николая Ивановича точными копиями соратников в полный рост. Поскольку никому нельзя было доверять, и неизвестно, кто завтра станет врагом народа, куклы у Николая Ивановича были сделаны на всех соратников, кроме его самого и его благодетеля, естественно.

Быстрым, решительным шагом Дикобразов прошел в комнату, схватил куклу — точную копию одного из соратников — и оторвал ей голову. Потом вцепился зубами в нос другой кукле. Постоял немного в задумчивости, не выпуская изо рта нос куклы, затем со злостью откусил и выплюнул. Тут же с яростным ревом бросился на следующую куклу и долго бегал с ней по комнате, хлеща ею по стенам, пока она не лопнула по шву и из нее не полетела набивка. Только тогда Николай Иванович успокоился, присел на стремянку — отдышаться.

Конечно, можно было обойтись и без всего этого, но, будучи человеком злым не от природы, Николай Иванович должен был время от времени так себя настраивать. Тем более что для посещения узника, который сидел сейчас в соседней камере, такое особое его настроение и требовалось.

Человека, сидевшего в соседней камере и даже не повернувшего голову в сторону заскрипевшей двери, конеч-

но, трудно было узнать. Знаменитой женской тужурки, по которой его многие раньше узнавали, на нем теперь уже не было.

Да, узника было трудно узнать. Частые изнурительные допросы да и время сделали с ним свое черное дело. Но, однако, это все же был он — Роман Алюминиев.

После окончания гражданской войны жизнь кидала Алюминиева в разные стороны. Кем он только не был. И беспризорников по подвалам выискивал, и с продотрядом по деревням ездил, и даже в строительстве самолета-тяжеловеса «Илья Муромец» участвовал. А потом еще по барханам басмачей вылавливал. Говорят, очень много поймал. В общем, везде успел. Со стороны казалось, что Алюминиев был в нескольких местах одновременно — вот как обрадовался Советской власти.

И отправили его после этого колхозом руководить. К тому времени колхозы уже появились. Но, правда, не появилась еще знаменитая статья о головокружении от успехов.

Алюминиев новое для себя дело принял с воодушевлением, последнее, что еще можно было спасти, — развалил. Ему орден дали и почетную грамоту.

Затем его отправили на строительство метрополитена. Потом на строительство ВДНХ.

К тому времени в Москве шли процессы над пособниками фашистской Германии.

Роман Алюминиев в это время был в Германии с дружественным визитом, пил в каком-то кабачке баварское пиво и ел сосиски с квашеной капустой. Когда посетители кабачка в едином порыве вскакивали и приветствовали друг друга вытягиванием к потолку верхних конечностей и кричали: «Хайль Гитлер!», он одобрительно и сыто мотал головой.

Из Германии Алюминиева доставили уже под конвоем. Как был, с недоеденной сосиской на вилке в одной руке и с поднятой в приветствии другой.

Вот так и оказался герой гражданской и других войн Роман Алюминиев в отдельной камере в тюрьме. И к нему-то сейчас и заходил со стремянкой для допроса все-таки Николай Иванович Дикобразов.

Найдя среди простых людей и среди соратников столько пособников фашистской Германии, засадив за шпионаж Романа Алюминиева, он чуть было не прозевал одного, возможно, самого главного пособника — Федота Благообразова. Самое большое подозрение против Федота заключалось в том, что никто из арестованных никогда не называл его имени, даже под тяжкими пытками. Хотя для оправдания себя составляли целые списки других пособников. А Роман Алюминиев, к стыду своему, даже забыл, кто это такой.

Николай Иванович рассуждал так: «Почему же Федот снова начал строить свою посудину, и именно в тот момент, когда обостряются противоречия с германским фашизмом и всемирным империализмом? Уж не хочет ли он со своими поделщиками в самый ответственный момент нанести молодой республике Советов удар в спину?»

Здесь было о чем задуматься.

«Роман же Алюминиев, — размышлял далее Дикобразов, — являясь доверенным Федота, подготавливал в Германии почву для беспрепятственного вторжения в нашу страну. Мол, ничего не бойтесь, граждане фашисты, у нас уже все для вашего прихода подготовлено. И лишь одного они не учли: Николая Ивановича Дикобразова, который развенчает их гнусные планы».

Зайдя в камеру, Николай Иванович сразу же залез на стремянку и ударил вставшего с нар Алюминиева кулаком в лицо. И когда тот упал, быстро соскочил со стремянки и уже бил лежащего сапогами.

— Говори, сволочь! — орал Дикобразов над поверженным. — Все рассказывай! Кто приказал тебе развязать террор против молодой республики Советов? — ему хотелось, чтобы Алюминиев сам назвал фамилию Федота.

Вдоволь наскакавшись и напрыгавшись, он так ничего от Алюминиева не добился. Пообещав через полчаса вернуться, Николай Иванович почесал в том месте у себя на голове, где что-то ему сегодня с утра мешало, и вышел из камеры.

Вернувшись в камеру, как и обещал, через полчаса, он, к своему глубочайшему удивлению, не нашел в ней Алюминиева. Николай Иванович даже ошалел от удивленного. Несколько раз слазил под нары, заглянул в парашу, проверил буквально каждый сантиметр камеры. Арестант как испарился. Дикобразов снова почесал у себя на голове в том месте, где ему что-то с утра мешало. Но и это не помогло. Алюминиев пропал бесследно, словно и не был никогда в этой камере. И охранники, что бы Дикобразов с ними ни делал, ничего по этому поводу не могли ответить толково.

Николай Иванович был, скорее, удивлен, чем раздосадован. Люди, наблюдавшие за ним в это время, замечали странное его поведение. Он надолго задумывался, вертел руками, как мельничными лопастями, и гримасничал получше всякого Муссолини.

Потом, правда, успокоился. «Алюминиев кто? — пешка. Главное — Федота не проморгать».

Была у Дикобразова мечта. Мечтал он, будучи человеком с амбициями, хотя бы раз в жизни поймать не надуманных диверсантов и вредителей, а самых что ни есть настоящих, каких в кино показывают. И хоть знал прекрасно всесильный, что этим самым усложняет себе

жизнь, но ничего с собой поделать не мог. Мечтал, и все тут. Кто-то изнутри ему подсказывал, внутренний голос или еще кто, что с делом Федота спешить не надо, что оно, это дело, если немного повременить, может раскрытаться в очень и очень громкий процесс, в процесс с большой буквы.

Послал Дикобразов человека за Федотом последить, да тот вскоре ни с чем вернулся. В рапорте написал, что занимается его подопечный «всякой ерундой», образ жизни ведет скучный, однообразный и, попросту говоря, нелепый. Ни с кем не общается: и сам ни к кому не ходит, и у него гостей не бывает.

Дикобразов читал этот рапорт с нескрываемым восторгом: по его мнению, так и должны поступать вредители. И решил Николай Иванович наблюдение с Федоткиного дома не снимать, и дело это до конца довести.

3

81 Пока в ведомстве Дикобразова происходили такие события, Федот жил своей простой, незатейливой жизнью. Он из города совсем в родные края перебрался, в старый свой дом. И жили они там с Иовистом очень даже замечательно. Федот, как и положено, в колхоз поступил — плотником, а сынок в сельскую школу пошел — учиться.

А рядом с их домом стояла изба под красной крышей. Жила в ней одна молодка. Она в Местечке-то давно обоживалась. Но, правда, и не так давно, чтобы знать Федота. Звали молодку все Алевтиной.

Ту Алевтину в Местечке все очень боялись, да и не только в Местечке, а по всей, надо сказать, округе. Нарочно еще зайдите в тех местах в любой дом да и назовите ее имя, от вас шарахнутся, как от чумы холерной. По сей день так. А почему? На то была своя причина. Уж больно Алевтина мужиков донимала своими притязаниями. Девушка была ума недалекого. Притязания у нее были не интеллектуального порядка, а такие, чтобы поближе к сеновалу.

Столько она мужиков добрых перевела — со счета все сбились давно. Да что уж там говорить о мужиках красивых да видных, — последнему замухрышке и калеке спастись от нее не было никакой возможности. Такие человеческие изъязнения, как рябь на лице, лысина, отсутствие конечностей или близкая смерть, не были основанием для того, чтобы Алевтина оставила мужика в покое...

Когда же в Местечке и в близлежащих деревнях перевелись с ее помощью все мужики, Алевтине что-то взгрустнулось, и она уже собиралась пойти поискать счастья где-нибудь в других краях, как тут-то и появился Федотка, который и думать никогда не мог, что может кому-то доставить столько удовольствия одним только своим появлением.

Очень Алевтине сосед показался интересным мужчиной. И решила она издалека зайти. Мужичонка-то холостой, поди, уж забыл давно, как в постиранной да заштопанной одежде щеголять. А может, и пол помыть надобно, обед приготовить, — мало ли дел по хозяйству.

Вот идет как-то Федот мимо ее избы, а она уже возле плетня маячит:

— А не надо ли вам, Федот Федорович, рубашечки постирнуть али заштопать что из одежки? — интересуется.

А Федот ей в ответ, чтобы не обидеть хорошего человека, вежливо отвечает:

— Да нет, Алевтина Прокопьевна, не надо. Спасибо, конечно, на добром слове.

Да только Алевтину вежливостью от предмета воздыхания не так просто оттолкнуть. Она и не сдается, в спину кричит:

— А вы, Федот Федорович, зашли бы с сыночком ко мне, победали. Я щей целый чугунок наварила, одной не съесть.

Федот, правда, что-то такое уже в округе слышал про похотливую бабу, но решил, что при ребенке-то, поди, не посмеет домогаться. Вот сдуру и согласился.

Алевтина литровую бутылку самогону на стол для дорогого гостя выставила. А Иовисту, после того как он до отвала наелся щей, дала кусочек сахара и потихоньку спать на печку отправила. Федот и понять не успел, как у него в одной руке оказался стакан с самогоном, а в другой — пышные формы самой Алевтины.

В то время в деревнях стало модно патефоны иметь и пластинки на них крутить. Так у Алевтины эта страсть сразу после первой шла. Завела она пластинку и снова к Федоту на лавочку поближе уселась, а евою руку на прежнее место к себе положила. Сидят они так чинно, самогонку из кружек цедают да из патефона песенки разные слушают.

Тут Алевтина и говорит:

— Чтой-то вы, Федот Федорович, молчком сидите, даже разговоры не разговариваете?

А Федот действительно больно уж неразговорчив, хоть бы какое слово вымолвил. Нет, не дожدهмся. Тогда Алевтина решила опять инициативу в свои руки взять:

— Вы, Федот Федорович, у нас, говорят, городским жителем побывали?

— А то...

Вдохновленная тем, что сосед хоть какое-то слово сказал, Алевтина продолжила свою тактику дальше:

— Мне вот интересно, как в городе люди живут-поживают, а то я в ём ни разу и не была вовсе?

Федот вытер губы ладонью, расправил плечи и принялся рассказывать:

— В городе, уважаемая Алевтина Прокопьевна, люди ведут жизнь праздную. Каждый день у них то гулянки, то поминки. По театрам ходят. Это, уважаемая, такая большая изба, куда народу набивается каждый день бесчисленно, — представлению смотреть. Как-то мы со своей бывшей женой тоже соблазнились... Да!

Федот усмехнулся, крикнул, видно, что-то вспомнив в связи с этим, но, однако, рассказ продолжать не стал. Алевтина во все глаза на Федота смотрит, каждым словом его и каждым движением восхищается. «Как вы, — говорит, — интересно все рассказываете, да какие у вас глаза красивые, да какие волосы пышные, а мускулы!..» Вконец Федота смутила, сидит он — этими самыми красивыми глазами хлопает. Никто ему никогда таких хороших слов не говорил.

Стемнело.

Сидят Федотка с Алевтиной рядом друг с другом, свет не зажигают, в полной темноте. Глаза пялят. Наконец Алевтина не вытерпела, схватила Федотку за грудки, прижала к себе и впиалась своими губами в его губы.

А тут и пластинка кончилась.

«Дикобразова-Благообразова-Дунай Екатерина Макаровна».

Так теперь официально именовалась Катерина — бывшая жена Федота, и в паспорте так же было написано. Дунай — это девичья ее фамилия.

Очень такое написание своей фамилии Катерине нравилось: ни в какую анкету, ни в какую графу такая фамилия не влазила. Красота!

В семье Дикобразовых все оставалось по-прежнему. После завтрака Николай Иванович обычно минут десять играл на пианино, затем быстро переодевался и подходил к большому зеркалу в прихожей укладывать ровнехонько на своей голове пробор. Потом, после скромного прощального поцелуя Катерины в щечку, он уходил на службу.

Единственное, что доставляло Николаю Ивановичу неудобство, так это то, что во время причесывания своей «двухэтажной» шевелюры он неизменно за что-то два раза в ней цеплялся расческой. Столько расчесок сломал, если честно. «Что же там такое?» — думает. Уж он и голову свою прощупывал, и Катерина на десять рядов просматривала — ничего не нашли, однако, вот поди ж ты — всякий раз, расчесываясь перед зеркалом, Николай Иванович неизменно за что-то расческой цеплялся два раза в своих дебрях по-над ушами.

И это обстоятельство очень Дикобразова огорчало. Казалось бы, ну что такого — ведь и не мешает же, и не болит. И вспоминает-то Николай Иванович об этом неудобстве только тогда, когда подходит по утрам к зеркалу и тянется к расческе. А иногда даже и в этот момент не вспоминает.

Стал замечать за собой Николай Иванович, что он реже и реже стал подходить к зеркалу для того, чтобы расчесаться. Подойдет к зеркалу, вспомнит о неудобстве, плонет и уйдет на службу непричесанным.

Так что в своем ведомстве всеильный ходил теперь лохматым.

Через какое-то время стали те места у Николая Ивановича на голове, где расческа цеплялась, чесаться. Так чешутся — спасу нет.

Катерина этому явлению очень обрадовалась:

— Даже если и было там у тебя чего, так ежели чешется, значит заживает. Потом короста отвалится и всего делов.

Однако другие на Дикобразова косо поглядывать стали, — мало ли чего может завестись в такой густой растительности.

Даже вождь всех времен и народов нет-нет да и подумает: «Чего это он все чешется, интересно? Может, пока не поздно, избавиться от него, а то перезаразит мне все кадры своими бациллами». И впервые за многие годы их знакомства грубо отчитал Николая Ивановича в присутствии его подчиненных.

Что-то странное происходило на голове у Дикобразова, в его прекрасной шевелюре, и не всем это нравилось, как выясняется.

Прошло две или три недели. А может быть, и месяц. Федот жил теперь на два дома.

Похудел страшно. Одежда на нем прежняя болтается, как на чучеле огородном. Кормиться, живя у Алевтины, он стал лучше, но любовные притязания хозяйки все же давали о себе знать. Чуть выдастся свободная минута, Алевтина Федота скорее в постельку тянет. И хоть женщина она была темная, никаких любовных пособий, явно, не читала, да и не выпускались тогда такие пособия, а хоть бы и выпускались, все одно она читать не умела, — в любви же действовала согласно инстинкту, и что она порой с тем Федотом в постели вытворяла — рассказать, так это просто стыд и срам какой-то.

Федот уж прятаться от нее начал или, допустим, сказывался очень занятым по хозяйству, или кашлять начинал — прикидывался смертельно больным — плохо это ему помогало. У Алевтины всегда находился весомый аргумент против этих отговорок. И если бы не один случай характерный, то участь Федота была бы проста — последовать за всеми остальными полубовниками Алевтины.

Вот как-то вечером выглянул Федот в окошко, и показалось ему, что в его ковчег кто-то юркнул. Какой-то здоровенный мужик вроде бы залез. А немного погодя еще один вскарабкался и исчез в чреве ковчега. Странным это показалось Федоту. Неужто кто в ковчеге обосновался? Подумал так, хотел уж пойти проверить, да

какие-то другие дела его в тот вечер ждали, — может быть, его Алевтина требовательно в постель позвала, так он и не сподобился сходить проверить.

А еще через неделю, опять же под вечер, увидел Федот похожую картину: какой-то мужик пробирается вдоль плетня, через кусты малины лезет, матюгается шепотом, а затем — шаст в ковчег, якобы незаметно. Очень такое зрелище Федоту не понравилось. Пошел он проверить: кто же это там все-таки до чужого добра падок.

Сначала-то по-хозяйски хотел зайти, а потом думает: а вдруг как с палкой у самых дверей поджидают, лихих-то людей много, — решил подобраться крадучись, по пути еще дрын с земли взял, чтоб уж совсем не с пустыми руками идти.

Заходит он, значит, крадучись, а в ковчеге было бы совсем темно, если бы лучина в глубине посуды не теплилась. На этот свет и пошел наш герой.

Подходит Федот почти вплотную к лучине, а возле нее на рваном матрасике сидит человек, весь щетиной заросший, и луковицу ест. Увидел Федотку, руку с луковичей за спину спрятал, зарычал угрожающе.

Раньше-то Федотка этого человека по женской тужурке узнавал, а теперь как узнать? Никаких примет не осталось. Не узнал-таки Федотка Романа Алюминиева. Зато тот Федотку хорошо узнал. Мычит радостно, руками машет: мол, узнал я тебя, Федот, брат ты мой названный!

Федот разозлился. Ему, вишь ли, показалось, что человек этот над ним издевается и насмешничает. Схватил он Романа за шкурку и поволок к выходу, несмотря на то, что оба одинакового роста.

— Я тебе покажу, как гримасничать! — страшает.

А Роман-то и не думал гримасничать, это он так радость от встречи со старым знакомым проявлял.

Ну потом-то, слава Богу, разобрались. Обнялись, как водится. Федот приглашает Романа в избу своей сожительницы. Алевтина, видя такое дело, на стол по-быстрому угощения собрала.

От обилия съестного у Романа ажно голова закружилась. До этого-то он две недели не жравши ходил. Только сегодня вот с отчаяния в колхозном поле луковицу украл, поел. И хорошо еще, что никто не поймал его за этим делом, а то за милую душу указ от седьмого августа применить могли. Сам применял не раз, когда одно время председателем колхоза работал, знает.

Познакомил Федот Романа с хозяйкой. Та на нового мужика во все глаза смотрит.

— Какой у вас аппетит хороший, Роман Романыч, — восхищается.

А Роман Романович, если бы ему две ложки за раз дали, так и этого было бы мало. Жутко проголодался.

Когда же наелся, рассказал свою историю. Читателю большая часть этой истории уже известна.

Оставили мы Алюминиева в тот самый момент, когда захлопнулась дверь камеры за Николаем Ивановичем Дикобразовым.

Сидит Роман Алюминиев, пригорюнился, плохим словом соратников поминает, а особенно бывшего своего дружка Дикобразова. Совсем скис. Слюни и сопли по морде размазывает. Слезы стаканами глотает.

Вот в такие приступы страха случались иногда с Романом чудеса, можно сказать, необыкновенные. Впервые такого рода чудо с ним случилось на баррикадах в 1905 году (в то время Федотка свой унесенный ковчег разыскивал, а познакомился с Романом).

Помнится, разбили тогда казаки Романову баррикаду, один он остался. Отстреливался, сколько сил и патронов хватило. А как кончились патроны, сел он тогда в этом хламе, со всех мест стасканном, и горько заплакал. Не за себя плакал, за не сбывающиеся чаяния рабочего класса и всего человечества. Столпились казаки над этим вселенским горем, винтовками Роману в морду тычут. Тот сначала даже и не понял, какая угроза его жизни над ним нависла. А когда понял, тут-то и испугался по-настоящему. Глазки зажмурил. Да как еще крепко зажмурил-то.

И представил себе в воображении свою родную деревню, где все свое детство провел. Матушку с папенькой вспомнил. И так ему хорошо и блаженно стало от таких видений, что, открыв глаза, он вокруг себя никого не увидел — ни казаков, ни кого другого. И главное — сидит он не на баррикаде среди кучи хлама, и не в городе даже, а на какой-то поляне зелененькой. Огляделся Роман по сторонам — это ж родная евовная деревня, что только что ему привиделась. Вот как порой бывает.

А казаки потом еще долго обсуждали: сидел, мол, человек, горько плакал, а затем словно в воздухе растворился. Что за мистика, вашу мать?

Однако следующий случай почуднее был, он своими необычными свойствами от первого сильно отличался. Тогда, если кто помнит, Романа офицеры поймали. Он еще агитацию проводил. Федотка при этом тоже присутствовал.

Как повели офицеры Алюминиева за бугорок, так и понял Роман, что уж теперь-то точно гибель ему неминуемая. Зажмурился сильно. Идет с закрытыми глазами, обо все, что ни попадая, спотыкается, а перед глазами, в темноте, та же самая картинка: дом родной, из которого ушел в двенадцатилетнем возрасте делать революцию, на крыльце папаня с маманей стоят, а вокруг природа красивая и главное — пруд, где купался с другими пацанами и во-от таких карасей таскал.

Сделал Алюминиев с закрытыми глазами еще пару шагов и прямо со всего размаху в воду упал. Скорее глаза открывать, глядит — в пруду плещется. Откуда ж вода? На позициях, где только что агитацию проводил, никакой воды, даже лужи рядом не было, тут же целый бассейн природный. И офицеры с наганами куда-то растворились. А вместо офицеров подходят к пруду Романа Алюминиева папаня с маманей и руки ему подают. «Вылезай скорее, Ромушка, — говорят, — не то застудишься, заболеешь». Смотрит на родителей Роман ошалелыми глазами: «Вы ж умерли давно. Вы же давно в могилах лежите», — удивляется. А они ему: «Нет, — говорят, — ни в каких могилах мы не лежим. Можешь даже посмотреть пойти». Никуда не пошел Роман, только папане говорит: «А что, папаня, — говорит, — караси-то в нашем пруду еще водятся?» — «Водятся. Куда ж им деться. Завтра с утречка сам увидишь».

Провел Роман с родителями весь день, уснул за столом, а когда наутро проснулся, ничего из того, что на медни привиделось, вокруг себя уже не нашел.

Видать, то все-таки красивый сон был, но все же от смерти и в этот раз спасся.

Такие чудеса с Романом происходили не единожды. Стоило ему только по-настоящему испугаться, глазки крепко зажмурить, тут же ему родная деревня мерещилась, папаня с маманей. А как только глазки откроет, сразу в родных местах и оказывается, подальше от опасности.

И вот сидит Роман Алюминиев в одиночной камере, глаза жмурит, шурит, от страха помирает, однако никаких видений, связанных с родными местами, не видит. «Что же такое? — думает. — Неужто не тот случай? Может быть, дар пропал?» В эти полчаса, что дал ему Дикобразов, Роман Алюминиев все передумал. И неожиданно, за пять минут до заявленного возвращения все сильного, к Роману вернулось видение. Правда, теперь это был не родной дом, а совсем даже наоборот, места незнакомые, но вроде бы однажды Алюминиевым виденные. Два дома привиделись, один под красной крышей, посреди огорода какая-то бандура, формами похожая на баклажан, а размерами даже больше рядом стоящих домов. Когда ключ в замке входной двери лязгнул, Алюминиев уже ни о чем больше не рассуждал — что привиделось, то и привиделось, нехай будет «баклажан». И в тот же момент возле этого самого «баклажана» и очутился. А как очутился, так и вспомнил, что это за бандура. Это ж ковчег Федота Благообразова.

И решил Алюминиев, пока суд да дело, в этом ковчеге пожить. Все ж какое-никакое, а помещение.

Вот такая история.

Федот выслушал друга внимательно, однако и тут не очень удивляется:

— Интересная твоя история. Однако кроме тебя в ковчеге еще кто-то обретается. Я в тот вечер два силуэта видел. Один, допустим, был твой, а другой тогда чей?

Роман лишь плечами пожал. Видно, и он не знал. Ковчег-то огромный.

Николай Иванович Дикобразов занимался делом — просматривал список людей, которые в это солнечное утро еще шли по улицам городов по своим, как им казалось, очень важным делам, делали прогнозы на ближайшее будущее и вообще радовались жизни, хотя жизни этой у них, по сути дела, уже почти не оставалось, потому что всемогущий Николай Иванович Дикобразов в это солнечное утро уже сидел у себя в кабинете и просматривал список, в который вносил все новые и новые имена.

Подняв голову к потолку, Николай Иванович ненадолго задумался, потом лицо его просияло, и он довольно резво вписал очередную фамилию. Человеку, который шел в это время по улице и спешил на работу, из-за того, что кто-то где-то вписал его фамилию в какой-то список, даже не икнулось.

А зря.

Критически просмотрев список, Николай Иванович остался недоволен: мало! Не может же быть такого, чтобы враги советской власти отказались от своих мерзких планов вредительства. Значит, те, кто не видит вредителей на своих участках народного хозяйства, сами являются вредителями. Обрадовавшись, что такая нехитрая мысль дает в его список еще порядка полсотни фамилий, Николай Иванович стал с удовольствием эти фамилии записывать.

Но и этого было, конечно, очень мало.

Поглядывая в потолок и почесывая по привычке в темечке, Дикобразов почувствовал, что в том месте на голове, где ему так давно что-то мешало, появились два явственных бугорка. Он подскочил к зеркалу, разгреб руками свою шевелюру и увидел: там, где ему все это время что-то мешало, пробивались рожки. Они были маленькие, можно сказать крохотные, но сомнений не оставалось — это были самые натуральные рожки, какие бывают у телят, козчиков или барашков. Николай Иванович сел прямо на пол перед зеркалом и недоуменно уставился в пространство: «Что же это такое? — спросил он себя. — Откуда?»

Сначала ему пришла нелепая мысль, что обычно рога растут от измены одного из супругов, но это, кажется, всего-навсего народный юмор, шутка, и воочию этого никогда не происходит.

Потом он подумал о том, что, возможно, он очень мало бывает на свежем воздухе и глупеет от недостатка кислорода, и как следствие — рога вроде тех, что носят бараны или козлы. Николай Иванович даже внимательно

ней пригляделся к своему лицу, не стало ли оно походить на баранье или козлиное. Ничего такого он в своем лице не заметил. Тут он вспомнил, что на самом деле бараны и козлы всю жизнь свою проводят на воздухе, значит, отсутствием кислорода не страдают, а все-таки, несмотря на это, рога.

Сидя на полу возле зеркала и собирая в уме всю эту бредятину, Николай Иванович терялся в догадках.

И тут он вспомнил о чертах.

Николай Иванович Дикобразов вспомнил, как в детстве мама (не удивляйтесь, у Николая Ивановича, как это ни странно, тоже была мама) рассказывала ему сказки. В одной из сказок, вспомнил Дикобразов, герой продал черту свою душу и, совершая низкие и подлые поступки, сам в конце концов превратился в черта.

Вспомнив эту сказку, Николай Иванович поднялся на ноги, подошел к столу и упал на стул. «Неужели это и со мной случилось? — подумалось ему. — Но почему?»

Взгляд его упал на только что составленный им список. И он словно заново его прочитал. Вот вписана фамилия. Почему она здесь? Ведь это фамилия старинного друга Николая Ивановича. С ним он жил в ссылке в одном доме, делил постель и еду, а когда они вместе бежали из ссылки делать революцию, спас жизнь Николаю Ивановичу. Почему же эта фамилия в списке?

А вот это имя? Перед этим человеком Дикобразов раньше преклонялся, считал его своим учителем. Почему он в списке?

Ну, положим, этот-то, следующий, вписан сюда правильно — недобитый кулак-мирод, и этот правильно — закостенелый «троцкист», но в основном люди, симпатичные Дикобразову. Почему они в списке?

Поддаваясь порыву, Николай Иванович хотел уже разорвать список, с такой любовью составленный им всего несколько минут назад, и уже схватил листок характерным движением, но вовремя опомнился. Аккуратно составленный список лег обратно на стол. «Нет, нехорошо, — подумал, — все ж таки документ!»

Однако потрясение от обладания рожками было столь велико, что Николай Иванович, если уж у него не хватило духу порвать документ, должен был хотя бы предупредить жертвы о грозящей им опасности. Он поднял трубку телефона. И опустил ее на место.

Потому что онемел от пришедшей в его голову неожиданной мысли: а как же тогда все соратники и сам благодетель? У них уж никак не меньше на совести, чем у него. Почему же тогда у них рога не растут? А может, растут, только он это не замечал никогда?

Николай Иванович спрятал документ в папку, папку положил в стол, запер стол на ключ и, пошатываясь, вышел из кабинета.

Остался Аллюминиев у Федота и Алевтины жить. Так хорошо прижился: валяется обычно на хозяйской постели кверху брюхом — отдувается после сытного обеда. Похотливые Алевтиныны взгляды на себе ловит. Кто-нибудь в гости к хозяевам придет, он сразу в погреб прячется.

А еще, к месту ли, не к месту, пристрастился советскую власть ругать. Чуть что не по нему — советская власть виновата. Вот какую моду взял. Федот с Алевтиной сначала даже никак понять не могли, что он против советской власти ругается, думали — так просто, критикует отдельные недостатки. Роман этот Аллюминиев — он ведь советскую власть не напрямки ругал, — мол, терпеть ее не могу или еще чего, — он ведь ее исподтишка ругал, так, что порой и не поймешь, — вроде и хвалит не хвалит, и ругать не ругает.

Но, в общем-то, Аллюминиев человек был неплохой, особых хлопот не доставлял. Только бездельник был отъявленный, да еще покушать любитель.

Сидели как-то за столом, за вечерним чаем. Роман, отвалившись на спинку стула, отдуваясь и отрыгивая, долго и внимательно наблюдал за стоявшим на дворе ковчегом, а потом неожиданно спросил:

— И все-таки я не понимаю, Федот, для какой холеры ты построил такую громадину?

Федот почему-то сразу засуетился:

— Да ведь разве я тебе не рассказывал, Роман?

Аллюминиев лениво перевел свой взгляд с ковчеха на Федотку:

— Да нет.

— Ну как же, Роман... Это ж мне сон был. Явилась ко мне девушка и сказала, чтобы я ковчег строил.

— И что?

— Я пошел во двор и стал строить...

— И это все?

— А что ж еще-то?

Роман оглядел домочадцев: уж не шутка ли то, что он услышал, и не смеются ли они над ним под тихушку? Но нет, у всех были лица серьезные. Никто и не думал смеяться.

— И для какой же такой надобности ты все-таки его смастерил? — продолжил разговор Аллюминиев.

— Так ведь, Роман, наступит катаклизма, все люди погибнут, а мы вот с Иовистом и Алевтиной спасемся. Тебя тоже прихватит за компанию. Хороший ты человек.

— Ну, спасибо.

Роман еще какое-то время внимательно смотрел на ковчег. В общем-то помещение удобное — сам почти месяц в ковчеге этом прожил, — не жаловался. Потолок не протекает, доски не щелятся — хороший мастер Федот, ничего не скажешь.

— А какой именно катаклизм-то наступит? — спросил он.

— Не знаю, — простодушно ответил Федот. — Просто сказано было — катаклизма.

— Может, всемирный потоп? — не унимался Роман.

— Да не знаю я! — Федот отмахнулся от собеседника как от надоедливой мухи.

Роман лениво зевнул и сказал в пространство, ни к кому не обращаясь:

— У них там, наверно, гидроэлектростанцию прорвет.

Федот лишь пожал плечами.

Аллюминиев, опять взглянув на ковчег, сказал:

— И все-таки я не понимаю.

— Чего же?

— Эта девушка из сна, что же она — часто к тебе приходила?

— Один только раз.

— И ты сразу вышел во двор и начал строить?

— Да. Мне за всю жизнь, может, один этот сон и снился.

— М-да.

Федот недоуменно глядел на Романа. Он никак не мог понять, чего же тот хочет. Не мог понять, почему его поведение вызывает у Аллюминиева столько вопросов. Никто никогда не удивлялся ни необычному сну Федота, ни тому, что он ковчег строит. Уж на что была Екатерина, и то не задавала никаких вопросов. Да и сам Роман до этой поры принимал строительство ковчеха как должное. И чего это он вдруг?

Роман же все не унимался:

— Не могу поверить, чтобы один-единственный сон так жизнь перевернул.

Аллюминиев искренне не мог понять. Революционеров хоть четыре сна Веры Павловны смутили, а тут всего один.

Алевтина, до этого момента молчавшая, сказала хоть и с укором, но с симпатией глядя на Романа:

— Ну что вы, Роман Романович. У человека может быть хобия?

— Что-что?

Алевтина потупилась, как всегда делала, когда произносила непривычное, незнакомое слово, боясь его исковеркать.

— Ну, хобия, хобя, — начала сердиться она, все еще неуверенная, что произносит это слово правильно.

— Хобби, — догадался Роман.

— Ну я ведь так и говорю!

Аллюминиев посмотрел на Федота и Алевтину, перевел свой взгляд на маленького Иовиста, помотал головой, глубоко вздохнул, потом неожиданно сказал:

— А пожалуй, я еще кусочек этого пирога съем.

У Дикобразова рожки росли, как говорится, не по дням, а по часам. В богатой шевелюре Николая Ивано-

веча они, правда, пока еще не сильно видны были, но ведь это до поры до времени.

Любимым его занятием теперь стало искать рожки и у других работников своего ведомства, а также у соратников. Обычно он подходил к человеку сзади, когда тот сидел, и внимательно осматривал его макушку. Иногда в порыве отчаяния, что не может ничего разглядеть, он начинал шарить у обследуемого им человека в волосах и, все-таки не находя никаких рогов, лез драться. Можно было слышать, как Николай Иванович при этом ругался нецензурной бранью.

Работники ведомства теперь уж совсем стали его сторониться и украдкой вертели пальцем у виска. Соратники стали его побаиваться. Жена Катерина на всякий случай развелась с ним и отеклась от него.

А Николай Иванович был в отчаянии. Ни у кого из тех, кто подвергся его обследованию, не было рожек и в помине.

После того как в доме у Алевтины поселился Роман Аллюминиев, хозяйка к Федоту несколько охладела. Ему, конечно, это и не горе было, да только все равно чувствуешь себя лишним. Собрал Федот украдкой свои пожитки, перешел обратно к себе в дом. Алевтина, правда, ради вежливости прибегала два раза, расспрашивала: «Чего, мол, ушел? Может, на что обиделся?», да Федот разве путно ответит, так и кончилась их любовь.

Решил Федот выследить второго жильца своего ковчега. Больно уж интересно ему стало, кто это тут еще ночует, кроме Аллюминиева. Да только это не так-то просто было сделать. Жилец этот не каждую ночь приходил, а как ему вздумается, видно, под настроение. Но уж и Федот, если ему что в голову втемяшится, будьте уверены, своего добьется. Каждую ночь решил сидеть в ковчеге с мешком и толстой палкой в руке и поджидать.

И как-то раз дождался.

В одну из ночей Федот уже начал клевать носом, вдруг слышит — хруст веток под чьими-то ногами. Кто-то идет, не иначе. Федот насторожился. Когда же в проеме показалась тень, Федот потихоньку к ней подкрался и, недолго думая, накинул на голову ее обладателя мешок, а чтобы не сильно противился, ткнул еще палкой по темечку. Потом оттащил свой груз в дом и, нагнувшись над лежавшим без памяти человеком, при свете лампочки решил получше его разглядеть. И чуть не вскрикнул от удивления.

Вообще-то, если помнит читатель, Федот никогда ничему не удивлялся, моды у него такой не было. Но, живя уже довольно долго в этой стране, где удивляться приходится буквально на каждом шагу, он постепенно стал изменять своей привычке.

Так что Федот теперь помаленьку тоже начал удивляться, не так, конечно, как другие люди, но все ж таки...

А удивиться было чему...

Перед ним в неудобной позе в беспамятстве лежал сам Николай Иванович Дикобразов собственной персоной, бывший сосед Федотки.

Николай Иванович медленно приходил в себя, — видно, Федот сильно приложил его палкой. Почесывая затылок, он сел на полу и огляделся.

— Где это я? — первое, что он спросил.

Потом он заметил Федота, и вторым его вопросом было:

— А кто вы?

Но Федот не стал отвечать на эти вопросы, а задал свой:

— Как же вы в ковчеге оказались, Николай Иванович? Неужели ж вас со службы турнули?

И тут к Федоту зашел его друг Роман Аллюминиев. Правда, была уже глубокая ночь, и время вроде бы неподходящее для визитов, но Роман, целыми днями отсиживающийся у Алевтины в доме или, если этого требовали обстоятельства, в погребе, всегда выходил размять ножки по ночам. И поскольку у Федота в комнате горел свет, — решил его навестить.

А как только зашел, не успев даже произнести заранее придуманную приветственно-шутливую фразу, так и наткнулся на сидевшего на полу Дикобразова, который все еще недоуменно оглядывался.

Роман не стал выпрашивать у Николая Ивановича, как он здесь очутился, и пребыванию его на полу в доме у Федотки не стал удивляться, словно такое поведение было в порядке вещей, а подскочил к нему и стал методично пинать Дикобразова, приговаривая:

— Я тебе покажу, как в рыло кулаком бить!

Человек, сидящий на полу и страдающий от несправедливых побоев, решил, что если он еще немного помедлит с объяснениями, то будет либо изрядно покалечен, либо, учитывая ярость избивающего, забит насмерть. Поэтому он закричал:

— Я не Дикобразов!

Но избивающий его мужик в ажиотаже этого не слышал.

— Я не Дикобразов!!! — громче и как-то нараспев вскричал человек на полу.

Федот остановил Романа:

— Стой, Роман. Он что-то говорит.

— Да что он может говорить? — с досадой огрызнулся Аллюминиев, заноса ногу для очередного пинка.

Увидев, что битье прекратилось, человек, сидящий на полу, в полной тишине повторил:

— Я не Дикобразов.

Алюминиев чуть не задохнулся от возмущения:

— Хорошенькое дело. А кто же ты тогда?

Сидевший на полу человек ожил и, поглядывая попеременно то на Романа, то на Федота, начал сбивчиво объяснять.

А дело было так.

Человечка этого действительно звали не Николай Иванович Дикобразов, а совсем даже наоборот — Спиридон Васильевич Ласковый.

Ничем особенным не примечательный, жил себе Спиридон Васильевич обычной жизнью, служил в какой-то заурядной конторе, ну очень уж на маленькой должности — то ли в архиве с папок пыль стирал, то ли еще что — неважно, только все на него обычно смотрели как на пустое место. Бывало, идут служащие, спешат, торопятся, не хотят опоздать на работу даже на пять минут — так ее любят, и обычно по дороге на что-то натываются (Спиридон Васильевич был хоть никем не замечаем, но все же не бестелесен), а понять и увидеть, что за препятствие, — не могут. Обойдут, так и не понявши, на что наткнулись, и опять по своим делам идут.

И жил Спиридон Васильевич незамеченным до тех пор, пока в контору не пришел новый сотрудник. Этот новый сотрудник свежим глазом и заметил Ласкового, да не просто заметил, а как-то в курилке даже обратил на него внимание всех собравшихся (а были там почти все):

— Смотрите-ка! — говорит. — Вон тот мужичонка как на нашего Николая Ивановича Дикобразова похож. Просто вылитый!

Смотрят сотрудники на Спиридона Васильевича, — а ведь действительно похож. И не просто похож, а точная копия. «Где раньше наши глаза были, — думают. — Такого человека рядом с собой не замечали».

Спиридон Васильевич о том, что он похож на железного Дикобразова, узнал лишь на следующий день по поведению сослуживцев.

Сослуживцы в это утро не только не натывались на него, а даже останавливались перед ним на почтительном расстоянии и вежливо улыбались. Кто сгибался в полупоклоне: «Здравствуйте, Спиридон Васильевич», а кто и по-дружески подходил, запанибрата: «Как, мол, здоровье, дружище Спиридон?». Хотя и тем, и другим накануне с большим трудом удалось выяснить, как зовут этого архивиста, или какая там у него профессия?

Когда понял Спиридон Васильевич в чем дело, мысленно обрадовался.

Он ведь, если честно, всю свою жизнь мечтал на кого-то из знаменитых быть похожим. Трезво оценивая свои способности, понял Спиридон Васильевич еще в юном

возрасте, что самому ему никаких высот и славы не добиться, так хоть стать бы похожим на кого-нибудь из великих. Маленький рост его не смущал, так как он придерживался той теории, что все гении были карликами.

Спиридон Васильевич так раздухарился, что решил даже книгу написать, смешав биографии Николая Ивановича Дикобразова и свою. Хорошая книга получилась, душевная. Даже сам Николай Иванович ее в свое время читывал и, хотя она ему очень понравилась, печатать ее не разрешил. Автора же книги перевел в столицу, поселил на даче, окружил вниманием и заботой, выставил охрану.

Жил Спиридон Васильевич на даче безвылазно, не считая случаев, когда его увозили в столицу на бронированном лимузине, ставили в местах большого скопления народа, правда, на почтительном расстоянии, и он с этого почтительного расстояния махал народу ручкой. Потом его опять увозили на дачу.

Вскоре на даче появились еще двойники Дикобразова.

Днем все двойники разъезжались на митинги, пленумы и в другие места большого скопления народа. Там они сидели в президиуме с надутыми щеками и изображали Дикобразова. К вечеру все снова возвращались на дачу и коротали время в рассказах о том, кто и где за день побывал.

Почувствовав, что Дикобразов попал в немилость (а такие вести быстро разносятся), Спиридон Васильевич и другие двойники смекнули, что пора бы бежать с этой дачи.

Сказали и сделали. Но по-настоящему только один Ласковый смог убежать, других выловили.

Рассказал Спиридон Васильевич свою историю, а тут к Федоту в дом Алевтина заходит. Она своего Алюминиева пошла искать, чтой-то он, по ее мнению, где-то надолго задержался. Зашла она в избу и только хотела что-то сказать, может, заругаться на Романа Романовича, как увидела на полу сидящего Ласкового. И поняли Федот и Роман по ее взгляду, что теперь у нее новый предмет воздыханий.

— Что же это вы, мужчина, на полу сидите? — запримечала Алевтина. — Пол же холодный, еще простудитесь.

Так, слово за слово, и увела Спиридона Васильевича к себе домой, а на Алюминиева даже и не взглянула.

Роман почесал в затылке, рукой махнул:

— А ты знаешь, Федотка, оно, может, даже и к лучшему. Я ведь все равно хотел от нее уйти.

Но твердости в его голосе Федот не почувствовал. Что ни говори, а все-таки жалко от такой крали уходить. Она ведь, Алевтина, хоть и неверная, но уж если полюбит, то держись. И такая жаркая, словно печка, так и пышет.

Роман ж...
Он ведь и...
причина, н...
час, конечн...
день все от...
замена ест...
когда сам б...
сают. Обид...

Причин...
Алевтину, с...
этой стране...
кого социал...
бочий и кре...
ционном за...
свернула с...

У Рома...
«правильн...
бирался осу...
в общем и п...
туда, а в др...
ходит, но я...
ев бежать, ...
как говори...
будущее с...

А вот х...
там жизнь?

Звучало...
не думал. Л...
мал, как ос...

Достат...
Ведь спосо...
во времени...
чтобы дол...
очень силь...
испугаться...
малодуши...
ности, а иг...

Наутро...
шил сдать...
ла, ничего...

Все хор...
Федот же,

Просну...
по хозяйст...
ста. Но не...
жал, а пот...
«Прощ...
чтобы с к...
лихом. С...
Алюминие...

Роман же Алюминиев такие слова неспроста сказал. Он ведь и на самом деле хотел уйти от Алевтины. Одна причина, не дававшая ему покоя, у него была. Не сейчас, конечно, хотел уйти, а потом как-нибудь, изо дня в день все откладывал, а тут вроде бы даже повезло — замена есть. Хотя на душе было гадко: ведь одно дело, когда сам бросаешь, и совсем другое — когда тебя бросают. Обидно.

Причина же, из-за которой Роман хотел оставить Алевтину, состояла в следующем: чем дольше жил он в этой стране, тем больше и больше убеждался, что никакого социализма здесь не построено, никакой власти рабочих и крестьян нет. Алюминиев в свое время в революционном задоре даже не заметил, когда и где власть свернула с намеченного пути.

У Романа был план, как построить, по его словам, «правильный» социализм, и он его в скором времени собирался осуществить. Вот в чем его план состоял: поняв в общем и целом, что развитие общества идет куда-то не туда, а в других странах вообще не понятно, что происходит, но явно для него неприемлемое, решил Алюминиев бежать, ни много ни мало, на другую планету и уже, как говорится, с чистого листа начать строить светлое будущее с жителями другой цивилизации.

А вот хотя бы на Марс. Чем плохо? Только есть ли там жизнь?

Звучало это как типичный бред, но Алюминиев так не думал. Лежа бессонными ночами, Роман даже придумал, как осуществить такое путешествие.

Достаточно лишь сильно испугаться. Очень сильно. Ведь способности своей перемещаться в пространстве и во времени при сильном страхе он не потерял. Здесь же, чтобы долететь до того же Марса, просто надо очень-очень сильно испугаться. А где еще можно так сильно испугаться, как не в подвалах, где он уже был? Только не малодушничать, как в прошлый раз при первой же опасности, а играть до конца.

Наутро, все еще раз хорошо взвесив, Алюминиев решил сдать власть. Теперь, когда Алевтина его бросила, ничего больше не держало Романа на этой планете.

Все хорошо обдумав, Роман завалился спать на лавку, Федот же, как обычно, лег спать с Иовистом на печку.

Проснувшись утром, Федот поделал кое-какие дела по хозяйству и даже не заметил сначала, что лавочка пуста. Но не удивился, может, Алюминиев по нужде побегал, а потом увидел записку:

«Прощай, Федотка. Улетаю на Марс. Желаю тебе, чтобы с ковчегом у тебя все получилось. Не поминай лихом. С революционным приветом твой друг Роман Алюминиев».

Отношения Дикобразова с хозяином стали совсем плохими, и чем дальше, тем все хуже и хуже становились. Раньше Николай Иванович понимал хозяина с полуслова, с полвзгляда даже, а теперь что ни скажи, что ни сделай, тот все недоволен.

Чтобы вернуть былое расположение вождя, Николай Иванович готов был сфабриковать любое дело. Из пустяка он готов был раздуть процесс на всю страну.

И вот тут-то он вспомнил о Федотке и Романе Алюминиеве, о которых в последнее время, если честно, забыл.

Дикобразов даже забежал по своему кабинету, до чего ему понравились собственные мысли. «Только надо подойти к этому делу тонко, — думал Николай Иванович. — Федот только выглядит простаком, а сам хитрющий!»

Дикобразов проработал у себя в кабинете всю ночь, а на рассвете у него был готов план грандиозного заговора. Даже жаль его такого кропотливого труда, потому что в это утро за ним пришли.

89

4

Расстреляли Николая Ивановича. Впрочем, это мог быть и не Николай Иванович, а его двойник.

По свидетельству одного из исполнителей расстрела, некоего Вдовушкина Ипата Терентьевича, родом из Смоленской области, деревни Верхние Чувичи, расстреливаемый Николай Иванович за несколько секунд до выстрелов грустно сказал: «А я даже и не Дикобразов». Больше никто из исполнителей приговора этой фразы не слышал.

Известно также, что Роман Алюминиев попал-таки в подвалы ведомства. Что-то он специально сделал, чтобы туда попасть: то ли письмо Самому написал, где называл его самыми последними словами, то ли еще какую хитрую придумал — неизвестно. Но попал.

По свидетельству одного из исполнителей расстрела — Вдовушкина Ипата Терентьевича, родом из Смоленской области, деревни Верхние Чувичи, расстреливаемый Роман Романович Алюминиев за несколько секунд до выстрелов куда-то исчез. Больше никто из исполнителей приговора этого исчезновения не заметил.

Да и был ли на самом деле этот Вдовушкин Ипат Терентьевич?

Да и есть ли в Смоленской области эти самые Верхние Чувичи?

А Федот Федорович Благообразов жив остался и дальше стал жить. И ковчег его остался на прежнем месте.

г. Кемерово

СВЕТИЦА

Анастасия ЖУКОВА,
15 лет, г. Кемерово, шк. № 80

МАМА

Смотрю в окно... Зимнее утро, голубое небо, а на нем облака, пухлые, как горки муки, которые насыпали бы в воскресенье на стол мамыны руки, если б она сама была со мной. Мы лепили бы с ней пирожки или пельмени, все равно — что, лишь бы вместе.

Но я сижу одна в белой холодной комнате и смотрю в окно, за которым другой мир. Мне хотелось бы назвать его добрым, но ведь он скрывает от меня мою маму. И те пирожки, которые кажутся особенно вкусными только потому, что называются «домашними»...

Я в детском доме... Все вокруг знакомо до последней нити паутины, и потому я смотрю в окно. За ним облака, на которых хотелось бы уплыть к маме. Если б это случилось, я сказала бы ей, что мне ничего от нее не нужно, даже пирожков, только бы она сама была рядом. И улыбалась бы, как тот лучик. Какой забавный... Это знак? Привет, дружок, ты от мамы? Я соскучилась, передай ей это! И беги, беги скорее на небо, здесь страшно и темно, потому что мне никто не улыбается...

Солнце встало и, сразу проснувшись, прилетела птичка с красной грудкой. Это веселый цвет, но я почему-то вижу, как краснеют лица девочек, когда мы ссоримся, и кто-нибудь из них кричит, что на самом деле моя мама меня бросила. Я им не верю. Что они знают? Я каждый день вижу маму на небе, она чистая, голубая, там все такие. Она ничуть не похожа на тех, кто бросает своих детей. Она ни на кого не похожа.

Пока я рассказывала это снегирю, пришла злая туча. Она грубо растолкала облака, как делают старшие мальчишки, и след от небесной муки легко растаял, как поцелуй мамы, которых я пока не дождалась. Как тесно сердцу внутри, оно вырывается. Я иду к тебе, слышишь, мамочка?! Больше нечего ждать. Тучи не уйдут сами... Я иду... Плыву... Лечу...

Ксения ШАПТАЛА,
16 лет, г. Новокузнецк,
эстетическая гимназия № 32

ПОД ТОЛЩЕЙ МАСОК И ОКОВ...

Под толщей масок и оков,
Привычная к насмешке,
Живет команда дураков,
Живет, не зная спешки.

Одни в подъезде на трубе,
Другие в стенах тира
Сидят, закрыв пути к себе,
Сидят, не видя мира.

Они как будто в пелене,
Глаза уже их слепы,
Как марсианин на Луне,
Они закрылись в склепы.

22.05.2000 г.

НОЧЬ

Сегодня ночью тишина,
Сегодня ночью мрак.
На небе бледная луна
Надела черный фрак.

Закрыли глазки все зверьки,
Лиса нашла приют.
И не видать в кустах ни зги,
И птицы гнезд не вьют.

31.07.2000 г.

Дарья АКУЛОВА,
17 лет, г. Новокузнецк

* * *

На то, чтобы любить тебя,
Мне разрешения не надо.
Тебя не трону больше взглядом,
О безответности скорбя.

XXXXXX
XXXXXX
3...
Не разрешай стихи писать
И перестань ночами сниться.
С балладою о райской птице
Я подожгу свою тетрадь.

И только сердце вновь и вновь
Колотится все с большей силой.
Ты можешь не прощать мне, милый,
Неразрешенную любовь.

* * *

На что синица мне в руках?!
На что журавль в облаках?!
На что мне соловей в саду?!
На что мне лебедь на пруду?!
На что кукушка мне в тайге?!
На что мне сокол на руке?!
На что мне феникс в пепле дней?!
На что орел в душе моей?!
На что почтовый голубь в срок?!
Мне ворона бы между строк!

Андрей ГУБИН,
15 лет, г. Новокузнецк, шк. № 55, 106

РАЯ

Он студент. Его, прощая,
Понимает только Рая.
Но когда она страдает,
Он ее не замечает.

Выйдя ночью на карниз,
Смотрит он с презреньем вниз
На машины и людей,
На мерцанье фонарей.
Жизни шлет свои проклятья.
Целый мир к нему в объятья
Мчится ветром и дождем,
Небесам молясь о нем.

Он... лишь руки расправляет,
Гордо прыгнув, оставляет
Все, что бережно хранил,
Ненавидел и любил.
Но летит к земле в надежде,
Что все будет, как и прежде;
Разбивается на части.
Может, горе или счастье,
Но он помнит об одном —
Что опять вернется в дом.

А наутро, боль скрывая,
Босиком выходит Рая,
Собирает все куски,
Чтоб укрыться от тоски
И слепить все воедино,
Словно он — всего лишь глина...

...А когда надоедает,
Рая, плача, убегает
От студента и всего,
Что напомнило б его.

Только снова он не может
Без нее найти покой.
День и ночь себя тревожит...
...Где ты, Рая, ангел мой?

12.07.2000 г.

ЛИСТЬЯ

Взгляд косой — и листья просят:
Пусть их больше не уносит
Ни ветрами, ни метлой,
Оставляя за собой
Ряд былых воспоминаний,
Чьих-то слез и ожиданий.

2.09.2000 г.

СНЕГ

Снег с утра искринки мечет.
Снег над пропастью щебечет.
Я узнал его молитвы,
Проявляя негативы
Старых снов, давно забытых
И от разума сокрытых.

Татьяна ДМИТРИЕВА,
17 лет, г. Юрга, колледж

Я РАСКРАШУ НЕБО

Я раскрашу небо
в краски лета,
В яркие палящие цвета,
Чтоб летела к этой
бездне света
Юности наивная мечта.

Я раскрашу белый снег
в зеленый,
В цвет надежды
чистый, как всегда,
Ну а лед на озере
бездонном —
Перекрасит талая вода.

А потом раскрашу
лето в осень,
Осень в зиму,
а затем опять...
Так и буду, пока
сердце просит,
Акварели эти
рисовать.

* * *

Отговорило, растаяв вдали,
Шумное детское лето.
И затерялись мои журавли
В сказочном времени где-то.

Я не заметила, как за спиной
Детство вдруг двери закрыло.
Та же тропинка и домик с резьбой,
Лишь где-то ключик забыла.

Те же зеленые елочки в ряд
Почти поднялись до крыши.
Со мною, как раньше, они говорят,
Но я их уже не слышу.

Юлия АЛЕКСЕЕВА,
16 лет, г. Кемерово, shk. № 94, 11в

* * *

И все же грешен мир,
И все же он порочен.
И грешники — все мы,
И каждый жить так хочет!

* * *

Все прошло. Лишь осенние листья,
Закружившись, упали на грудь.
Все прошло. Только синие птицы,
У которых потухшие лица,
Мне сказали: Тебя — не вернуть!
Все прошло. Лишь в надежду мне верится,
Что когда-нибудь, где-нибудь, вдруг
Наша ссора, как ветер, развеется,
Станем снова подруга и друг.

Анна АРЫШЕВА,
16 лет, г. Кемерово, shk. № 44

КОРАБЛИКИ

В небе плавают кораблики.
А куда они плывут?
Может быть, к далекой Африке,
Где слонята и жирафики
В гости их к себе зовут.

Но летят, летят кораблики
И торопятся в полет...
Может, их в холодной Арктике,
У торосов, в красном шарфике
Белый медвежонок ждет.

И, наверно, на корабликах,
Что летят издалека,
Словно белые журавлики,
Ты пришлешь мне из Галактики
Рифмы нового стиха...

ПОТОМУ ЧТО МЫ РАЗНЫЕ...

журналист Александр ЗАЙЦЕВ
беседует с председателем Совета народных депутатов
Кемеровской области Геннадием ДЮДЯЕВЫМ

А. З. И нынешнюю, и прошлую жизнь мы с вами, Геннадий Тимофеевич, знаем не понаслышке. Вы многие годы руководили сельскохозяйственными организациями, мне тоже несколько лет довелось заниматься в газете «Кузбасс» вопросами сельского хозяйства области. Казалось бы, все знакомо. И вместе с тем в поведении наших народных избранников в Госдуме и кабинете министров мне, например, не все понятно.

Недавно Госдумой принят предложенный правительством непопулярный в народе Земельный кодекс. Мне кажется, ситуация напоминает недоброй памяти беловежский сговор трех ренегатов, вопреки воле 80-ти процентов населения расчленивший великую страну на 16 осколков, которые до сих пор так и не стали пока самостоятельными величинами. К чему, по Вашему мнению, может привести это пренебрежение интересами большинства населения страны? Ведь именно вопрос о земле беспокоит сегодня селян больше, чем множество других нерешенных и нерешаемых проблем...

Г. Д. Беда наша в том, что в высших коридорах власти, к сожалению, все имеют зачастую приспособленцы и, как Вы выразились, «перевертыши» — люди, в зависимости от обстановки легко меняющие свои убеждения и пристрастия. По вопросам использования земли и трудовых отношений в стране, мне думается, нужен был всенародный референдум. Ведь депутаты Немцов, Хакамада, Боровой и наши кузбасские, проголосовавшие за принятие Земельного кодекса, — это еще не весь народ, а всего лишь представители крупного капитала и проправительственных блоков и групп. Кстати, о наших кузбасских избранниках. Когда мы за них голосовали, они торжественно клялись защищать в Думе интересы Кузбасса. Областной Совет народных депутатов единогласно проголосовал против принятия Земельного кодекса. Наши же госдумовцы, зная об этом, одобрили недоработанный закон.

К чему все это может привести? Я думаю, в конце концов к дальнейшему углублению недоверия народа к правящим кругам, к отчуждению и даже вражде друг к другу разных социальных групп населения, к дальнейшей дестабилизации обстановки в стране. Основным недостатком принятого Земельного кодекса я считаю разрешение свободной купли-продажи земли иностранным гражданам и лицам без гражданства, как, кстати, считается большинством населения страны, и в передаче «Есть мнение»,

охватывающей 5 регионов — наших соседей, — это было убедительно показано на мониторах. Подавляющее большинство населения высказывалось против продажи земли иностранцам. В окончательном варианте кодекса никаких ограничений для них нет. Очень расплывчат вопрос перевода земли из одной категории в другую. Например, сельскохозяйственной, не подлежащей продаже, в другие, на которые запрет можно обойти. И самое главное — не принято во внимание мнение регионов. А оно, как у нас в Сибири, так и по всей России, с параграфами кодекса согласуется не везде...

А. З. Сразу же после принятия Земельного кодекса по телевидению выступил министр экономического развития Греф. Он не скрывал ликования: наконец-то можно перейти к цивилизованным формам ведения хозяйства, в частности к широко распространенной на Западе ипотеке — залогов недвижимости под долгосрочные ссуды, к упорядочению в использовании земель. Ведь до этого кто как хотел, так ими и пользовался. Теперь же земля обретает рачительного, заботливого хозяина. И тут, похоже, с ним нельзя не согласиться. Посмотрите, что творится, например, в селе Барачаты, расположенном на берегу большого красивого водохранилища. Невдалеке от плотины выходы из близлежащего зарубежья понастроили вычурные дома-замки. Они окружены монументальными кирпичными заборами и колючей проволокой, уходящей далеко в воду. Дальше по берегу такие же строения возвели «новые русские». Тут и личные причалы, и индивидуальные купалки-нырялки. Посторонним, каковыми самостоятельные помещики считают всех прочих, проход по берегу водохранилища полностью перекрыт. Может быть, новый кодекс поможет навести порядок в Барачатах?

Г. Д. Такую же картину я наблюдал на одном из живописнейших озер Алтая: часть побережья заплели колючей проволокой хозяева роскошных коттеджей. Но никаких кодексов тут не требуется. Порядок могут и обязаны навести местные власти. Ведь это просто попустительство районной и сельской администраций, землеустроительных, природоохранных организаций. Что касается грефовских рачительных хозяев земли, то тут с ним может согласиться разве только человек, абсолютно незнакомый ни с вопросами землепользования, ни с историей нашей страны.

Почему, например, ничего не получилось у премьера Столыпина, хотя некоторые демократы типа саратовского губернатора Аяцкова утверждают, что он якобы был великим реформатором, и даже собираются ставить ему памятники? Потому что Столыпин, не понимая уклада жизни и характера русского человека, взялся насаждать по всей России опыт крестьян прибалтийских губерний, живших и работавших разобщенно. Лев Толстой назвал стремление реформатора расселить русских крестьян по

отрубам и хуторам «выгораживанием» чуланчиков. Столыпин безусловно остался в народной памяти и в российской истории. Но не преобразователем, а всего лишь «автором» арестантского «столыпинского» вагона. Его реформы, кстати, как утверждали современники, вызвали протест крестьянства и приблизили крушение самодержавия...

В совершенно противоположном направлении, по пути американского стандарта, пошла реформатор нашего времени — академик Заславская. Ее, ударными темпами воплощенная в жизнь идея укрупнения совхозов и колхозов и создания «агрогородов» уничтожила тысячи деревень в России, нанесла огромный вред сельскому хозяйству, привела к отчуждению от земли и вынужденному переселению в города миллионов потомственных хлеборобов и животноводов. А «агрогородов» так и не получилось...

Отдавали целые совхозы в частные руки «рачительных» хозяев. Пока государство валило в эти поместья неограниченные льготные ссуды, они, по мнению перестроенной прессы, процветали. Но как только иссяк поток щедрой государственной подпитки, хозяйства быстро пришли в упадок... Нет, вовсе не в индивидуальности заключается благополучие на земле...

А. З. Но и не в глобализации сельхозпроизводства, как показал «опыт» Заславской... Где же, на Ваш взгляд, золотая середина?

Г. Д. Мне кажется, ее сегодня нет и вряд ли она в обозримом будущем появится.

Десять лет назад очередные перестройщики решили, опять же в масштабах всей страны, заменить совхозы и колхозы индивидуальными фермерскими хозяйствами. «На пятом году реформ, — писала газета «Кузбасс», — удельный вес фермерских и единоличных хозяйств составил в областном производстве сельхозпродукции: по мясу — 0,4, по молоку — 0,7, по яйцу — 0,1 процента». Сейчас, спустя еще пять лет, положение вроде бы чуть-чуть лучше, но бесконечно еще далеко от задуманного идеала. Товарным производством занимаются лишь 130 из 3000 фермерских хозяйств. Остальные едва сводят концы с концами, обеспечивая продуктами питания лишь самих себя.

Некоторые фермеры объединяются на основе родственных или товарищеских отношений, создавая подобие колхозов. Есть и такие, что используют наемный труд. Когда-то мы называли таких людей кулаками. Сейчас другая обстановка, и мы уже не те максималисты, какими были в 30-е годы. Америка, например, гордится тем, что два миллиона ее фермеров кормят не только свою страну, но и еще полмира в придачу. Но это не совсем так. Во время сезонных сельскохозяйственных кампаний на обширных фермерских угодьях трудятся многие миллионы наемников да плюс к этому десятки опять же привлеченных со

стороны подрядных специализированных организаций. Так что американского фермера, даже по нашим былым меркам, кулаком назвать нельзя. Скорее, он — организатор, шеф крупного товарного государственного производства. И помогает ему фактически вся страна. Наши сторонники купли-продажи земли, и Греф в том числе, обходят лукавым молчанием тот факт, что и в Америке, и в других преуспевающих странах мира сельское хозяйство получает огромные (иногда до 70%!) государственные дотации.

Наши же реформаторы с самого начала перестройки сочли сельское хозяйство дармовой дойной коровой. Создали небывалую диспропорцию цен — один к пяти — в пользу промышленности. За первых три года «реформ» из села были выкачаны десятки триллионов рублей (в старых ценах), изъяты все оборотные средства. Почти в десять раз сократился объем вносимых на поля удобрений, на 80—90% от бывлой мощности снизилось производство сельскохозяйственной техники, в 1300—1400 раз выросли в селе расходы на горюче-смазочные материалы и электроэнергию. И это свидетельство не нашей отечественной оппозиции, а компетентного наблюдателя со стороны — одного из руководителей германской организации аграрного хозяйства Дитера Ишпара. Вот что писал он в 1996 году в газете «Нойес Дойчланд»: «Четырехлетний итог аграрной реформы в России является однозначно негативным... Существует опасность, что неконкурентоспособное село будет скупаться богатыми горожанами и иностранцами, а земля может стать предметом спекуляции»... К сожалению, такая опасность с принятием нового кодекса не уменьшается.

Путем разорительных проб и ошибок мы, кажется, приостановили стремительное падение промышленности. Но для возрождения села пока ничего существенного не сделали. Передача земли в частное владение тут не панацея. Греф делает вид, что в этом сложном деле открывает Америку. Но ведь давно всем известно, что по Конституции 1993 года у нас законно существуют разные формы собственности. Владей, но не торгуй, не спекулируй... Главное: суметь толково распорядиться вверенной землей, использовать ее в интересах всего общества, а не только для алчного набивания карманов незначительной и не всегда лучшей части населения.

А. З. Есть и еще неплохой опыт ведения сельского хозяйства — в Израиле. Ведь их кибуцы — это зеркальное отражение наших колхозов. И работают они отлично. А мы свои разогнали... Может, вернуться на хорошо знакомую, торную дорожку? Кстати, такого же мнения придерживается и нынешний вице-премьер Гордеев.

Г. Д. Я согласен: кибуцы — хорошие хозяйства. Но это чисто еврейская форма сообщества людей, близкая к

коммуне. Не случайно Израиль называет себя социалистическим государством... И корпорации американских фермеров хороши, и шведские обособленные частные хозяйства очень эффективны. Вспомните, как хорошо рассказал о них наш марининский земляк Чивилихин...

Но ни Греф, ни Заславская не учитывают и не понимают нашего национального, русского фактора. Не понимал этого и русский по национальности Столыпин. На Руси, еще до рюриковских времен, люди жили и работали общинно. Мы ведь — не Флорида, и на нашей суровой земле иначе, в одиночку, пропадешь. Исстари и работали, и жили русские крестьяне коллективом, называемым деревней. Из деревни идет в наше российское общество все самое совестливое, все самое духовное и светлое. Нынче в конце лета встретился я в одной из деревень с любителем, вырастившим у себя на дворе великолепные цветы. Ну вот, ударят морозы, говорю ему, и пропадут прекрасные клумбы. Не жалко труда будет? Нет, отвечает. Это для души. Поет она у меня при виде природной красоты, и силы для других дел прибавляются... Уверен, таких крестьян ни в прагматичной Германии, ни в самодовольной Америке вы не встретите...

Нет. Коллективизм труда в деревне неистребим, как бы его ни старались упразднить прозападные депутаты и министры. Нас нельзя подгонять под американский или европейский стандарт, чем постоянно занимались российские «преобразователи». Мы разные. В Америке — наемный труд. Но там у них — благодатные субтропики и стабильные урожаи. Это оправдывает и стимулирует наемную сезонщину. У нас, в зоне рискованного земледелия, твердой гарантии урожая нет. И наемник в неблагоприятный год просто не придет. Отсюда между прочим в царской России и крепостное право выросло... В Америке сезонный рабочий живет в городе, и ему, кроме почасовой оплаты, от земли ничего не надо. У нашего крестьянина село — и место работы, и среда обитания — дом родной. Именно из деревни, из постоянного общения людей с природой проистекают лучшие черты русского характера: доброжелательность, стремление к взаимопомощи, сострадание. Отсюда, наверно, упорное нежелание крестьян расставаться с коллективной организацией труда.

Яркий пример этого показали работники колхоза «Сибиряк» Чебулинского района. Жители Усманки наотрез отказались переименовывать свой колхоз (коллективное хозяйство) в какое-либо ООО. Нынче здесь превосходно оправдала себя самостоятельно проведенная колхозом перестройка. Известно, что полная занятость людей в деревне бывает лишь во время полевых работ и сезонных кампаний. Зимой же делом заняты лишь животноводы. Общее собрание решило общественный скот раздать по

дворам, задействовав таким образом все население. А на посевной, сенокосе, уборке урожая, то есть там, где требуется концентрация всех технических средств, работать всем вместе на неделимом колхозном поле. Другими словами, создано интегрированное хозяйство нового типа. Но животноводы при этом не фермеры-одиночки. Колхоз обеспечивает их всем необходимым: стройматериалами, кормами, топливом, вплоть до необходимой ветеринарной помощи и сбыта продукции. Всего за два года этой «реформы» здесь резко поднялась урожайность полей и продуктивность скота. Мне думается, что у этого новшества есть будущее на нашей кузбасской земле.

Мы уже на практике убедились, что фермерское хозяйство, имеющее в собственности 15—20 гектаров земли, не эффективно. Поэтому нет смысла плодить их и поддерживать. Хотя и препятствовать мы не имеем права. Они в конце концов сами образуются и найдут в существующем у нас многообразии форм подходящую для них дорогу. Ну есть у нас, например, фермерское хозяйство, занимающееся производством перепелиных яиц. Ну и пусть себе живет и здравствует, пока есть клиентура, потребляющая этот экзотический продукт. Но есть и крупные, хорошо оснащенные, современные предприятия для всех. Посмотрите, какие очереди выстраиваются на губернском рынке за высококачественной и сравнительно недорогой продукцией крестьянского хозяйства Волкова. Я лично стопроцентно за таких «реформаторов», как Волков, как председатель «Сибиряка» Селетников. Ведь под их руководством работают большие коллективы людей, для которых безразлично, куда и к чему их ведут...

Разные формы труда — коллективные, фермерские, единоличные — сохранятся еще долго. Пока мы не нащупаем самые эффективные из них. Но и сегодня уже ясно, что третировать общественное производство не только глупо, но и вредно для страны. Мы в деревне наделали массу грубейших ошибок. Надо их исправлять. Решать вопросы реструктуризации задолженности, искусственно навязанной ельцинской перестройкой, приводить в порядок цены на продукцию машиностроения и обновлять машинный парк, возрождать культуру земледелия и животноводства. Одним словом, сообща вытаскивать село из долговой ямы, в которую столкнули его ретивые перестройщики. Потому что без села ничего у нас не получится — ни социализма, ни капитализма. Оно всегда было, есть и будет в России всему началом. Давайте будем любить село. Недаром же поется в одной хорошей песне: «Тебя называю по имени-отчеству, святая как хлеб, деревенька моя»...

г. Кемерово

ОЧЕРК

Евгений ЛЕВШОВ

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

Не ум главное, а то, что направляет его, — натура, сердце, благородные свойства развития.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Первая весна нового тысячелетия: солнце светит уверенней; греет жарче, надежнее. На серых, недавно заваленных грязным снегом газонах сквозь замшелые остатки прошлогодней травы пробиваются изумрудные ростки новой жизни. Пробуждается природа. И у людей, земляков-сибиряков, на душе светлеет. Холода-морозы, метели-бураны — позади. А впереди — целое лето и океан надежд...

Выйдешь утром из дому, запрокинешь голову — небо лазурное колышется, перламутром переливается: красота! В такие погожие денечки как никогда ощущаешь волшебство единения с природой, со всем сущим. Чувствуешь необъяснимый восторг и думаешь: какое счастье — жить на белом свете. И непоколебимая вера во все светлое и справедливое пронизывает тебя насквозь, до самой маленькой твоей клеточки...

Пролетели очередные выборы над кузнецкой землей. Замечательно, что прошли они разом, без проволок. За неделю порешали с отцами-командирами и — за дела. Да еще кучу средств сэкономили. Мы не обвешавшаяся дензнаками столица, для нас каждый миллион — решенная проблема, проблема выживания. Как у кого, у нас выбор сделан однозначно: у 94 из 100 — полное единодушие. Значит, не надо кому-то себя ломать, соглашаться с нежелаемым. Значит, проку от суммы наших действий будет больше, быстрее и с меньшими затратами решать будем свои трудности. А их после десятилетия изуверских опытов «прозападных экспериментаторов» под руководством властолюбца-маразматика, кроивших новейшую историю по живому: прямо по судьбам и жизням, еще предостаточно.

Получше чуточку жить стало, точнее, не так безнадежно бедно, как, скажем, три года назад. Проблемки возрождения и стабильности наметились: в промышленности и на селе что-то налаживается; педагоги и медики выпрямляются... Но далеко еще, очень далеко до того,

что все мы понимаем под благополучием. По-прежнему основная часть населения — у нищенской черты и в любой момент может ее переступить. По-прежнему треть кузбассовцев, а в основном это старики и дети, неприспособленные к жестоким «правилам» навязанного сверху рынка, откровенно голодает. И это при том, что в стране продуктов с избытком хватило бы для втрое большего населения. По-прежнему бизнес и криминал — синонимы. По-прежнему беспросветная коррупция в должностной и служивой среде. По-прежнему, а вернее, с углублением процветают пьянство и наркомания, а смертность вдвое превышает рождаемость, что прямой дорогой ведет к депопуляции нации. По-прежнему растет число бездомных и опережающими темпами, несмотря на несомненный рост различных программ по защите детства, число беспризорных детей. По-прежнему, прикрываясь лозунгами о свободе печати, со всех телеканалов нас призывают к неумному потреблению, насилию и хамству, халяве и скотству. В стране полновластно воцарилась идея — из всего сущего извлекать материальную выгоду, а мерилom счастья становится «всеобщий эквивалент» — деньги...

Помнится, в школе классная руководительница читала нам книгу, где один из персонажей во время Отечественной войны, отучившись в летной школе, отважно сражался с фашистскими асами, закончил войну офицером, героем и с ранениями. Ну а второй персонаж тем временем отсиживался на продуктовом складе, куда попал по протекции. Целым и невредимым, без ранений и наград, в звании сержанта закончил войну. Зато питался вволю. А на прилипавшее к рукам у раненых, искалеченных передовой фронтовиков выменивал сапоги, одежду, часы, а то и медали с орденами.

В те годы не было ни в классе, ни в школе, ни, уверен, во всей нашей великой стране ни одного мальчишки, который бы с презрением и омерзением почти на генном уровне не относился бы к тому сытому ублюдку-сержанту. Точно так же, как не было ни одного из нас, кто без почтения, благоговения, любви и обожания относился бы к офицеру-герою, защитнику Родины, воину и мужчине. А сейчас? Сейчас эти самые коптерщики-кладовщики, спекулянты-барахольщики, люди с философией сержанта-шкуры буквально всюду на первых ролях. Сейчас они в преуспевании и почете. Сейчас и порядки устанавливаются как раз для таких сержантов: преуспе-

вают те, к
произведе
ной идеол
гать несо
ский наст
стать бога
проводят
имеющим
ные люди
ные хотят
сколько об
в завтраш
признак н
родные за
пер» и «ги
мальность
традиции
ненормал
нельзя по

Лото, и
ют все...»
чем проиг
выигрыш
за счет др
«за счет д
лософию
детей на
заботитьс
дается эт
всеми СМ
и радиоп
размеще
выживани
в день дл

Безос
на уровне
кофе, пив
жизнь. Ч
обходимо
научивши
забугорн
психичес
зависимо
перь, есл
«дары», т
ущербны
дировани
ми», «дир
этими да
мацевти
циально
нейтрали
«Переел
желудка

вают те, кто ничего не производит, а отирается возле произведенного другими. А главная линия государственной идеологии стала заключаться в том, чтобы разжигать несоразмерный с личными доходами потребительский настрой. Нас убеждают в том, что все мы мечтаем стать богатыми и для того, мол, нынешние правители проводят реформы. Но ведь неправда это! Богатыми, имеющими больше, чем требуется, хотят стать ненормальные люди: властолюбцы, подлецы и негодяи. Нормальные хотят всего лишь жить в достатке: иметь столько, сколько объективно надо, и, разумеется, с уверенностью в завтрашнем дне. Достаточность, а не избыток — вот признак нормальности. На нормальности зиждятся природные законы. А все, что выпирает за ее рамки, все «супер» и «гипер», едва сверкнув, отмирает. Именно нормальность и умеренность провозглашают религии и традиции всех народов со значимой историей. А вот на ненормальности — идее всемерного обогащения — нельзя построить благополучие всего народа.

Лото, лотерея, казино... «выигрываете вы, выигрывают все...». Да ничего подобного. Все проигрывают. При чем проигрывают без надежды на отыгрыш. Надежда на выигрыш в казино или лотерее — это философия жить за счет других. Кто же тогда выиграет, если все норовят «за счет других»? А самое горькое, эту смертоносную философию с благословения власти насаждают в умах детей наших. Тех, кто в скором времени должен будет заботиться о старших — о нас с вами. И главное, насаждается эта философия с государственным размахом всеми СМИ за исключением ряда оппозиционных газет и радиопередач. И все прикрываются необходимостью размещения рекламы для выживания. Ну а если «для выживания» требуют, как в мифе, по девушке или юноше в день для скормливания «Минотавру»?..

Безостановочная ложь с телеэкранов: вдалбливание на уровне кодирования нашим детям, что без жвачки и кофе, пива и подгузников, прокладок и колготок жизнь не жизнь. Что масса фармацевтических средств — это необходимость для «цивилизованного» человека. Дети, не научившись говорить, уже лопочут стишки о прелестях забугорных товаров. Еще не научившись соображать, уже психически искалечены навязанной им телеиндустрией зависимостью от «даров» западной цивилизации. И теперь, если у них не будет возможности приобретать эти «дары», то они, «прокодированные», будут чувствовать себя ущербными, неполноценными. И потому, подчиняясь «кодированию», будут травить себя «спрайтами», «сникерсами», «дирами»... а язвы, запоры, циррозы, вызванные этими дарами, будут лечить гигантским арсеналом фармацевтических забугорных новинок. «Новинки» эти специально и созданы регулярно перебегающей нацией, дабы нейтрализовать последствия чрезмерного потребления: «Переел — съешь «Мезим», который, как известно, для желудка не заменим». Ну не естественней разве просто

не переедать? Тотальная реклама, особенно на ТВ, как наиболее проникающая, разжигает в первую очередь животные, низменные чувства. Можно только догадываться, сколько зарабатывают на нашем облапошивании поставщики «незаменимого», если за минуту рекламы на ЦТ отваливают до 90 тысяч долларов.

Десять лет нас усердно превращают в информационную помойку. А теперь хотят превратить еще и в помойку для ядерных отходов. Разлагали, душили информационно, теперь пытаются задушить физически — радиацией. И хватает же совести у «государственных мужей» доказывать, что утилизация мировых ядерных отходов — дело для России исключительно выгодное. Возможно, господам от власти, живущим в Европе, выгодно поганить какую-то Сибирь или Дальний Восток: они от этого солидные прибыли поимеют. А что в стране еще один «Чернобыль» появится, никого не волнует — далеко от их кабинетов и дач. Но нам-то Сибирь и Дальний Восток не «какие-то», а самые что ни на есть родные и близкие. Нам здесь жить, детей и внуков растить. Не согласны мы мировое дерьмо разгребать. А приспичило кому из господ столичных зарабатывать на утилизации, так пусть у себя в московских кабинетах «утилизуют» все, что хотят.

Чем, как не личной заинтересованностью кого-то из высокопоставленных можно объяснить то, что повсеместное разграбление цветных металлов уже нанесло колоссальный ущерб стране, однако до сих пор законодательно не пресекается. Заняты все: и жулики, и охранники, и те, кто восстанавливает обворованное производство, и те, кто стимулирует воровство. Страна нищает, жизнеобеспечение сел, городов, целых регионов постоянно под угрозой, а правителям и дела нет — Совет Федерации отклоняет проект закона о запрете на вывоз цветмета из страны. Ссылки на то, что могут быть якобы нарушены права «предпринимателей от металла» в этой ситуации выглядят издевательски. В государстве страшная беда, катастрофа, так делайте же что-нибудь, господа руководители!

В стране, под завязку наполненной финансовыми проблемами и безработными, высшие чиновники предоставляют миллиардные заказы по украшению золотом-серебром цитадели главного правителя, минуя собственных талантливейших мастеровых, сомнительным иносфирмам, у которых и расценки в десятки раз превышают все мыслимые пределы. Вот уж действительно — дело перво-степенное...

Какое может быть уважение к власти, допускающей, а часто и стимулирующей уничтожение вековых национальных устоев и сложившейся национальной экономики? К власти, насаждающей скопированные у «заморского эталона» криминальные порядки, грабящей по ним собственный народ и «всеми фибрами» стремящейся в обожаемый ею «цивилизованный Запад» — рожать там,

лечиться, учиться, отдыхать... а потом и навсегда? И после этого власть от простолюдинов требует рекрутов в армию, непонятно, чьи интересы отрабатывающую. Но разве может сохраниться патриотизм в государстве, где высшим руководством сделано все, чтобы его не было? После десяти лет «реформ», начатых с развала большой родины, у каждого из нас, разумеется, остались сыновьи чувства к малой родине: селу, городу, району, области. Но вот ко всему государству — большой вопрос. По общему мнению, мы утрачиваем понятие родины в принципе. Каждый человек из идей и мыслей, относящихся к жизни в обществе, выбирает главную и подчиняет ей все другие. Десять лет назад у всех нас была такая идея — строить, укреплять и украшать свою родину, свою страну, свою жизнь в этой стране. И не потому эта идея потерпела фиаско, что несовершенна. Наоборот, идея замечательная, во всех религиях мира, пусть иносказательно, но проповедуется. А потому, что высшее чиновничество, большей частью не обращающее никакого внимания на то, какой идее служит, «развилось» на бездуховной ниве до дисгармоничного с обществом состояния — до абсурда. И теперь это же чиновничество научает нас сверху эгоизму, возведенному в ранг абсолюта. Ну и, соответственно, при выборе между патриотизмом и личной выгодой предпочтение сейчас, как правило, отдается последнему. А наши законы в такой важной области, как интересы государства и военная служба, при методическом разрушении веры в справедливость этих институтов, практика показывает, неисполнимы. Свою семью, дом, общину пойдут защищать каждый. Но государственность, лидеры которой не раз обманывали своих сограждан, а собственных детей всячески оберегают от несения воинской службы в руководимой ими стране, защищать охотников становится все меньше. И как бы ни строжились блюстители, пытаясь по законам, которые сами с легкостью обходят, заставить народ служить государству, ничего не делающему для этого народа, проблема будет лишь усугубляться. Не секрет, что подчинение «золотому тельцу» довело служивых до того, что «правоохранители», глазом не моргнув, догола раздевают попавших в беду сограждан, а военные начальники так обкрадывают своих солдат, что те с голоду мрут. А если выживут, то их запросто могут продать в буквальном смысле за деньги врагу!

Что выгоднее, исходя из элементарной логики, приучать миллионы к безальтернативности эгоизма, к распущенности в потреблении, к мысли о «естественности» насилия и безнаказанности проступков, о престижности жить «на халяву», а потом создавать несметные отряды специальных служб, дабы пресечь антиобщественные деяния с малолетства приученных к насилию и халяве? Или сразу эти миллионы настраивать на честную, справедливую, если хотите, благородную жизнь? К сожалению, уже сегодня ясно различимы плоды такого приуче-

ния. В общественном транспорте молодые, сильные сидят, и совесть ни у кого не шелохнется уступить место старикам. Хоть помирай у них на глазах. И уж совсем несуразно добиваться от воспитанных в таком ключе любви к родине — миллионам... стариков.

Сейчас важно не столько «прозрачность» бюджета демонстрировать — эта мера свою задачу выполнила, сколько добиваться справедливого распределения бюджетных средств на местах. Пора не хронику преступлений являть народу — в открытости областной власти все убедились — а реакцию на эти преступления. И мнение самого преступника о собственном проступке через год, десять... двадцать лет. Нужна «хроника расплат» за преступления, программа «Расплата»! Ведь у нас, атеистически воспитанных, бытует устойчивое мнение, что вообще-то можно «противоправствовать», лишь бы удалось скрыть как следует. Так пусть неискушенные регулярно убеждаются в обратном, в том, что ни один преступник не пожелал бы себе вновь встать на тот путь, на который встал когда-то по незнанию природных законов расплаты. А вдобавок узнают от осужденного, чем или кем он за тот свой опрометчивый шаг заплатил. Кого или чего он навсегда, безвозвратно лишился. Какую жуткую, непомерную цену назначила ему судьба за отступление от жизни установленных норм. Что каждый преступивший всем сердцем мечтает вернуться в состояние «до того как». Любой из расплатившихся в своих исповедях сразу обозначит природную закономерность: все преступления, как бы тайно они ни готовились, как бы тайно ни совершались, рано или поздно, но обязательно будут наказаны Высшим судом. Наказаны непредсказуемо и «всемерно» больнее, чем претерпели его жертвы. Чтобы дети неслышленные не стишки про «йогурты» вслед за рекламой повторяли, а легко бы ориентировались, какими платами оплачиваются гадкие делишки.

Для многих ТВ своего рода «ликбез»: с «дореформенных» времен считается, что здесь только правильные вещи толкуют. И вдруг «правильный» источник обрушивается на россиян потоки лжи и скверны, доходящие до маразма...

Известный тележурналист А. Невзоров сказал, что телевидение никогда не сможет дать чистую правду. Всегда это будет информация тенденциозная, учитывающая позицию владельца телеканала. Скорее всего, так оно и есть: независимость СМИ — пустой звук. Всегда у конкретного СМИ — конкретный хозяин-содержант. Но если у государственной власти существует хоть какая-то ответственность за моральный облик своих граждан, то у частного содержанта никакой ответственности и быть не может. Объективно влияние народа на формирование государственного аппарата имеет место быть, например, через выборы президента и парламента. А вот влияния на частных владельцев СМИ — никакого. Получается, что любой владелец возвращает удобную для

своего бизнеса аудиторию. А свобода слова, «мученически» отстаиваемая журналистами, — это не что иное, как «свобода» нести в массы установки владельцев. Народ же как не имел никакой свободы, так, в условиях «демократии по-ельцински», ее и не имеет. К примеру, профессиональному писателю часто невозможно рассказать через отечественные СМИ о своем отношении к действительности. В то же время любой канал плотно забит неопишуемой галиматией: одних «мыльных опер» по семь штук на дню, а чего-то стоящего, порядочного, патристического — не дождешься. Оторопь берет, когда после трансляции очередной гадости или глупости вдруг слышишь: «по заказу Общественного Российского телевидения». Тут и гадаешь, какая такая «общественность» этот бред да наверняка за несусветные деньги заказала?

И с какой стати законная власть самоустранилась от воспитания собственного народа? Почему она отдала основополагающий в любом обществе пласт человеческой жизнедеятельности в руки любого дельца, способного купить канал? Ясно же, платежеспособность дельца и его нравственные кондиции — понятия, ничего общего не имеющие. Только государственная власть, осуществляющая законное водительство обществом, имеет право формулировать и реализовать информационно-воспитательную позицию для всех СМИ, обслуживающих подвластный ей народ. А также ясно и четко установить то, что для ее народа и государственности неприемлемо ни за какие коврижки. У нас же пока: то, с чем власть обязана бороться, она за деньги рекламирует на всю страну (реклама пива, например). Как это называется, любой взрослый безошибочно скажет.

Отсюда новости культуры — это «раскрутка» платежеспособных «звезд». Мифы об их талантливости, сплетни о личной, в том числе интимной, жизни. А «звезды» эти, какую ни возьми, с не внушающими у нормальных людей доверия социальными и телесно-физическими странностями. У них даже прием своеобразный сложился: собственной аномальностью потребителя завлечь, чтобы он платил побольше за лицезрение уродства. И мы все, хотим того или не хотим, дабы прикоснуться к «высокому искусству», вынуждены любоваться дебилами-имбецилами, дегенератами, сексуальными отклонистами: трансвеститами и эксгибиционистами, которых не в храмах культуры, а в музеях показывать надо.

Думается, новости культуры не в том, что заезжая, обычно из сытого центра, «раскрученная» поп- или рок-звезда, часто с сомнительной репутацией, прибыла за миллион-другой наших земляков поразвлечь. А, например, в том, что в Кедровке слесарь в возрасте под пятьдесят вдруг неплохие, призывающие к добру и справедливости, рассказы стал публиковать. А неизлечимо больная девочка из Кемерова солидный сборник душевных, утонченных стихов издала. А мальчишка-безотцовщина из клуба «Маугли» Кемеровского культурного

центра, невзирая на известную беспризорность, прилично учится, художественную школу заканчивает, танцами усердно занимается и является одним из лучших единоборцев клуба по рукопашному бою. Парень этот, несмотря на гигантский перевес не в его пользу, как-то не задумываясь, на защиту малыша встал. В этом истинная культура и высокая нравственность проявляются, а не в том, что владелец телеканала или столичный продюсер, должно быть, с целью снижения «шокового порога», навязывают. Посмаковать картинками скотского секса, ловкого безнаказанного воровства. Притерпеться к видам убийств, множества смертей. И слова, и музыка, и сюжеты — все приучает к терпимости преступного. У многих этот «порог» уже ниже всех допущений, многих не естественность и гармония, а уродство, мерзость и жестокость привлекают. Добиваются владельцы и продюсеры своего, воспитывают среду для своего бизнеса. Продируются на уровень «нормы» зрелища смертей и скотства. В результате власть, многократно увеличивая штаты репрессивных служб, в астрономических масштабах повышая финансирование и технические возможности этих служб, отлавливает откликнувшихся на такую «норму» и коверкает им судьбы в отместку за то, что те, в свою очередь, тоже согласно таким «нормам», уже кому-то попортили жизнь. Невмешательство власти в воспитательный процесс своих граждан можно расценить как провокацию: разрешая агитировать, а часто и сама агитируя за распушенность и вседозволенность, наказывает ею же сагитированных.

Пропаганда западного образа жизни разбила нас на отдельные «эгосы». Каждый — только за себя. Мы все ускоренно перестраиваемся с выживания нацией на выживание по отдельности: личностью-семьей. Не стало единой общности людей. Не стало единого народа. Все помельчало: и деньги, и души. Утрачены душевные отношения. Нет милосердия, нет сочувствия. Вместо них — скидки на медобслуживание ветеранам, единственная «вина» которых в том, что они воспитаны ныне охаянным государством в честности, справедливости, неприятии подлости. Но пришли «реформаторы» — чубайсы и гайдары, подлость и бесчестие возвели в ранг «доблести». Теперь все поставлено на бездушную экономическо-юридическую основу: болен, искалечен, попал в беду — какая разница! Не положено юридически — и тебе как... Ладно бы юридическая сторона как положено исполнялась. Так нет: большая часть законов исполняется в прямой зависимости от величины кошелька нуждающегося в исполнении — компонента, ничего общего с законностью не имеющего. Одни нарушают закон с уверенностью в безнаказанности, другие вынуждены самостоятельно защищаться от произвола доступными средствами. Порой защищаются гораздо жестче, чем обошлись с ними обидчики. СМИ должны быть контролируемы не только юридически, но и моралью общества.

Чуть полегче стало жить, точнее, выживать простому человеку в благословенном Кузбассе. Заметно, что кое-какой порядок удалось навести в области за предыдущий отчетный период. Но теперь, когда задачи выживания переводятся в программную плоскость, здравомыслие и принципы самосохранения подсказывают, пора нам с главными жизненными целями определяться: или туда, куда нас призывают телеканалы — к омерзительным, противоестественным зрелищам и усладам, к грабежу и жизни «на халяву», или к природному, Богом установленному двигаться.

Каким бы ни был «прозрачный» бюджет, а в результате навязанного главенства денег над всеми другими сторонами жизни, попадая в дальнейшую распределительную систему, сумма, «засвеченная» в «прозрачном» бюджете, распределяется далеко не справедливо, да уже и не «прозрачно». И главврач получает в двадцать раз больше, чем просто врач, а директор — в тридцать раз больше, чем рабочий. Чем это объяснить? Может, гигантскими энергетическими затратами верхнего руководства, в результате которых им на восстановление требуются гигантские же средства? Нет, конечно. Объясняется все проще: поголовной жадностью и беспринципностью. Что, в свою очередь, порождено недопустимым снижением совестливости, духовности, культуры. И напрасно многие не увязывают свои личные и семейные несчастья с несправедливой служебно-производственной деятельностью. Все здесь очень тесно связано. И некого потом винить, кроме себя, когда в разбогатевшие на несчастьях других дома входит страшная беда: аварии, травмы, неизлечимая болезнь, безвременная смерть. И гибнут близкие, любимые, родные...

«Реформаторы» пытаются убедить, будто каждый из нас имеет равные шансы для того, чтобы стать, например, миллиардером. Это как супермногого, суперпроизводительно должен работать гражданин, чтобы зарабатывать в миллион раз больше, чем любой другой житель той же страны? Не может этого быть по чисто физическим закономерностям. Здесь или юриспруденция государства надуманна, ненатуральна. Или такой гражданин обманывает своих соотечественников. Объективно такого не может быть, нравственно не должно быть. Зато, как выясняется, может быть по специально подготовленным «реформаторами» нормам. Индивидуум, работающий в миллионы раз продуктивнее, чем все остальные — это абсурд. Пока мы этот абсурд терпим в силу нашей непроходимой дремучести-бескультуры. Но однажды он, как и все надуманное, лопнет. И грозит это, как показывает история, страшными да с огромными жертвами «разборками». Сейчас вопрос не в производстве. Производить мы будем, куда денемся. А в человеческом, справедливом распределении произведенного. Чего одним лишь увеличением численности контролирующего чиновничьего аппарата, который за годы «реформ» при значи-

тельном сокращении населения и так вырос вдвое, не добиться. К примеру, пишу эти строки, на улице жара — плюс 35. В домах окна — настежь, а батареи продолжают «жарить» что есть мочи. В чем тут дело? Оказывается, распоряжение от принимающего решения к исполнителю через несметный чиновничий аппарат медленно движется. Очевидно же, тут дело совсем не в материальных трудностях.

Философы, ученые давно пришли к выводу, что всем в этом мире управляют идеи — образования нематериальные. Соответственно и человек так устроен: сначала идею сформулирует, а затем ее реализовывать станет. Но любая человеческая идея на чем-то базируется, на каких-то наблюдениях. И если через мозг и сердце человека ежедневно прогонять изрядное количество сцен несправедливости (чем и занимаются наши СМИ), то он, принимая их за основу взаимоотношений, в конце концов придет к мнению, что главное в жизни — урвать побольше. А потому не в официальных отчетах, при нашем-то проверенном лидере, нужна «прозрачность», а в сердцах людских, чего невозможно добиться лишь администрированием. Здесь в силах помочь только врачевание души да совести известным с незапамятных времен способом — возрождением именно своих, специфичных национальных традиций и культуры. Специфичные они не по чьей-то прихоти, а по причине географических и исторических особенностей государства. Никогда чужие традиции и культура, какими бы они ни казались привлекательными, не смогут стать родными. И средства на восстановление и развитие своего, национального, просто грех жалеть. Вернутся они многократно умноженными. Ну надоело, честное слово, жить по-чужому: в сплошной броне, в решетках и без намека на мораль! Должен же быть какой-то противовес всеохватному поклонению материальной выгоде. И формирование такого противовеса обязана возглавить нами же — народом избранная власть на всех уровнях. Ведь до чего дошло, медики «за так» только здороваются, а все медобслуживание сводится к вытягиванию с пациента максимальной оплаты. Лечебные процедуры устанавливаются не по кратчайшему пути к выздоровлению, а по самому трудоемкому: «лекарство и процедурно-затратному», то есть наиболее дорогому. Чем грозит выжимание денег из больных, причем тотальное, мы скоро в полной мере почувствуем на себе. И на многих промышленных предприятиях производственные схемы выстраиваются в угоду личной выгоде должностных лиц и их родственников, и часто в ущерб самому производству. Ну а лидируют в этом подспудном грабительском беспределе денежные воротилы. Не получая реального — кроме говорильни на кухне — отпора от народонаселения, банкиры за десять лет три раза начисто обобрали все это самое народонаселение, точнее, всех вкладчиков страны, за исключением «приближенных к власти». А теперь вместо того

с вдвое, не
ице жара —
продолжа-
азывается,
исполните-
ленно дви-
териальных

у, что всем
нематери-
ен: сначала
ать станет.
руется, на
сердце че-
ество сцен
МИ), то он,
конце кон-
урвать по-
ри нашем-
ость», а в
ишь адми-
о врачава-
ых времен
ецифичных
ичные они
ических и
огда чужие
ались при-
редства на
ного, про-
множенны-
: в сплош-
ь! Должен
оклонению
ого проти-
ом избран-
по, медики
служивание
альной оп-
не по крат-
у трудоем-
», то есть
е денег из
й мере по-
ных пред-
ются в уго-
венников,
идируют в
денежные
оворильни
иры за де-
мое наро-
за исклю-
место того

чтобы искать пути к полному расчету с теми, за счет кого живут, банкиры без зазрения совести возводят роскошные офисы, разъезжают на крутых иномарках, посещают фантастически дорогие курорты и получают зарплату в восемь раз больше производителей материальных благ. По данным нашего облстата, весной в сельском хозяйстве зарплата составила чуть больше 1000 руб., а в финучреждениях — 8001 руб.! Боюсь, добром это не кончится, спросит с нас история, ой как спросит...

Невозможно постоянно растущие и разветвляющиеся межличностные отношения регламентировать только юридическими нормами и инструкциями. От веку нам дано всего 10 заповедей: не убий, не кради... почитай отца и мать твоих... Знай только, соблюдай все десять и не нарушишь ни одного нынешнего закона, описанного многостатейными кодексами. Все 360 статей Уголовного кодекса нашей страны — это лишь уточнение десяти Божеских заветов. И чем дробить эти статьи на составляющие, проще соблюдать первородные десять. Что достигается строительством каждой души. Не будем отстраивать души на богоприродных принципах — выйдем. Что отчасти уже происходит. У нас теперь на пять рожденных десять усопших. А одним из самых процветающих, судя по рекламе, стал бизнес в сфере ритуальных услуг! И если на большую власть, на объевшуюся, насквозь порочную столицу надежд никаких — недаром дальновидные правители (в Казахстане, например) переносят свои столицы на свежие территории, — то задачу возрождения народонаселения необходимо решать на местном, региональном уровне. А большой власти, к которой на сегодня и веры-то никакой (она ни одного, даже самого «результативного» разрушителя страны и не пожурила — все, как один, несмотря на миллионные потери в людях, многомиллиардные потери в средствах, здравствуют и льготами царскими наделяются), помочь в состоянии только чудо или перенос столичных служб в населенный пункт с остатками духовного, а главное, с минимальной коммерческо-деловой занятостью, дабы свести на нет соблазны для госчиновников путать общественно-государственную деятельность с личной предпринимательской. Ведь сейчас жирующая Москва, сконцентрировав в своих закромах свыше 90% всех средств России, как никогда оторвана от жизни и нужд всей страны.

Кстати, у нынешнего «мирового эталона» — США — сверхбогатый мегаполис Нью-Йорк — только деловой центр, а город поменьше и победнее — Вашингтон — административный, управленческий.

Годичной давности признание центральной властью некоторых ошибок, может, и несло очистительный для совести властителя характер. Но признавать ошибки — одно, а кто будет последствия хотя бы той же варварской приватизации нейтрализовать? Когда правитель возглавил ограбление собственного народа: десятки мил-

лионов сограждан довел до нищенского существования, миллионы детей лишил детства и будущего, стариков превратил в разбитые невзгодами убожества, а единичкам бессовестных позволил овладеть всем. Когда внешний долг России составил сумму в 150 млрд долларов, при котором все россияне, в том числе и новорожденные, вдруг стали должны Западу по тысяче долларов каждый. Когда правитель является прямым виновником непрекращающейся кавказской бойни и после этого «дьявольского пиршества» получает как памятник абсурдности умопомрачительные привилегии и почести — это ни в какие ворота не лезет! Должен быть всенародный суд такому руководству, дабы властолюбцы знали, что их действия тоже подконтрольны. Вспомним результаты референдума за сохранение страны в первоначальном виде. Мы за «их» рынок не голосовали, но он навязан. О какой демократии может идти речь, ради которой якобы все эти жертвы за счет других? Кто-то сказал: «...демократия — это когда народ может послать власть туда, где находится сам!». По крайней мере — справедливо.

101

Складывается устойчивое мнение, что нас пытаются подогнать под американские стандарты, а может, сделать из России пятьдесят первый штат (?). И культуру, и спорт, и армию, и парламент, и самоуправление — все под их аршин. Но ведь наши достижения, национальным духом и традициями порожденные, во всех областях всегда были на передовых позициях. Мало того, были и позаметнее американских. Да не потому США самые богатые в мире, что организованы лучше, а потому, что менталитет у них самый эгоистичный, самый преступный. Государство это, начиная с первых дней своей истории, беспрепятственно грабит все и вся: и аборигенов континента, и друг друга, и природу, и все прилегающие территории, а потом и все другие прочие государства, теперь уже независимо от их удаленности. Экономика тут построена на рабстве и насилии, на горе и трупях миллионов несчастных. И уж потом под эту страшную экономику страшные же, абсолютно бесчеловечные юридические правила подведены. Однако история показывает: все империи, насилующие окружающие народы, даже если они провозглашены демократическими, в конечном итоге рассыпаются в прах. Всегда находится сила, способная, даже призванная нейтрализовать агрессивность. Сила эта, как и закон всемирного тяготения, неподвластна людям, можно с ней соглашаться или не соглашаться, учитывать или игнорировать, но она объективно, независимо от нашего мнения, существует. Сила эта — Закон Эволюции, Закон Поступательного Развертывания Вселенной и ее частей. Все, что угрожает такому развертыванию, демонтируется и уносится в переделку. Недаром США — это одна из «искупительных» территорий, где природа установила «очистительную» процедуру: регулярные, с частотой 1400 раз в год, всеразрушающие ураганы «Торнадо». А выносят эти «Торнадо» из бюджета США

столько, сколько России с нынешними экономическими возможностями за сто лет не собрать. Пророк сказал: «Горе тебе, опустошитель... Когда кончишь опустошения, будешь опустошен и ты; когда прекратишь грабительства, разграбят и тебя» (кн. Исайи, гл. 33, ст. 1).

Россия никогда не сможет жить по скопированным у Запада порядкам. Генетически не сможет. Хотя бы в силу своего географического расположения. Мы на три четверти — в широтах с суровым климатом: нам и отапливаться надо девять месяцев в году, что уже не дает возможности на равных соперничать со странами, проповедующими исключительно рыночные отношения. В себестоимости любого нашего товара обязательно «сидят» существенные отопительные затраты. Исходя из той же суровости климата, у нас и межличностные отношения, и менталитет особенные. Россия — страна общинная: мы всегда опирались друг на друга, жили и защищались «обществом». И всегда ставили общественное выше личного. И не потому, что мы, славяне, такие уж правильные, а исходя из всеобщей выгоды. Если россиянин в любом деле ищет напарника, то американец — надежную технику и выгодную технологию. У них, американцев, и житейские нормы какие-то не человеческие, а скорее, машинные: больше, быстрее, сильнее... А вопрос «для чего?» часто биологически неоправдан. Выходит, умники, пытающиеся американизировать Россию, не просто насаждают у нас их порядки, а разрушают тем самым вековые духовные накопления нации — культуру России.

Именно культура через раскрытие разных сторон и в положительных, и в отрицательных явлениях как раз и подводит нас к прочувствованной необходимости творить добро. Культура — это не что-то надуманное образованной «прослойкой», а естественная категория, тысячелетиями вырабатываемая всем народом, оправданная эволюционно: жизнотворно и жизнеразвивающе. Это Богом указанная система выживания человека — существа, принципиально отличающегося от животного, полностью управляемого природными инстинктами и обстоятельствами. Культура — это прежде всего атмосфера в умах и сердцах, а потом уже отображение в материале. У нас же, в результате хронического невнимания властей к формированию такой атмосферы, высокая литература в загоне; в чести лишь «порно и мордобойный» ширпотреб. Театр — весь в проблемах. Кино — на задворках мировой кинематографии. Отечественный спорт служит поставщиком спортивных талантов за бугор. Помнится, в добрые времена вся страна болела за свою сборную по хоккею с шайбой. И сборная отвечала высшими мировыми достижениями. А теперь чемпионат мира даже не показывают, зато ежедневно долдонят об играх в Североамериканской НХЛ. Учреждения культуры мизерную зарплату по мизеру и отрабатывают: отчеты пишут, ленточки режут, пытаются подрабатывать арендой...

А чиновники при дефиците средств на культуру, похоже, призваны заstopорить любое полезное дело, любую инициативу.

Надо сказать, что культуру нельзя эксплуатировать, как фабрику: вложил рубль, тут же получил два. Дивиденды от вложения в культуру приходят через десятилетия. Культуру, как женщину, надо содержать в достатке, любви и ласке, только тогда она прекрасных детей подарит. А не будешь любить и содержать, получишь уродов и мутантов, не имеющих никакого отношения к культуре, зато способных «делать деньги», вроде фальшивомонетчиков. Сейчас, собственно, это и происходит. Поэты и писатели, если не встали на путь коммерчески выгодной пропаганды потребления, обречены на забвение. Артисты и актеры, если не участвуют в рекламных акциях, обречены на нищенское прозябание. Художники, если не подрабатывают в области дизайна коммерческих проектов, с голоду помрут. Дома культуры, клубы, библиотеки, если не сдают свои помещения и оборудование для разгульных оргий «денежных мешков», обречены на вырождение.

102

Из-за сокращения государственного сектора экономики, несовершенства законов, субъективных причин честных способов зарабатывания денег, необходимых, особенно в городе, для чисто физического выживания, становится все меньше. Эта проблема в большей степени касается людей творчества. Творческая личность должна либо поступиться своим призванием, а все чаще и моральными принципами, либо будет обречена на вымирание. А если и умудрится создать что-то яркое, истинное, высокохудожественное, то это «что-то» обречено на забвение. Выхода на массы, на широкого ценителя нет. Он перекрыт низкопробной, удовлетворяющей сиюминутные, в основном животные потребности, продукцией. Поэтому культуре, как никому, нужна помощь властных структур. Приятно в этой связи констатировать, что наша губернская власть хоть что-то делает для областной культуры. Из областных средств вдвое против общероссийских норм увеличена зарплата работникам культуры. Поддерживаются юные таланты и ветераны творческих цехов. Выделяются средства на издательскую деятельность. Проводятся конкурсы и смотры. Установлены стипендии, формируются призовые фонды. Увеличено число бюджетных мест в вузах и средних учебных заведениях культурной направленности. Но этого еще как недостаточно. Духовность и культура должны стоять на одном из первых мест в ряду забот избранной народом власти. Тогда, само собой, отпадет гигантское количество неразрешимых материало-затратными мерами проблем.

И недаром в эти недавно прошедшие выборы в программах кандидатов на пост губернатора стали появляться довольно емкие, хотя и не всегда ясные разделы по врачеванию духовности и культуры. А один кандидат

попыт
целяю
дата
шевом
неско
отапл
явила
вать к
ния об
удовл
вотной
ловеч
духовн
Бо

в свое
ле нам
бы Бо
испыт
форма
родин
чен Ку
лучие.
благим
почтет
работ
из нас
ме не
ков ус
рому д
добры
вспомн
ники?
«за так

Сф
ко бес
рых чит
и отом
ко мал
жей по
блюде
старуш
вая сем
бизнес
лящий,
семечк
губерн
положе
ласти.
полнил

А ве
ются и
новеси
атров, и
стадион

попытался всю свою программу построить на «душеисцеляющей» платформе. Правда, позиция у этого кандидата пока еще слабая, возможно, неуклюжая, в зародышевом состоянии. Идеи нечеткие, сумбурно объясняемые, несколько удаленные от реальной жизни (кормить-то и отапливать население все равно надо), но позиция появилась на предвыборной арене, и это можно расценивать как робкий, но пробившийся росток нового понимания общественных интересов, заключенных не столько в удовлетворении потребностей физической, то есть животной стороны жизни, сколько в достижении сугубо человеческих целей и ценностей — в совершенствовании духовного наполнения нашего бытия.

Большую власть с ее большими ошибками мы здесь, в своей области, поправить вряд ли сможем. В этом смысле нам остается голосовать обдуманно да молиться, чтобы Бог нас избавил еще от какого-нибудь страшного испытания, например, избрания президентом России «реформатора» типа Чубайса. А вот свою жизнь в малой родине наладить нам под силу. Всем, кому не безразличен Кузбасс, надо хоть что-то вкладывать в его благополучие. Пусть не материальными ценностями, а хотя бы благими делами и мыслями. Если каждый из нас предпочтет «забугорному» свой отечественный товар — заработает десяток отечественных фабрик. Если каждый из нас не совершит по одному дурному поступку, в сумме не надо три миллиона последствий от этих поступков устранять. А если каждый к тому же по одному добродушному делу сделает, то соответственно три миллиона добрых дел сложатся в целый пласт блага. Как тут не вспомнить добрым словом «коммунистические» субботники? Это ж сколько блага мы сообща совсем недавно «за так» делали!

Сфер приложения добрых дел предостаточно. Сколько беспризорных детей с недетскими глазами, в которых читается: «готов на все, лишь бы выжить, а получится, и отомстить сытым взрослым за свое положение». Сколько малолетних проституток и наркоманов? Сколько бомжей по помойкам, вышвырнутых часто вроде бы с соблюдением «норм» и в то же время бесчестно? Сколько старушек нищенствует, подбирая бутылки, приторговывая семечками — занимаясь, так сказать, «незаконным» бизнесом? Хорошо, губернатор — человек здравомыслящий, говорят, запретил правоохранителям бабушек за семечки и петрушку привлекать. А если бы не вмешался губернатор? И бабушек — по рыночным законам, да как положено... Вот бы нарушителей оказалось — треть области. Сразу все нормы по «раскрываемости» перевыполнили бы!

А ведь при всех перечисленных «сколько» у нас имеются и другие «сколько», которые могли бы, пожалуй, уравновесить первые. Сколько клубных помещений, кинотеатров, школьных спортивных залов, летних площадок, даже стадионов пустует большую часть светового дня? Сколько

безработных активных граждан, вполне здоровых морально и физически, способных при соответствующей организации занять, отвлечь, завлечь, чему-то полезному научить и празднично шатающихся «домашних» детей, и сирот-беспризорников? И сколько бы от этого в совсем недалеком будущем было бы пользы? И на сколько бы стало меньше и правонарушителей, и правоохранителей?

Управленцы кузбасских городов вроде бы пытаются создавать для подрастающего поколения что-то придрочное. И деньги с жильцов собираются, и площадки какие-то строятся. Но эти потуги осуществляются, видимо, без чего-то главного, наверное, без душевного наполнения. А потому построенные площадки, несмотря на радужные чиновничьи отчеты, часто сами по себе, а дети — сами по себе.

Видел по телевизору, как наш губернатор совестил глав городов и районов в связи со слабой подготовкой к отопительному сезону. В вину многим из них ставилось отсутствие результата в сборе платежей за коммунальные услуги. Думается, не совсем это так. Результаты есть, но с каким знаком? Почти каждый из тех нерадивых администраторов и сам зарабатывает — рядовому налогоплательщику не снилось. И армию своих родственников пристроил на хлебные должности. Все как учили, каждый нацелен на результат. Только результат сейчас многие видят не в воспитании образованной, культурной, высоконравственной смены, не в вылеченных людях, не в построенных домах, не в добытом угле, не в собранном хлебе... а в количестве полученных любыми путями денег. Отсюда рождающиеся сейчас одна за другой благие программы часто не доходят до адресата, а кормят огромную свору чиновников, отирающих возле этих программ.

Пока отсутствует общенациональная идея, необходимо сформулировать человеческую региональную идею, чтобы поступками кузбассовцев управляли не деньги и нажива, а естественные, богоугодные цели и устремления.

Где-то писали: избранный руководитель, пока не обзаведется требуемым для занимаемого поста авторитетом, вынужден большую часть рабочего времени тратить на мероприятия, связанные с укреплением своего властного положения. Губернатору Кузбасса укреплять авторитет специально надобности нет. Значит, мы вправе надеяться на стопроцентную работу сразу по реализации региональной — кузбасской идеи. И дай Бог единодушно избранному лидеру — еще и команду, сориентированную на восстановление российских традиций, духа и культуры. Той культуры, которая не за мзду, а в силу природной необходимости, в силу законов выживания готовит человека к гармоничному сосуществованию с его вмещищем — Природой и с себе подобными. Материал и связанные с ним трудности появились потом, вначале было слово...

г. Кемерово, май 2001 г.

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Эдуард УГРЮМОВ

ЯПОНЦЫ ВЫБРАЛИ БЕЛОВА

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

«...и тогда он сказал: «Японцы выбрали Белова»...»

104

ИТОГОВ
участник
образова

Система
ни прискор
менее наци
ванной. Сту
низкопробн
вой культу
докультуро

Во многи
по предме
ние», котор
духовные
ют здоров
тела, куль

Минист
зовые шко
го воспита
дителей н
своих дет

Нельзя
го Патри
сия Втор
родные у
получили
культурн
общиться
любви, в
шему на

Мы сч
политики
системе

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ участников третьих Иоанновских образовательных чтений

Система образования в нашей стране, как это ни прискорбно констатировать, становится все менее национально и патриотично ориентированной. Студентам и школьникам предлагаются низкопробные образцы так называемой «массовой культуры», по сути своей являющейся псевдокультурой.

Во многих школах продолжается эксперимент по предметам «Валеология» и «Человековедение», которые попирают традиционные вековые духовные и православные ценности, разрушают здоровье семьи и общества, насаждают культ тела, культ наслаждения и вседозволенности.

Министерством образования включены в базовые школьные программы «элементы полового воспитания», грубо нарушающие права родителей на преимущественное право воспитания своих детей.

Нельзя не прислушаться к голосу Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго, который говорит: «Нужны всенародные усилия... чтобы наши дети и молодежь получили возможность вернуться к духовным и культурным корням народной жизни, вновь приобщиться к святому и чистому роднику веры и любви, в течение почти двух тысяч лет питавшему народы».

Мы считаем, что для проведения в Кузбассе политики, направленной на укрепление как в системе школьного образования, так и во всем

нашем обществе духовно-нравственных ценностей, ориентированных на культурно-исторические традиции нашего народа, необходимо:

— осуществлять активную политику, ориентированную на национальные традиции в области образования и воспитания, исключив обязательное преподавание предметов, направленных на изменение ценностных ориентаций молодежи, к которым относятся различные варианты «валеологии»;

— принять меры, препятствующие распространению продукции средств массовой информации, наносящей вред физическому и нравственному здоровью подрастающего поколения и всего народа;

— осуществлять региональную политику в области средств массовой информации, ориентированную на традиционные духовно-нравственные ценности, культуру и исторические традиции Российского государства;

— включить в образовательные стандарты всех уровней (начального, среднего и высшего) образования предмет «Основы православной культуры» в качестве регионального компонента;

— принять меры по защите русского языка как государственного языка России, среды обитания ее граждан и великого культурного наследия нашей Родины.

От того, сможем ли мы все вместе сохранить и отстоять богатейшую культуру страны, воспитаем ли подрастающее поколение в духе тысячелетних традиций государства Российского, зависит настоящее и будущее нашего Отечества.

Прот. Николай СЕРГИЕВСКИЙ,
руководитель Отдела религиозного образования
и катехизации Кемеровской епархии,
кандидат богословия

ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОБУЧЕНИЯ И НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Задачи в области религиозного образования и духовно-нравственного воспитания на сегодняшний день входят в круг общих задач социального характера, которые стоят перед всей Русской Православной Церковью и, по словам Предстоятеля Церкви, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго, «относятся к первоочередным задачам церковного служения». Этими словами определяется стратегия Московской Патриархии в области религиозного просвещения. Важность деятельности церкви на ниве духовного образования ясно зафиксирована в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви, принятых в 2000 году на Юбилейном Архиерейском Соборе.

Как подчеркнул Святейший Патриарх Алексий, выступая в этом году на IX Рождественских чтениях, «именно добра и милосердия недостает сейчас всему миру, не исключая стран «золотого миллиарда», безнадежно запутавшихся в тенетах потребительской цивилизации».

Сегодня Россия переживает период глубокого духовного кризиса в своей истории. Наиболее остро кризис захлестнул подрастающее поколение как менее защищенное от воздействий окружающей среды и неспособное адекватно реагировать на острые социальные катаклизмы, протекающие в обществе. Мы наблюдаем сегодня, как изменился нравственный облик наших подростков и молодежи: этот фактор активно проявляет себя в росте преступности, причем подростковой, в увеличении числа наркоманов и алкоголиков.

Статистика отмечает в последнее время экспрессивный рост социального сиротства, увеличение числа психических заболеваний, интенсивный распад семейного уклада, катастрофическое уменьшение численности населения. Это уже не социальные болезни локального характера, здесь уже встает проблема национальной безопасности.

Как отметил в своем слове Святейший Патриарх Алексий, «люди, возгордившиеся видимостью многознания, в немалой степени лишились собственного разума, утратили самостоятельность и отчетливость

мышления. Вооруженный всеми наиновейшими достижениями цивилизации, человек не стал добрее. Не умея отличить подлинного от подмены, растерянный индивидум бросается то в цинизм, то в псевдодуховность. Увы, технический и материальный прогресс сам по себе не принес человечеству ни мудрости, ни счастья. Он даже поставил нас на грань выживания сильнее, чем когда-либо».

Давайте посмотрим, на каких духовно-нравственных идеалах воспитывается наше молодое поколение? Оно формирует сегодня свой нравственный портрет на западных «боевиках», фильмах ужасов, дешевых сериалах, низкопробной, а порой и откровенно безнравственной литературе, заводившей уличные прилавки, фанатично следует псевдо- и даже антиискусству, разрушающему и психику, и интеллект подростка.

Наша смена не знает и не может подчас осмыслить таких понятий, как милосердие, сострадание, смирение, жертвенная любовь, христианская добродетель, а порой и вовсе считает эти термины пережитком прошлого либо уделом слабых. Не знает нашей культурно-исторической православной традиции, не имеет в своей жизни высоких нравственных ориентиров для подражания, не воспитывается на примерах жизни великих русских подвижников веры и благочестия, не имеет представления о национальном характере наших великих предков, о людях, прославивших Россию.

Все эти обстоятельства диктуют нам незамедлительно объединить усилия всего нашего общества для борьбы с тем злом, которое вылилось, как из рога изобилия, на Россию в постсоветское время, с приходом политики глобализации; искать кардинальные пути для его преодоления.

Потому с особой актуальностью встает сегодня проблема реформы в системе образования, доминанта в которой должна ставиться не только на обновление содержания образования, приведение образовательных стандартов в соответствие с культурно-исторической традицией, но особое внимание должно быть уделено реформированию воспитательного процесса в системе школьного образования.

Как подчеркнул министр образования РФ В. М. Филиппов, выступая на Рождественских чтениях в Москве: «Отрадно то, что принципы построения новой школы формируются с упором не только на обучение, но и на развитие личности, на воспитание, в т. ч. духовное. Общество вновь поняло и приняло необходимость воспитания, обращения к нетленным истинам христианства и Православия».

Эти важные цели и принципиально новый подход социального служения церкви ставит свои коррективы и в сферу религиозного образования: уделяя принципиальное внимание кардинальному вопросу под-

готовки церковных кадров и совершенствуя церковную систему образования — создать максимальные условия в своих структурах всех уровней, от приходских до епархиальных, для получения необходимого объема знаний о Православной Церкви и ее вероучении каждому желающему человеку. Иными словами, православное обучение должно стать доступно каждому!

Вопрос религиозного обучения с юридической точки зрения рассматривается как реализация конкретным человеком своей гражданской правоспособности в рамках свободы совести, а обеспечение гражданских правовых норм жизнедеятельности человека и защиты его конституционных прав — задача не церкви, а государства. И здесь возникает необходимость создания единой социальной системы по реализации заинтересованными сторонами (в данном случае государством и церковью) гражданской правоспособности в социальном процессе. Отсюда вытекает проблема нормативно-правовой базы церковно-государственных взаимоотношений.

Как отметил в своем докладе на Юбилейном Архиерейском Соборе митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, председатель Синодальной рабочей группы по выработке «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви»: «Нам необходимо сегодня дать принципиальный, богословский ответ на проблемы церковно-государственных и церковно-общественных отношений, поэтому необходимо сформулировать общецерковную социальную концепцию — не партийную, «правую» или «левую», а укорененную в Священном Писании и Священном Предании, следующую в русле и в духе нашей богословской традиции».

Кемеровская епархия решает на сегодня многие задачи социального характера. В епархии разработан системный подход к вопросу православного образования, что обуславливает развитие в епархии всей социальной инфраструктуры.

На сегодняшний день проблемы в области религиозного образования и духовно-нравственного воспитания можно свести к трем основным задачам:

- 1) повышение образовательного и воспитательного уровня Воскресных церковно-приходских школ в системе религиозного образования;
- 2) сближение позиций церкви и государственного образования по вопросам совместного участия в воспитательном процессе и расширению совместной научно-педагогической и культурно-просветительской деятельности;
- 3) решение вопроса подготовки педагогических кадров дополнительного образования для церковных и светских учреждений.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОСКРЕСНЫХ ШКОЛ

На сегодняшний день на плечи Воскресных школ возложена нелегкая задача по воцерковлению нашего (в основном — подрастающего) многочисленного, жаждущего истины «народа Божьего», как говорил покойный Патриарх Алексий (Симанский).

Привить в юных воспитанниках благочестивые традиции православия, научить выполнять в жизни евангельские заповеди, любить церковь, свой народ и Отечество. Привить трудолюбие, послушание, уважение и почтение к родителям и старшему поколению. Воспитать в юных душах чувство милосердия и сострадания — вот далеко не все цели, которые преследует и выполняет сегодня Воскресная школа.

Безусловно, многие задачи сегодня успешно решаются в нашей епархии, однако есть и проблемы. На сегодня они видятся не только в необходимости снабжения школ программно-методическим материалом, техническими и аудиовизуальными средствами, в проведении мониторинга, включая анализ, оценку и прогноз образовательной системы. Важнейшая проблема возникает в сфере подготовки и комплектации Воскресных школ квалифицированными православными кадрами.

К сожалению, нет на сегодня научно-богословских трудов по проблематике Воскресных школ с учетом их специфики и роли в современном социальном служении. Отсутствуют и серьезные методические разработки для выполнения школой данных задач. Я полагаю, что в этой области предоставляется большая возможность будущим соискателям на ученую степень проявить свои знания и талант.

С учетом сказанного объясняется параллельно и сегодняшняя проблематика школы. Многие преподаватели идут наикратчайшим путем: машинально копируя образовательный процесс светских школ — ту информационно-рациональную греко-римскую традицию, которая уже исчерпала себя полностью и абсолютно не стыкуется с традицией православной педагогики.

Несмотря на численное увеличение школ на приходах епархии (на 50% за 2000/01 уч. год), результативность некоторых из них пока не достаточно высока. Существует ряд объективных причин, в результате которых некоторые Воскресные школы не справляются с поставленными задачами. (Речь идет о тех школах, которые находятся при храмах, таких 100; что касается других, то обучение в них выстраивается по типу кружковой работы, и они в рамках своих задач нормально функционируют.) Задачи же приходской школы иные, и мы уже о них говорили.

Какие же можно назвать причины неуспешной работы и какой разряд школ отнести к неблагополучным?

Во-первых, школы, которые существуют на не-

больших сельских приходах. Там налицо нехватка и финансовых, и интеллектуальных сил для нормального обеспечения учебного процесса.

Во-вторых, школы, открытые на вновь образованных или еще строящихся приходах. Причины, как правило, — отсутствие кадров и условий для занятий.

В-третьих, отсутствие у ряда школ библиотек, либо фонд их крайне недостаточен для организации полноценной работы учреждения.

Многие причины носят временный характер, но есть ряд причин и другого свойства — повышенная текучесть ученического состава. (В течение учебного года классы обновляются на 80, а то и на все 100%, иногда прекращают свое существование после Рождественских праздников.) Как показывает проведенный анализ, причина здесь в недостаточном профессиональном и низком духовном уровне педагогов, с крайне малой степенью воцерковленности. Эта причина очень существенная, и я еще остановлюсь на ней. Но то, что такие педагоги не в состоянии решать серьезные задачи церкви, — факт! Поскольку здесь не стоит вопрос организации.

Существуют и бытовые сложности школ: большая отдаленность от жилых массивов; отсутствие регулярного транспортного сообщения и подобные причины, на которых не буду останавливаться.

Какие же возможности или средства видятся на сегодняшний день для повышения авторитета Воскресной школы в структуре прихода и роста качества образовательно-воспитательного процесса?

В Кемеровской епархии есть свой ответ на эти вопросы. Недавно Отделом образования разработана программа «Система образования Воскресных школ семейного типа Кемеровской епархии».

В рамках программы впервые разработана модель классификации Воскресных школ и механизм их поэтапной, как сейчас модно говорить, реструктуризации. При разработке документа был проведен детальный анализ всех Воскресных школ епархии и составлен банк данных. Полученные данные легли в основу данной разработки. По полученным результатам школы были разделены на три категории, или уровня:

Школы первого уровня получили наименование «**Воскресные катехизаторские школы**». К этой категории отошли школы, как правило, сельских и некоторых городских приходов, находящихся в стадии своего формирования, либо не имеющие достаточной учебно-материальной базы. В таких школах свой порядок, или система образования. Учебно-воспитательный процесс ориентирован на годичный курс (хотя это не исключает при соответствующих условиях расширения срока обучения до трех лет). Классы формируются по свободному принципу, разновозрастные, как правило, это группы семейного типа.

Программа по главному предмету — Закону Божьему включает основные элементы православного вероучения, т. е. используется интегрированный курс. (Это отчасти решает и вопрос кадров.) В качестве пособий для младших групп успешно используется издание Американской православной церкви «Наша жизнь с Богом» и «С нами Бог» К. Тарасар. Для старшего возраста — Закон Божий, руководство для семьи и школы прот. Серафима Слободского.

Акцент в школьном обучении ставится на воцерковление как детей, так и взрослых, вовлечение их в активную церковную и приходскую жизнь. Как правило, состав обучающихся в данной категории школ каждый год обновляется до 80%, а иногда и до 100%. Потому образовательные программы, как правило, рассчитываются на год обучения. Такие школы очень доступны населению и успешно решают задачу по катехизации прихожан.

Вторая категория школ — **Воскресные церковно-приходские школы**. В данную группу вошли школы, которые успешно функционируют уже много лет, имеют достаточно хорошо оснащенную материально-техническую базу, достаточное количество квалифицированного педагогического персонала и стабильное число учащихся (не менее 4-х классов, или 60-ти человек). Церковно-приходские школы уже сформированы при крупных городских приходах епархии, и их количество будет расширяться. Они должны быть организованы при каждом благочинии. Сейчас такая задача перед благочинными поставлена.

Отличие Воскресных церковно-приходских школ от катехизаторских не только в масштабах самой школы. В церковно-приходских школах существенно отличается образовательно-воспитательный процесс. Учебный план выстраивается по единому образцу для всех школ епархии и утверждается Отделом. В школе преподается не один предмет — Закон Божий, а ряд вероучительных и церковно-исторических дисциплин, кроме того, включаются дополнительные уроки по эстетическому воспитанию (музыке, пению, вокально-хоровые и иконописные кружки, преподаются хореография, прикладное творчество, самодеятельное искусство и т. д.)

Учебный процесс в церковно-приходской школе рассчитан на срок от 4 до 6 лет. Классы формируются по годам обучения и возрастному принципу. Отдельно формируется группа занятий со взрослыми. Однако принцип семейного типа в школе сохраняется. Родители совместно с детьми активно участвуют в дополнительных и кружковых занятиях, в церковных и приходских праздниках. В процессе учебы регулярно проводится срез знаний учащихся, ведется учет посещаемости, применяется система поощрений и т. д.

Церковно-приходские школы имеют статус уже разработанные учебные программы, которые составляют не менее 25% от общего объема.

Третья категория школ — **Воскресные церковно-приходские школы**. В данную группу вошли школы, которые успешно функционируют уже много лет, имеют достаточно хорошо оснащенную материально-техническую базу, достаточное количество квалифицированного педагогического персонала и стабильное число учащихся (не менее 4-х классов, или 60-ти человек). Церковно-приходские школы уже сформированы при крупных городских приходах епархии, и их количество будет расширяться. Они должны быть организованы при каждом благочинии. Сейчас такая задача перед благочинными поставлена.

Структура и содержание церковно-приходских школ должны соответствовать процессу отлаженности, во-первых, не менее 25% от общего объема, а также должны быть разработаны учебные программы, которые составляют не менее 25% от общего объема.

В-третьих, школы должны быть организованы при каждом благочинии. Сейчас такая задача перед благочинными поставлена.

Отличие Воскресных церковно-приходских школ от катехизаторских не только в масштабах самой школы. В церковно-приходских школах существенно отличается образовательно-воспитательный процесс. Учебный план выстраивается по единому образцу для всех школ епархии и утверждается Отделом. В школе преподается не один предмет — Закон Божий, а ряд вероучительных и церковно-исторических дисциплин, кроме того, включаются дополнительные уроки по эстетическому воспитанию (музыке, пению, вокально-хоровые и иконописные кружки, преподаются хореография, прикладное творчество, самодеятельное искусство и т. д.)

Учебный процесс в церковно-приходской школе рассчитан на срок от 4 до 6 лет. Классы формируются по годам обучения и возрастному принципу. Отдельно формируется группа занятий со взрослыми. Однако принцип семейного типа в школе сохраняется. Родители совместно с детьми активно участвуют в дополнительных и кружковых занятиях, в церковных и приходских праздниках. В процессе учебы регулярно проводится срез знаний учащихся, ведется учет посещаемости, применяется система поощрений и т. д.

Церковно-приходские школы имеют право принимать статус юридического лица. Типовой Устав школ уже разработан. По нашим прогнозам, церковно-приходские школы должны со временем составлять не менее 25% от общего числа Воскресных школ.

Третья категория школ — **православная приходская школа**. Это, на наш взгляд, новое поколение приходских школ, которые смогут эффективно решать задачи православного образования в современных условиях и отвечать высоким требованиям церкви. Часть из этих школ должны стать базовыми для средних и высших Духовных учебных заведений и решать вопрос подготовки для них будущих абитуриентов. Другие — трансформироваться в православные гимназии и лицеи полного среднего образования и тем самым решать задачу религиозного образования в регионе путем создания со временем сети таких учреждений.

Структура православных приходских школ аналогична церковно-приходским школам. Сам же учебный процесс отличается от школ предыдущих вариантов: во-первых, содержанием обучения — более сложные программы, в старших классах предметы профилируются к базовым Духовным заведениям. Во-вторых, срок обучения составляет не менее 7—8 лет, и при определенных условиях выпускники школы могут быть зачислены в Духовное училище или Семинарию без вступительных экзаменов.

В-третьих, образовательный процесс школы выстраивается не по традиционному воскресным дням, а планируется в течение всей недели, высвобождая воскресенье для литургической практики и кружковых занятий. Школы также могут принимать статус юридического лица. Часть таких школ впоследствии должны преобразоваться, как я уже отмечал, в православные лицеи и гимназии общего среднего образования.

«Система образования Воскресных школ» разработана с учетом поэтапной, планомерной ее реализации по мере формирования всей социальной инфраструктуры епархии. В конечном итоге должна сформироваться четырехуровневая структура образования: элементарная, или начальная — через сеть катехизаторских школ первого звена; углубленная — посредством православных приходских школ; средне-специальная — через сеть православных гимназий и лицеев; и высшая — это Духовные Семинария, Академия, Институт. Как скоро данную программу удастся реализовать, во многом зависит от решения кадрового вопроса.

Сейчас все Воскресные школы в епархии начали новый учебный год. В число воспитанников школ вошли сотни новичков: детей и взрослых, число воспитанников растет год от года. Это обстоятельство не может нас не радовать и лишний раз подтверждает, что Воскресным школам суждено большое будущее.

СОТРУДНИЧЕСТВО ЕПАРХИИ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ

На основании подписанного договора Отдел религиозного образования разработал проект совместной программы «Духовно-нравственное просвещение и патриотическое воспитание учащихся образовательных учреждений Кемеровской области». Он будет предложен на рассмотрение Координационного совета. В документе из 10 страниц подчеркивается, что в обществе назрела насущная необходимость в создании системы православного обучения и воспитания, которая зиждется на лучших традициях православной педагогики и отечественной психологии, на богатом культурно-историческом наследии нашего народа.

Предлагаемая программа отражает следующие пункты:

— основные цели духовно-нравственного воспитания, отвечающие задачам человека, живущего в условиях современного мира;

— базовый, принципиальный подход к обучению учащихся;

— организационно-педагогические формы и способы работы с учащимися, отвечающие их возрастным психологическим особенностям;

— предполагаемые результаты духовно-просветительной и воспитательной работы.

Основные направления реализации программы включают:

— нормативно-правовую основу совместной деятельности;

— организационные формы православного образования;

— учебно-педагогическую деятельность;

— культурно-просветительскую работу;

— формирование научно-методической базы;

— анализ состояния и эффективности деятельности образовательных учреждений;

— кадровое обеспечение.

Мы полагаем, что реализация данного проекта, направленного на возрождение культурно-исторических традиций в общеобразовательных школах Кузбасса, будет способствовать возрождению духовно-нравственных ценностей в системе школьного образования; послужит укреплению нравственных, моральных устоев семьи и общества, защите прав и законных интересов учащихся, охране их здоровья от психологического воздействия тоталитарных сект.

Хочу подчеркнуть, в особенности для оппонентов введения «Основ православной культуры» в учебный план школ. Главное и принципиальное отличие православной культуры как учебной дисциплины от религиозно-воспитательной состоит не в тематическом содержании самого курса, а в том, что уроки право-

славной культуры предполагают приобретение некоторой суммы знаний о Православии, тогда как религиозное, православное воспитание предполагает конкретное участие конкретной личности в церковной жизни. И в этом главное разделение между православной культурой как учебной дисциплиной и религией как областью самоопределения личности в рамках свободы совести, гарантированной нашей Конституцией.

Курс «Основ православной культуры» — дисциплина культурологическая, а не религиозно-воспитательная, потому введение ее в учебный план не нарушает закон, предусматривающий светский характер образования, и не ущемляет права детей иных религиозных конфессий.

Епархией закуплено и распределено 3 тысячи экземпляров учебных пособий по «Основам нравственности» для обеспечения учебного процесса в школах, где данный предмет уже изучается. Стоит вопрос, чтобы этими учебниками снабдить все школы области.

Попутно затрону очень больной для многих, особенно верующих православных родителей, вопрос — о преподавании в школе валеологии. Я уже отмечал, выступая с докладом по данной проблеме, что эта псевдонаука нашла себе сторонников не только среди некоторых учеников и родителей, но и среди педагогов, которые активно выступают в роли апологетов здорового образа жизни. В связи с этим хочется спросить, какую «науку о здоровье» пропагандируют сторонники валеологии, если ее парадигма вырастает из оккультного мистицизма и ведет к разбавленной теософии и кабалистике?

Недавно Московский комитет Всероссийской ассоциации родителей распространил открытое обращение ко всем властным структурам государства и объявил сбор подписей не только об отмене данного предмета, но и его полном запрете в школьном образовании как дисциплины, противоречащей нравственным принципам и культурно-историческим традициям нашего народа, как предмета, способствующего нравственному растлению подростков.

Здоровый образ жизни мы сможем возродить только через приобщение наших детей к духовно-нравственным, непреходящим ценностям православия, питающимся от источника благодати Божией, и не нужно пытаться заменять вечную истину оккультизмом, магией и псевдодуховностью.

«Души многих наших соотечественников, — справедливо отмечает Святейший Патриарх Алексей, — по-прежнему опустошены, искалечены, оторгнуты от источника благодати Божией. Миллионы русских людей духовно и мировоззренчески дезориентированы, пребывают в состоянии глубокого религиозного невежества».

Думаю, уместно привести и мнение академика РАО, директора Федерального центра философии образования, проф. А. Ф. Малышевского, который пишет: «В сложившейся ситуации со школьным образованием пора отделить научные гипотезы от демагогического вымысла, науку от фантазии, добросовестную педагогическую работу от пустой болтовни».

С удовлетворением можно констатировать, что сейчас изменяется политика государства в сфере образования. Она все больше ориентируется на культурологический и гуманистический подходы в системе общего образования.

Как подчеркивает академик Малышевский в своей книге «Философия образования», «впервые в новейшей истории России руководством Минобразования была осознана необходимость в новой философии образования и поддержаны:

1. Культурологический подход как методология построения государственных образовательных стандартов в системе общего образования.

2. Культурологический вариант Базисного учебного плана общеобразовательных школ Российской Федерации.

3. Культурологический вариант общеобразовательных программ предметов гуманитарного, математического и естественнонаучного циклов» (см. Фил. обр., с. 301).

ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ

В Кемеровской области специальную подготовку педагогов имеют возможность получить в Кабинете духовно-нравственного воспитания и образования при Областном институте УУ, которым руководит Светлана Евгеньевна Соколова, и в Центре православной педагогики при Новокузнецком ИПК. Центр по духовно-нравственному воспитанию и образованию в Новокузнецке был создан в 1997 году и руководит им Константин Львович Карышев. За годы своего существования Центр подготовил сотни специалистов, хотя многие из них не получили работу по новой специальности. И, я думаю, этим вопросом необходимо серьезно заниматься. Большинство школ, готовых ввести спецкурс, не имеют специалистов, тогда как в других эти специалисты загружены предметами основного образования. Только за прошлый год при Новокузнецком институте повышения квалификации на курсах православной педагогики прошли подготовку 565 человек, в Областном институте в 2000/01 году слушателями курсов являлись 36 человек.

Такое сравнительно небольшое число слушателей в Областном институте объясняется тем, что Кабинет официально прошел презентацию год назад. Хотя

следует заметить, что директора школ областного центра не торопятся направлять педагогов на курсы, а в ряде школ, по-видимому, действуют и сектанты.

Сейчас силами Областного института организованы выездные курсы для педагогов в Мариинске и Юрге, намечается организация курсов в Анжеро-Судженске и Тайге.

Программа курса по подготовке педагогов в Областном институте содержит следующие дисциплины:

- Православная художественная культура: иконоведение, православие и литература, православие и музыкальная культура.

- Православная психология и педагогика: введение в православную психологию, основы православной психологии, программы и методы преподавания религиозноведческих дисциплин.

- История христианства: история мировых религий, общецерковная история, история РПЦ.

- Русская религиозная философия.

- Сектоведение: влияние оккультизма и сект, молодежные секты.

Работа Центра православной педагогики Новокузнецкого ИПК строится по следующим направлениям:

- содержание и методики православного образования;

- введение в православие;

- преподавание предмета «Духовные основы семьи» по программе Т. А. Флоренской;

- повышение квалификации преподавателей воскресных школ;

- в данную программу входят дисциплины: «Духовно-нравственное воспитание в современной школе», «Православные традиции в преподавании пластических искусств».

Что касается содержания курсов, то, на наш взгляд, они нуждаются в коррекции, но это только одна сторона проблемы. Другая сторона более сложная, она касается самой личности учителей как воспитателей. Наряду с получением необходимых знаний в области православной педагогики перед будущим учителем Закона Божьего, более верно сказать — законоучителем, очень значимо стоит проблема духовной жизни.

Нужно ли акцентировать факт, что законоучитель должен быть человеком глубоко воцерковленным, высокой духовной жизни? Думаю, да! Как замечательно сказал проф. МДА А. И. Осипов: «Проблема духовной жизни — это самая основная проблема, стоящая перед нами, и она определяет на самом деле весь характер, весь строй не только нашей жизни, но и всего нашего творчества, всей нашей деятельности во всех направлениях, в каких бы человек ни стремился, на что бы ни направлял он свою мысль».

Безусловно, гораздо проще получить некую сумму знаний, повысить свой профессиональный и интеллектуальный уровень, нежели развить духовный — встать на путь сознательного духовного рождения, пройти весь сложный процесс богопознания в своем сердце, в своей душе и через активную религиозную жизнь сделаться образцом для подражания, стать детоводителем к Богу. И в этом духовном устремлении человека к Богу доминантой является не сумма полученных им знаний о Боге, а свободное желание личности приобщиться к опыту духовной жизни, встать на путь нравственного самосовершенства.

Думаю, нам всем понятно, почему этот вопрос так важен. Хотя мне могут резонно возразить, что не все педагоги, обучающиеся на курсах, готовятся стать законоучителями в Воскресной школе. Я вполне соглашусь, но здесь я бы разграничил две стороны дела. Первая — религиозное просвещение. Учитель имеет право излагать свои взгляды, если при этом выполняет требования образовательного стандарта и не искажает вопросы вероучения.

Но вторая сторона — религиозное воспитание. Это вопрос более сложный. Вопрос не только об уме и знаниях, но, прежде всего, — о Боге, о душе и о духе. Как справедливо заметил в своем выступлении президент Российской академии образования Н. Д. Никандров, «я бы далеко не всегда посоветовал учителю государственной школы брать на себя ответственность за духовное воспитание, даже если юридические основания для этого есть».

Проблема на сегодня не в том, что недостаточное число педагогов получили переподготовку на курсах православной педагогики, а в том, что из числа этих учителей лишь малый процент отвечает сегодня требованиям церкви. Отсюда вывод, что такая модель педагога сегодня не соответствует, если так можно выразиться, церковным стандартам.

Эта проблема сама по себе не новая. Она затрагивалась еще в 1999 году в рамках Всероссийской конференции «Традиции православной педагогики и гуманизация образования» в Новокузнецке. В частности специалист ИПК г. Новокузнецка Т. П. Грибоедова в своем докладе раскрыла главные критерии отбора личности педагога как Учителя (с большой буквы), ибо специфика его деятельности «касается такого тонкого и сложного процесса, как духовное развитие личности». Как подчеркивает автор, «процесс духовного развития личности школьника начинается именно с духовного самоопределения и развития личности Учителя, кто бы в этой роли ни выступал. Ребенок, в отличие от взрослого человека, сначала выбирает Учителя, а затем уже Путь».

Необходимо серьезно не только скорректировать программу подготовки, включить в нее, например, раз-

дела «Нравственного богословия», курс «Священного Писания», основы духовной жизни, творения святых Отцов, но и изменить саму методологию образовательного процесса. В раздел практических занятий следует включать участие слушателей в церковно-приходской жизни, в церковных таинствах, рекомендовать практику пастырского окормления и получения рекомендации духовника выпускнику курсов.

На нравственную высоту служения учителя неоднократно указывал Святейший Патриарх. И опять хочется напомнить его слова, в которых Патриарх подчеркивает, что цель учителя — «передать детям и юношеству дух православной веры, открыть им прямой путь к неисчерпаемой сокровищнице Священного Писания и Священного Предания, восполнить то, что не смогли сделать родители».

В заключение мне бы хотелось кратко остановиться еще на одном вопросе, входящем в круг образования. Это касается библиотек. Большое внимание сегодня Владыка Софроний уделяет формированию на приходах библиотек и пополнению их книжного фонда. Нельзя не учитывать в наше время огромную не только воспитательную, но и мировоззренческую роль книги в формировании духовной культуры человека.

Приходские библиотеки часто одновременно являются и школьными, и от степени укомплектованности их книжного фонда зависит успех образовательной деятельности приходов, а значит, и епархии в целом.

Три самые крупные библиотеки в епархии действуют при Знаменском кафедральном соборе, где фонд составляет 11500 экземпляров, Спасо-Преображенском соборе г. Новокузнецка — около 8000 книг. Большая библиотека имеется у Православного Духовного училища в Новокузнецке. Фонд библиотеки составляет свыше 7500 томов.

В этих православных библиотеках собран обширный фонд духовной литературы различных направлений. Имеются и раритетные издания прошлых веков, пожертвованные благотворителями. Библиотеки оснащены предметными и алфавитными каталогами, видео- и аудиоаппаратурой, наглядными стендами. В стенах библиотек регулярно проходят тематические книжные выставки, читательские конференции, ярмарки и лекции для посетителей.

Эти библиотеки, да и другие, более мелкие, на приходах, а всего их более 180 в епархии с книжным фондом около 127 тыс. томов, должны стать местом регулярного посещения и для работников светского образования, и для библиотекарей, работающих особенно в сети школьных и вузовских библиотек.

Нужно ли напоминать, что через средства массовой информации, ту же литературу, только противоположного содержания, ведется подрывная деятель-

ность против православной церкви, нашего народа, особенно молодежи. В школьных библиотеках, как правило, отсутствуют специалисты, способные критически анализировать и отсеивать поступающий поток печатной продукции псевдодуховного, антинаучного и аморального содержания.

Вместо пополнения библиотек литературой православного и духовно-нравственного содержания в книжные фонды, особенно вузовские, попадают книги по парапсихологии, магии, оккультизму, сектантству. Активно распространяют свою псевдохристианскую литературу «свидетели иеговы», пятидесятники, неохаризматы и другие секты. Неудивительно, что среди студентов встречаются даже приверженцы секты сатанистов. По сводкам МВД, увеличивается процент студентов, потребляющих наркотики, возросло количество суицидов. Все это признаки обнищания национальной культуры, приближения нравственной катастрофы.

Думаю, целесообразно создать сеть консультантов или экспертов по отбору поступающей литературы и комплектации фондов. Может быть, временно, из числа педагогов, прошедших курсы подготовки в центрах православной педагогики. На них и возложить ответственность по снабжению школьных библиотек духовно-нравственной и православно-исторической литературой. Но если глубже посмотреть на эту проблему, то, наверно, следует направлять на курсы переподготовки и библиотечных работников, тогда этот вопрос будет решаться гораздо легче.

Еще раз хочется подчеркнуть, что если наше общество не примет радикальных мер для пресечения нравственного зла, не обратится к культурно-историческим духовным ценностям православия, наше Отечество ждет весьма призрачное будущее.

Мне бы не хотелось заканчивать свое выступление на столь пессимистической ноте, потому позволю себе еще раз привести слова Святейшего Патриарха Алексия, которые звучат сегодня как призыв к действию: «История последних лет вновь показала нам, что образование и воспитание должны идти рука об руку. Жизненно необходимо развивать в детях и подростках нравственное чувство, приверженность истинным духовным ценностям, любовь к Отечеству, его истории, культуре и языку. Это неразрывно связано с целенаправленным раскрытием перед юными согражданами разрушительности и пагубности пороков, преступлений, морального нигилизма, вражды и розни, гражданской безответственности. От воспитания новых поколений россиян зависит будущее страны. Вот почему создание обновленной системы воспитания должно стать не только государственной, но и общенародной заботой!».

Николай

ПАТРИАРХ КАКО

Допетровскому другому... ки были ее... Люди стремясь к Богу... останавливаются... формирования... власть. В на... уровня сознания к системе... но нашего...

После п... тически еди... враг рода... Православ... ные дела ч... даже через...

Царь И... гонений по... митрополи... выступавш... ричины. Е...

Петр I... даже не с... далекому с... ющей нера... тов, наплы... ле разре... христианс... ло устои и... царь Петр... сударства... кий. Это с... мощной м... ство блист... флотовод... науки; стр... дей, север...

В то ж... пропуска... положите... ровольно... религии, православ... ордена. И... ной Руси...

Николай НЕУСТРОЕВ

ПАТРИОТИЗМ В РОССИИ, КАКОЙ ОН СЕГОДНЯ?

*Худой гражданин Царства земного
и для Небесного Царства не годен.*

Св. митр. Московский Филарет

Допетровская Русь именovala себя Святой Русью. Ни одному другому народу не пришла такая мысль, ибо так высоки были ее идеалы. Целый народ стремился им следовать. Люди стремились жить сердцем, по Божьим законам, имели любовь к Богу и друг к другу, страх Божий — силу, которая останавливала их от творения неправедных дел. Такими их формировала православная церковь и Богом установленная власть. В наше время для воспитания таких граждан, такого уровня сознания должны быть предъявлены особые требования к системе образования и духовного воспитания, особенно нашего молодого поколения.

После падения в XV веке Византии Русь осталась практически единственным православным государством в мире, и враг рода человеческого — дьявол, которому ненавистно Православие, никогда не дремал и всегда творил свои черные дела через отдельных людей, от великих до малых, и даже через народы.

Царь Иоанн Грозный с помощью физических расправ и гонений подчинил церковь царской власти и даже казнил митрополита Московского Филиппа (Колычева), публично выступавшего против таких действий и насилий царя и опричнины. В стране началась смута.

Петр I положение еще более усугубил, подчинив церковь даже не себе, царю, а обер-прокурору — светскому лицу, далекому от Бога. Все это очень сильно сказалось на последующей неразберихе в стране, частой смене государей, регентов, наплыве и заплывании Руси иностранщиной, в том числе разрешенных Петром I деятельности «приезжих» христианских, но не православных конфессий, что подрывало устои истинного Православия. Из истории мы знаем, что царь Петр «прорубил окно в Европу» и многое сделал для государства Российского, за что получил наименование Великий. Это создание русского флота, становление России как мощной морской державы, одержавшей впоследствии множество блистательных побед в баталиях, давшей многих героев-флотоводцев. Это и привод в Россию передовой тогда западной науки, строительство, хотя и «на костях» огромного числа людей, северной столицы — града имени святого Петра.

В то же время это «окно» имело свойство двухстороннее — пропускать как туда, так и обратно, в том числе не только положительное, но и негативное для России. Царь Петр добровольно допустил на Святую Русь чуждые нам западные религии, всевозможные секты, существенно принизил роль православной церкви, а затем и сам стал великим магистром ордена. И это венценосный-то государь Святой Православной Руси?! Его и наш великий предок, благоверный князь

Александр Невский, старательно забивал эти «западные окна», поскольку оттуда постоянно исходила, вплоть до наших дней, смертельная угроза уничтожения России и Православия как оплота и столпа в мире.

Поэтому, положив на чашу весов материальные приобретения и духовные потери государства Российского от «окна в Европу» при его правлении, сложно дать объективную оценку этому этапу жизни Руси в духовно-историческом и мирском, материальном, аспектах. Человек, с его в большей степени субъективным мышлением и современным мировоззрением, видимо, не способен быть объективным, беспристрастным судьей, тем более дать истинную оценку подобным важнейшим явлениям и событиям нашей истории. Только один Господь Бог способен на это. Он и оценит, и воздаст всем и каждому по его личному вкладу и заслугам, от великого до простого смертного на Земле.

Авторитетнейший российский педагог К. Д. Ушинский в своей работе «Как сделать русского человека русским» писал, что наших детей надо воспитывать на основе русской духовной традиции. Прежде других историй ребенок должен изучить историю своего Отечества, почувствовать себя продолжателем тысячелетней традиции. Прежде других языков изучить свой, изучить свою географию. По словам Ушинского, для начальной системы образования надо всего четыре дисциплины — три вышеуказанных и веру. И лишь на следующем этапе — другие предметы. Иначе не будет патриотических чувств.

Выступивший на ежегодно проводящихся Патриарших Рождественских чтениях министр образования России В. М. Филиппов сказал: «Общество вновь поняло и приняло необходимость воспитания, обращения к нетленным истинам христианства и Православия. ... Убежден и готов отстаивать — деятели образования России и деятели Православной Церкви могут и должны выработать общие подходы на вызовы нашего времени, они могут и способны решительно действовать вместе». А также: «Позвольте выразить уверенность в том, что совместные усилия школы и церкви — этих двух самых главных, укрепляющих друг друга столпов духовной жизни в нашем Отечестве, обеспечат подъем образованности и духовности общества на ту высоту, которая отвечает запросам личности, потребностям будущего страны, нетленным идеалам и ценностям человечества, Православия».

Выступивший там Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в своей речи по данной тематике подчеркнул необходимость «развивать в детях и подростках нравственное чувство, приверженность исконным духовным ценностям, любовь к Отечеству, его истории, культуре и языку, заботу о его будущем. От воспитания новых поколений россиян зависит будущее страны, зависит в неменьшей степени, чем от политики и экономики. Вот почему создание обновленной системы воспитания должно стать не только государственной, но и общественной заботой».

А что делаем мы как родители и патриоты своей Родины, в большинстве своем крещенные православные христиане? Чуть ли не с пеленок толкаем своих чад изучать иностранные языки, их историю, культуру, образ жизни и ценности. Не удивительно, что результатом этого является потеря пат-

риотизма и гордости за свою Родину, особенно у молодежи. Неоценимую помощь, а часто и основную, в этом «дьявольском» заговоре формирования «иванов, не помнящих родства», а часто и беспринципных предателей Родины, оказывают «наши» СМИ, особенно телевидение, с экранов многих каналов которого практически исчезли патриотические и духовные передачи, песни, фильмы. Оттуда лезут то маньяки, то супермены, то шлюхи, то монстры и прочая чертовщина да еще «до печенок всех доставшая» реклама. Вот что сегодня формирует мировоззрение наших детей, будущих созидателей России. Пора наконец решительно поставить практический заслон этому безумию, разрушающему души детей, нравственность народа и ведущему к гибели православную Россию по «сатанинскому» сценарию и замыслам западных «друзей» России, а по сути — сил зла и тьмы.

Недавно смотрел программу «Глас народа» С. Сорокиной по очень актуальной для России теме «Патриотическое воспитание в нашей стране». Впечатление осталось от этой передачи угнетающе тяжелое. Во-первых, из какого такого «нашего» народа подобрана публика в зале? Тем более на обсуждение такой животрепещущей для нашей страны темы. Тенденциозность подбора выступающих «патриотов» явная. Противно становится, когда такие вот «политковские» за действия отдельных людей, пусть и в погонах, судят и «пачкают» всех офицеров, всю нашу армию. Где была бы она, если бы не эти патриоты в погонах, которые при всех их сегодняшних трудностях не защищали бы Россию от внутренних и внешних врагов? Наверное, уже где-нибудь в гетто или в том же зиндане, который ей, возможно, привиделся под диктовку. Мельчает программа, если не хуже. Наши ну очень независимые телеведущие (только от кого?), получающие от своих хозяев, многие из которых давно живут за рубежом, «за красивые глаза» огромные беспроцентные, а возможно, и невозвратные, ссуды на жилье и личные нужды да и зарплату далеко не педагогическую, вопят, что демократия в опасности. О чем вы говорите? Да если бы это было так, то разве вы могли бы делать открыто то, что зачастую творите. Причем без опаски и последствий для вас за ложь, клевету, непроверенную порочащую информацию, участвуя в паскудных технологиях и «очернениях» людей, руководителей страны. Трактую по-своему, часто непрофессионально, а то и умышленно подтасовывая факты и события, чем способствуете очернению всего русского, растлению молодого поколения, а также снижению авторитета страны и развалу Родины. Где бы вы уже пребывали и «отдыхали», если бы вас по-настоящему «зажимали»? Либо поубежали бы из России к своим «кукловодам» и кормильцам, которым там вы не нужны, либо пели бы дифирамбы существующей власти и ее лидерам, что тоже всем хорошо знакомо из недалекого прошлого.

Это, к счастью, не относится ко всем журналистам. Есть много прекрасных специалистов своего дела, честных людей, истинных и преданных сынов своего народа, патриотов Родины, а не беспринципных «человеков всего мира», как некоторые в студии гордо объявили себя. Хорошо о подобных наших согражданах — «людях всей Земли» сказал Херсонский архиерей Дмитрий: «Христопродавцы всегда интернациональны».

И уж совсем по-иезуитски, пошло и издевательски на передаче был поставлен главный вопрос темы: «Нужно ли вам патриотическое воспитание?» Жаль, что ни у кого в студии не хватило ума скорректировать вопрос: «Нужно ли молодому поколению нашей страны патриотическое воспитание?». Ответ в первом случае был предreshен заранее, на это политехнологии, манипулирующие общественным мнением, и рассчитывали. И не ошиблись. При втором варианте вопроса, уверен, ответ был бы иной. Не сомневаюсь, что такая постановка вопроса — не глупость, не журналистская оплошность, а тонко продуманная, откровенно враждебная России идеологическая акция. А какая нескрываемая радость была на лицах многих присутствовавших в зале «патриотов» от результатов голосования. Наверное, мысленно подсчитывали заработанный гонорар или политические дивиденды, довольны потирая руки за хорошо исполненный заказ. Как же, угодили своим хозяевам, а фактически — в очередной раз предали свою Родину, выполнили «иудину» миссию. Не понимаю, неужели у этих людей не осталось ни грамма чувства патриотизма и любви к своей Родине? Или это им не было привито от родителей? Пусть почитают нашу великую историю, а лучше — святых старцев земли русской и узнают, что вскоре ждет мир и такие милые их сердцу страны Запада и Америки, а также нашу Россию, и крепко подумают, где им народ отведет место. Советовал бы поторопиться в своих размышлениях, пока не поздно. Легко пинать полумертвого тигра, кем пока сегодня, в том числе с их большой помощью, является Россия. Но уже не за горами то время, когда Россия встанет на свои крепкие ноги и, как Илья Муромец, стряхнет всякую нечисть со своего тела. И нет сомнения, что это будет именно так, ибо этот процесс уже идет, хотя этого наши недруги или нет.

Мы не должны бояться «очистительных» процессов в стране, осознавать их необходимость. «Боязливые и неверные Царства Небесного не наследуют» (ап. Иоанн Богослов). Ведь «чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дело милосердия и смиренномудро ходить пред Богом твоим» (прор. Михей: 6, 8). А что делали и делают люди во все времена и особенно в наше смутное время?

Святой митрополит Московский Филарет говорил: «Худой гражданин Царства земного и для Небесного Царства не годен». Ему вторит святой благоверный князь Александр Невский: «Не в силе Бог, а в правде!». Не в нашей, людской, часто удобной и лживой, а в Его Правде!

Уже в наше время святой старец, иеросхимонах Серафим Вырицкий, отошедший к Богу в 1949 году, предупреждал: «Если русский народ не придет к покаянию, может случиться так, что вновь восстанет брат на брата». Тогда, думаю, мало никому не покажется. Особенно тем, кто сегодня провоцирует негативные, разрушительные процессы в России и живут в ней.

Не дай Господи, чтобы эти предостережения святого старца состоялись, и упаси нас, грешных, от этого несчастья и беды!

«Отче! Прости им, ибо не знают, что делают» (Лк: 22, 34).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

Валерий ПЛЮЩЕВ

ТАК ИНТЕРЕСНО НАЧАТЬ И ТАК ПЛОХО ОКОНЧИТЬ

Первое знакомство с книгой воспоминаний Полины Невской «Жизнь со стороны, или Возвращения в прошлое» (в отрывках) состоялось после выхода в свет альманаха «Огни Кузбасса» № 2 за 2000 год. В опубликованных кусочках мемуаристка очень просто, без литературных претензий представляла свое ленинградское детство, прерванное войной и эвакуацией. Альманашники прихватили и частицу юности. Написанное незнакомым автором поражало непосредственностью и свежестью — читалось буквально на одном дыхании.

И вот на моем столе книга почти в триста страниц с тем же заглавием, отпечатанная в издательстве «Кузбассвуиздат» тиражом в 200 (!) экземпляров. Томик со стильной обложкой, хорошей белой бумагой, фотографией автора приятно подержать в руках. Вглядываясь в фотоизображение, мучительно пытаюсь вспомнить, где я встречался с мемуаристкой: а ведь встречался непременно — город наш, хотя и областной центр, однако небольшой, в чем, кстати, и состоит его прелесть, кое-чем определяемая как провинциальность.

Вновь быстро перечитываю «детские» страницы, вновь радуюсь за автора, восхищаюсь ее отточенному и одновременно простому, естественному стилю. Учеба у классиков — великое дело. Никаких сомнений — Невской богато прочитано и много усвоено.

Вот маленькие подробности довоенного быта — ушла эпоха, оставив пряное чувство ностальгии. Войну рассказали многие и по-своему, но у Невской годы великих испытаний преломились через память наблюдательной девочки, потому и отличаются. На фронте ежедневно погибали тысячами, тыл выматывал жилы работой и голодом. Со всеми голодали и дети. И в то же время, какие удивительные примеры посильной заботы о подрастающем поколении. Страна защищала свое будущее — детей. И в то же самое время были, конечно, и мерзавцы. С каким смаком выписы-

вает образ одного из них мемуаристка: олицетворение зла и человеческое существо в неразрывной сути и единстве. И себя, тогдашнюю, не жалуется, судит без скидок.

Меняется авторский голос, когда пришло время любви. Известно, что чаще всего первое большое чувство бывает обвальным тупиковым. Одни изживают любовную трагедию — время лечит, другие — подранки на все оставшиеся дни. Невская из последних. Ей сочувствуешь, жалеешь вместе с ней первого ее избранника.

115 Погружаясь в переживания, замыкаясь на себе, она тем не менее опять же каким-то магическим образом умудряется не закрыться полностью только на собственных испытаниях и «болячках», находит место для внимания к соседним потокам бытия близких, иногда вовсе случайных людей.

Интересно знакомиться по воспоминаниям ново-явленной сибирячки с Прокопьевском самого начала 50-х, куда она приезжает с мужем. Тот, кстати, составляет очень даже неплохую карьеру в угольной отрасли. Город колоритно встает со страниц в его непростом развитии и проблемах. Еще раз убеждаешься, не было черного ближайшего прошлого, о чем без устали твердят некоторые нынешние критики тоталитаризма. Все было значительно многоцветнее: люди переживали радости и горе, были по-своему счастливы и несчастливы тоже по-своему.

Но уже здесь начинается, поначалу не очень осязаемое, этакое дребезжание повествования, которое можно, наверное, определить как усталость авторской интонации. Поначалу диссонируют только маленькие вкрапления. Но чем дальше, тем острых крючков больше. Вот семья Невской перебирается в Кемерово. Муж между прочим занимает солидное руководящее кресло директора одной из шахт: ни много ни мало — обкомовская номенклатура! Об этом между прочим говорится скользко, сквозь зубы. А стилевое дребезжание воспоминаний все усиливается. Грешно упрекать автора за параллельный рост материального благополучия — угольные генералы работали как проклятые, по труду и вознаграждение. Но отчего у мемуаристки все чаще начинает проскальзывать неудовлетворенность окружающим? А может, это уже взгляд, скорректированный сегодняшним бытием?

Вообще-то автор может оправдать себя: пишется-то история собственной души и жизни. Хозяин, дескать, барин, что хочу, то и вспомню: раньше — больше из хорошего, ближе к сегодня — поболее из плохого. Невская выделила только семь возвращений в прошлое, как семь глав. Уже с ее шестого возвращения у меня как у читателя возникало все больше несогласий с авторской точкой зрения. Самое колючее возвращение седьмое. Именно здесь выплеснулась авторская горечь на страну и общество. Вот уезжают насовсем отпрыски в Израиль. Психологически как раз понятно стремление оправдать этот шаг детей. Но зачем при этом валить на всю страну «государственный антисемитизм»? Под эту провинность подверстываются и «дело врачей», и «борьба с космополитизмом». «Не верю!» — воскликнул бы великий режиссер в этом месте. Судя по карьере мужа, да и работе самой мемуаристки, никакой госантисемитизм их не коснулся ни в малейшей степени. Наоборот, престижная «чистая» работа, благосостояние (по сравнению с окружающими, конечно), устроенный быт. Можно понять горечь диссидентов, в том числе и их позицию по национальному вопросу, но отчего так непримиримо преломилось национальное под пером благополучной Невской? Зачем повторять мифы и выдумки?

В последнее десятилетие появились капитальные исследования Вадима Кожина по национальным проблемам, очень острым под пером некоторых публицистов. Между прочим при жизни исследователя (он не так давно умер) никто не опроверг его утверждений, в том числе и тех, которые построены вокруг проблем «симпатичного национального меньшинства», как его определил писатель Довлатов. Автору этих строк совсем недавно довелось познакомиться с расстрельным делом собственного деда по матери: «косили» всех несогласных, кто выделялся, не стесняясь в выдуманных обвинениях, не обращая внимания на национальность. Слава Богу, что это все в прошлом. Уверен, не стоит с надрывом делить убиенных на «наших» и «не наших». Такие операции очень больно ранят. Тем же, кто выделяет единственную национальную составляющую в «космополитном», «белохалатном» и прочих делах, как это делает Невская, остается только посоветовать почитать на трезвую голову Кожина. (Не я инициатор этой темы, хотя легко предвижу, какие могут последовать обвинения во всех смертных грехах, что чаще всего и происходит, вместо скрупулезного разбирательства.)

Закрываю последние страницы книги. Ощущение такое, что автор из искусного бытописателя постепенно укатился к обвинительным, совсем под занавес — к прокурорским интонациям. Возвращение же седьмое и

последнее — не что иное, как реклама страны Израиль. Это уже ближе к пристрастной пропаганде, чем к мемуарам. Израильтянам вообще-то можно только позавидовать в том, какую огромную финансовую, самое главное — в львиной доле безвозмездную — помощь они получают. Конечно, никто при этом не отнимает их умения работать. Но когда начинают петь гимны одним народам в ущерб другим, вольно или невольно вступают на очень шаткий путь противопоставления наций.

На этих «заземленных интересах» (еще одно выражение автора из финала) и заканчивается книга П. Невской «Жизнь со стороны, или Возвращения в прошлое». Может, ее неудачи связаны с долгими сроками написания, усталостью автора к концу?..

Насколько же дальновидно поступили редакторы альманаха с поступившим в их руки мемуарным неровным текстом. Отобрали действительно лучшее для публикации. И как много проиграл полный вариант. Великолепное начало, интересная середина, кое-что любопытное ближе к концу и, в конечном итоге, смазанная, «в задир», концовка. Потому правильным представляется тираж в 200 экземпляров: для друзей и хороших знакомых, которые вряд ли будут хоть что-то критиковать. А для широкого читателя впятеро большее количество экземпляров «Огней Кузбасса» с отрывками (лучшими!) из Полины Невской, которые не стыдно предъявить на суд самому взыскательно-му литературному вкусу.

г. Кемерово

Николай КОЛМОГОРОВ

«ИЗ СЛОВ НЕВИДИМАЯ НИТЬ...»

В последние годы жизни Николай Колмогоров увлеченно работал над очерками о друзьях-поэтах. В них были не только его принципиальные оценки вышедших публикаций, книг, но он старался создать и свой портрет того или иного поэта во времени, а вернее (есть такой литературный жанр) — штрихи к портрету.

Некоторые из этих «штрихов» при жизни он напечатал в журнале «Наш современник», в «Огнях Кузбасса», в газетах. Но остались и неопубликованные. Из них в прошлом номере мы напечатали статью о В. Поташове, а в этом — печатаем о Б. Бурмистрове, написанную, скорее всего, в 1996 году. Так литературное наследие поэта открывает читателям еще одну сторону его таланта.

В мол
времени
безлесых
мывая и
одна из т

Колым
гих ценн
рей, где
ются сле
столбы за
ки, безым
да-то наз

Вся з
тью выво
стоит на
вью, сле

Но, к
память
жала, зн
ту атроф
зымянны
ныне уж
чений, п
кация с
казалось
места. Н
соверше
предста
вить себ
зияющу
лась па
написан
резке е
телей к
многом
первую
шается
казать

Поэ
ней не
ваются
страны
ных эп

В молодости Борис Бурмистров изрядный период времени прожил и проработал на Севере, среди почти безлесых колымских гор, где кипит и беснуется, размывая и обрушивая скалистые берега, Индигирка — одна из таинственных северных рек...

Колыма, как известно, край золота, серебра, других ценных руд и — край бывших сталинских лагерей, где по угрюмым распадкам до сих пор встречаются следы страшных лет: руины лагерных бараков, столбы заборов и обрывки ржавой колючей проволоки, безымянные и нечитанные могилы тех, кого когда-то называли «врагами народа»...

Вся знаменитая колымская трасса, упрямой нитью выющаяся между сопок и оцепенелых хребтов, стоит на человеческих страданиях, напитанная кровью, слезами и тяжким потом ее первопроходцев.

Но, как водится, за долгие годы замалчивания память последующих поколений уже мало что удержала, значительно выветрилась и во многом попросту атрофировалась, стала почти равнодушной к безымянным страдальческим судьбам отцов и дедов, а ныне уже и прадедов наших. Вал газетных разоблачений, прокатившийся несколько лет назад, публикация секретных документов той страшной эпохи, казалось бы, многое объяснили, поставили на свои места. Но сознание, сформированное в русле уже совершенно другого времени, к сожалению, плохо представляет или даже вовсе не жаждет представить себе всю бездну народных страданий и бедствий, зияющую в недавней нашей истории. Почти не коснулась память эта и тех стихов Бурмистрова, которые написаны в связи с воспоминаниями о колымском отрезке его жизни: он работал в бригаде золотостарателей как раз в тех печальных местах. Стихи эти во многом еще только проба пера. Лишь в заключающей первую книжку поэме «Колымская стена» автор решается наконец выразить когда-то увиденное, высказать скрытую сокровенную боль:

*От Магадана тыщу верст
на север тянется погост,
нет в мире кладбища длинней —
по всей дороге хруст костей.
Остановите хоть на миг
поток машин, я слышу крик.
Из-под земли несется он,
верней, не крик, а слабый стон.
Кричать устали мертвецы...
Простите, братья и отцы.*

Поэма состоит из небольших главков, но именно в ней некоторые автобиографические подробности сливаются с несравнимой по величине биографией целой страны и, может быть, даже нескольких ее временных эпох: «Искали золото в горах, но отрывали чей-

то прах...» Действительно, автору этой поэмы пришлось поработать многими орудиями старательского труда: и киркой, и лопатой, и промывочным лотком, и на заляпанном сверху донизу колымской тундровой грязью бульдозере, надрывно ворочавшем оттаявшую вязкую землю золотоносных полигонов. Читая поэму, начинаешь верить: видел автор угрюмые памятники трагического прошлого и, может быть, содрогнулся не единожды, когда выворачивались наружу то бивень мамонта, то ржавое колесо зековской тачки, то человеческая полуистлевшая кость.

*Далекий край, суровый край,
да разве ты виной всему?
Есть на земле и ад, и рай,
но кто вершит — куда кому?
И кто теперь припомнит всех,
кто воскресит те имена?..
Примите, люди, этот грех,
Нам за него платить сполна.*

117

Следует признать, что автор прав даже в проходной, риторической, казалось бы, строке: сполна платить за страшные грехи прошлого и нам, и нашим потомкам — все мы, как проклятие, несем на себе тяжкие последствия тех отзвучавших лет!

Жить в этом запутанном мире русским поэтам некогда не было легко. Однако если скажешь об этом вслух, то встречный ответ-вопрос не заставит себя ждать: а какому честному человеку легко?..

Помня этот не такой уж и мудреный вывод, отчетливей осознаешь главные узлы и перекрестки жизни, начинаешь понимать, что и ты в этой стране не случаен. Именно здесь и нигде больше тебе довелось жить, и через трудный путь любви к ней дано оправдаться перед грядущим:

*Сколько потеряно,
сколько не найдено.
Жил неуверенно —
счастье украдено.
.....
Ниточка тонкая —
дума заветная.
Жизнь моя горькая,
жизнь моя светлая.*

Конечно, признание в том, что жизнь не бывает одноцветной, не новость. Однако здесь это звучит уместно, поскольку сама интонация не надуманна, а запечатлена искренностью. И, чувствуя эту естественность, читательский взгляд ищет то же самое в других стихах и пусть изредка, но находит:

Во мне мелодия живет
далекая, далекая...
Душа тихонечко поет,
легонько струны трогая.
Когда один в ночи грущу,
горит лампада тусклая,
слова к мелодии ищут
и летится песня русская.
Когда душа моя болит
и боль невыносимая,
во мне мелодия звучит
красивая, красивая...

Борис Бурмистров вырос в частном доме на окраине Кемерово, которой обязан многим: именно родительский этот дом с куском своего огорода, неширокие улицы детства с полудеревенскими-полугородскими деревьями и кустарниками воспитали в нем сыновнее отношение к земле, ко всему живому на ней. Как в будничной жизни, так и в книжках своих он негромко, и, может быть, именно негромкость не позволяет ему до конца выразить все, что его волнует. Хорошо ли это для пишущего человека или не очень — вопрос спорный, потому что переделать свою внутреннюю природу невероятно трудно. Да и надо ли? Мне, к примеру, в поэзии импонирует смелость как стихия, как необходимость обновления, которая заставляет пойти на поступок. Поступок поэта — его яркие, необычные образные находки, независимое самовыражение. Разумеется, имею в виду не словесную заумь, часто объявляемую за какую-то смелую новизну, но смелость духа прежде всего, необычность метафоры и сравнения. Всякая идея, пусть и старая, обретает новое лицо в талантливом воплощении. Пусть даже и такая, что выпирает углами, не дает успокоиться, равно как и в непредвиденных жизненных решениях — наперекор ровной усредненности. Но, к сожалению, именно нерешительность, как зыбкая почва, по которой трудно ходить, часто мешает нам. И тогда поджидает нас рыхлость, не дающая представления о мощи поэтического языка:

Расставанья, расстояния —
очень близкие слова.
От свиданья до свиданья
побелела голова.
Сколько лет и сколько весна
пролетело с той поры.
Нас с тобой венчала осень.
И осенние дворы
нас встречали виновато,
будто знают наперед:
это время листопада
отцветет и отойдет...

Когда вдали забрезжит ливень-свет,
мы вдруг поймем, что нас уже здесь нет.
Лишь голоса да отголоски дней,
судьба твоя растворена в моей.
И потому, безудержно любя,
и среди звезд я отыщу тебя.

118

Упрощенность поставленной задачи, как и набор очевидных банальностей, лишь ослабляют читательский интерес, как ослабляют его и совсем уж безнадежные рифмы: настигнет — постигнет, весна — осень, любя — тебя и прочее. Но надо заметить, что и плохие рифмы не торчат как предательские мида-совы уши, если стихи плотно насыщены родниковой сутью поэзии, ее свежей образностью, отдавая которую, многое простишь автору. С этой точки зрения наиболее цельной представляется мне третья по счету книжка Бориса Бурмистрова «Лирика», изданная в Кемерово в 1995 году. В книге этой есть и те самые орехи, о которых сказано выше. Но в то же время чувствуется нарастание творческого опыта, зримая тяга к обладанию силой и красотой слова и переживания. Все шире и рельефнее проступают подробности жизненного пути, все меньше остается красотей и сладкоголосия, все резче вырисовываются очертания характера. Автор становится аскетичнее, а значит, требовательнее к себе, ибо уже видит, что моты в прошлое сожжены, а впереди — строгие озарения зрелости:

Я в той поре, когда бунтует разум,
и не сдержат, и не унять его...
Я в той поре, когда все нужно сразу,
а по частям не надо ничего.

Читая такое, осознаешь, как трудно музыка поэзии выдирается из зарослей литературных штампов. Тут уже не до словесных игр! И приближаясь к этой новой точке отсчета, поэт выгодно для себя замечает: успех не в том, чтобы о чем-то рассказать, но главным образом в том, чтобы это показать.

Безусловность нашего времени нагромодила новые, еще более драматические условности. Понятие «условность» проистекает от слов условие, условить-ся. Люди условливаются жить по определенным правилам, не нарушая их. Чтобы не разорвать ткань бытия. Теперь, когда ткань бытия сплошь и рядом разорвана, исчезли многие условности: доброта, сострадание, например. И опять вышел Хам на улицы наши, выползли на экраны и страницы изданий злобные посредственности, истекающие похотливой слюной и ненавидящие весь мир за собственную недоста-

точно-
кие не-
ру, в и-
гая ро-
пакост-
котни ч-
должно-
ной ст-
Не :
гедиях
ственн-
всегда
продол-
пошлос-
«Россия
ее, нам
И тольк-
ными о-

П
З
И
И
И
Г
З
Н

Что
том, бы-
заставл-
чтобы п-
есть пам-
но во в-
и будущ-

Лож-
Мыльн-
тех, пер-
навешал-
знания -
жести п-
в холуй-
нюю. Ко-
пример,
ния мне
невынос-

точность. Чтобы запатентовать эти свои патологические недостатки, многие из них подались в литературу, в искусство, в журналистику — и преуспели, строя романы и боевики, полные физиологических пакостей, ошеломляя дуреющего от всей этой пачкотни читателя и зрителя, выставляя напоказ то, что должно быть сокрыто хотя бы ввиду простой природной стыдливости...

Не за то ли легковерие расплачиваемся мы в трагедиях и катастрофах. И не потому ли основы семейственности, основы народности и общинности, которые всегда скрепляли российское общество, разрушены и продолжают разрушаться? На фоне торжествующей пошлости как не вспомнить слова Николая Рубцова «Россия-Русь, храни себя, храни!..» Но мы не храним ее, нам даже как будто бы все равно и все едино! И только когда обедаемся этими книжно-телевизионными отбросами, что-то в нас начинает вновь оживать:

*Поплачь, душа, быть может, легче станет.
Забудь обиды, горести забудь.
И этот день — он тоже в бездну канет
И там продолжит бесконечный путь.
И в круге том, где вечное движение,
Где каждый круг во времени весом,
Земного ветра теплое течение
Напомнит вдруг о прожитом, былом.*

Что ж, может быть, лишь вспоминая о прожитом, былом, какие бы они ни были, вновь и вновь заставляют нас обращаться к лучшим своим качествам, чтобы преодолеть в себе худшие. Может быть, это и есть память совести, которая существует одновременно во всех трех измерениях: в прошлом, настоящем и будущем?

*Я листочек на ветке любви.
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай же Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.
Горе сгинет и смута пройдет.
Дай нам Бог высоты и простора!
Покаянное время грядет,
Русь, Россия, судьба и опора!..*

Ложная слава смешна свободному и зрелому духу. Мыльными пузырями полопалась грустная известность тех, перед кем в свое время склонялась толпа, кому навешали на горделивую шею чугунных венков признания — столько, что непонятно даже: то ли от тяжести премий и наград склонился долу кумир, то ли в холуйско-уродливом поклоне перед духовной чернью. Когда я думаю и пытаюсь представить, ну, например, себя в образе этакого «олимпийца», терпения мне недостает. Надо же только представить всю невыносимость такой жизни. Свободный от рождения

человек, я бы лишился возможности быть самым собой, поступать и выражать свои мысли естественно, как я того желаю, а не как мне велят конъюнктурные соображения. Быть ли на виду у всех, быть притчей на устах у всех — да это же все равно, что ходить голым.

Публикация Кирилла КОЛМОГорова
г. Кемерово

Алексей ПАТШИН

ОСТОРОЖНО — ПАМЯТНИК!

Ежегодно 24 мая российская общественность отмечает День славянской письменности и культуры. В Кузбассе в рамках этого праздника торжественное собрание почитателей проповедников христианства и создателей славянской азбуки Кирилла и Мефодия в малом зале филармонии под патронажем департамента культуры администрации области стало доброй традицией. Прошедший юбилей, однако, был памятен одним обстоятельством. Так, в ряду мероприятий, приуроченных к этой дате, обратила на себя внимание статья М. Лобановой «О Русская земля!..» («Кузбасс», 24 мая 2000 г.)

Безусловно, прежде всего хотелось бы поговорить с автором по поводу ее концепции, но за отсутствием оной, приходится говорить о частностях. Первое, что бросается в глаза, — это тон. Недопустимый не только в публикациях с историческим материалом, но и вообще в статьях, выносимых на суд общественности. Приведем два—три самых «ярких» примера: «Я, конечно, не собираюсь пропагандистски грубо сближать два разновременных и разновеликих события — спор из-за костей основателя Москвы и явление из небытия общего памятника». Во-первых, то, что автор называет «костями», во всех цивилизованных случаях именуется «останками». Цитируем далее: «Всем нам безумно жаль бывшего общего, великого и бестолкового нашего отечества». Что тут возразить? Я тоже живу в России, в бывшем СССР, но, в отличие от моего оппонента, даже под пыткой не смогу назвать свое отечество «бестолковым». Россия была разной, за свою тысячелетнюю историю она прошла сложный, но великий путь. От племени до империи. Была державой, была и царством, познала «бунташный» век, познала и «смутное» время. Было знаменитое Ледовое побоище и разгром рыцарей Тевтонского ордена, завершивший освобождение Новгородских и Псковских земель, что надолго приостановило дальнейшую агрессию крестоносцев и их продвижение на Восток. Была величайшая Куликовская битва, положившая

начало освобождению русского народа от монголо-татарского ига, был славно бит Наполеон и наголову разбита фашистская Германия, был первый полет и прорыв в космическое пространство и великое соби- рание народов. Все тут было. У нас нет причин сты- диться своего прошлого, у нас великое будущее: там, где свистят в поле половецкие суслики, уходят в кос- мос русские ракеты.

Неподдельное удивление вызывает сообщение ав- тора, что «Сегодня уже есть 19 переложений «Слова» на современный русский». Ведь доподлинно известно, что их несколько десятков. Нам также трудно согласи- ться с авторским определением «Слова о полку Иго- реве» как «единственного из домонгольской поры ху- дожественного произведения». Хочется спросить: «К какому времени отнести такие произведения, как «Повесть временных лет», «Слово о Законе и Благо- дати» первого киевского митрополита из русских Ил- лариона, «Киево-Печерский летописный свод», «Из- борник» князя Святослава Ярославича, «Сказание о Борисе и Глебе», «Духовная великого князя Влади- мира Мономаха детям своим», «Повесть об ослепле- нии князя Василька Ростиславича», «Сказание о рас- пространении христианства на Руси», «Хождение Даниила», «Слово о князьях» и целый ряд других не менее известных произведений? Нашествие монго- лов на Русь началось в конце 30-х годов XIII века, тогда как написание вышеозначенных произведений уверенно датируют XI—XII вв., т. е. в так называе- мый домонгольский период.

Мы также не можем согласиться с автором, кото- рая утверждает, что слова «комонь» и «чага» нигде больше не встречаются, кроме «Слова о полку Иго- реве» и «Ипатьевской летописи». Так, в «Повести вре- менных лет» читаем сообщение, в котором упоминает- ся слово «комонь»: 6477 (969 г.) «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моея, яко ту вся благая сходят- ся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина и оwoщеве роз- ноличныя, из Чехъ же, из Угорь серебро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь»¹ (из послания князя Святослава больной своей матери Ольге и боя- рам перед вторым походом на Дунай).

Слово «чага» встречается еще чаще: оно широко распространено в тюркских языках (новоуйгурском, та- тарском, турецком, половецком, туркменском, узбек- ском и ряде других). Зафиксировано оно и в джагатай- ском словаре шейха Сулеймана Бухарского (Стамбул, 1208 г. мусульманской эры). У монгол оно встречается реже, хотя и упоминается в найденной при раскопках знаменитой золотоордынской рукописи на бересте.

Что касается слов, которые употребляются толь- ко в «Слове о полку Игореве» то такие, действитель-

но есть и они имеют специальный термин — гапаксы «Слова», но их гораздо больше, чем видится автору.

Далее, не совсем обоснованно автор называет Ка- рамзина «первым перелагателем «Слова» на современ- ный язык». Строго говоря, первыми переводчиками «Слова» были его первые издатели: А. Ф. Малинов- ский, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. И. Мусин-Пушкин. Но если быть более точным, то к их числу следует причислить и петербургских ученых И. Н. Болтина и И. П. Елагина. О Жуковском известно: над своим по- этическим переводом он работал в период с 1817 по 1819 годы, что не дает никаких оснований отнести его к «первым перелагателям». Тем более это не мог- ло быть «при графе», так как собиратель рукописей скончался в 1817 году, причем в начале года, 1 (13) февраля, из чего следует, что даже с большой долей натяжки у нас нет оснований утверждать, что Жу- ковский осуществлял свой перевод при его жизни.

Неподдельное удивление вызвало авторское за- мечание, что Ярославне было 16 (!) лет. Трудно ска- зать, насколько достоверен источник, используемый автором для подобного шокирующего сообщения. По этому поводу есть другие мнения: академик Рыбаков, говоря о жене Игоря, сообщает, что она дочь Ярос- лава Галицкого, от которой у него было пять сыновей и одна дочь. В. П. Андрианова-Перетц пишет: «Надо полагать, что Игорь женился на дочери Ярослава Осмомысла в 1169 году, восемнадцати лет от роду, а может быть, и немного раньше. Все сыновья Игоря были и сыновьями Евфросиньи, поэтому они позднее стали галицкими князьями»².

Предполагаем, что ошибка автора статьи могла быть вызвана некритическим прочтением ряда сообщений. А ведь еще в 1964 году историк и филолог А. В. Соловь- ев писал, что «известие о втором браке объясняется невнимательным чтением «Истории» Татищева, кото- рой Екатерина II широко пользовалась в своих «Запис- ках по русской истории». [...] Екатерина II отметила, что под 1184 г. Владимир (Галицкий) назван шурином Игоря, но сделала из этого неверный вывод, что свадь- ба была в этом году»³. С их мнением солидарно боль- шинство современных ученых, которые признают, что существовавшая ранее версия, согласно которой Ярос- лавна — вторая жена Игоря, и авторство которой при- писывают Екатерине II, ошибочна.

Вызывает смятение и авторский панегирик о во- инском умении князя Игоря: «до и после несчастного похода у него были два удачных», в котором непол- нота исторического взгляда соприкасается с тенден- циозностью и усеченностью. Хотелось бы спросить ав- тора, а не к их ли числу она относит страшный разгром и ограбление русского города Глебов, учиненный кня- зем Игорем вместе с братом Буй Тур Всеволодом в

1183 году? А как бы она охарактеризовала действия Игоря, когда он в бурный 1181 год совместно с союзными ему половецкими отрядами, возглавляемыми Кончаком и Кобяком, участвовал в борьбе за Киев на стороне Святослава Всеволодовича? Киевский князь Рюрик Ростиславич послал против них Мстислава Владимировича с черными клобуками и со своим воеводой; половцы были захвачены врасплох и побеждены, а сам князь Игорь вместе с половецким ханом Кончаком «вскочивша в лодью бежа на Городец к Чернигову». Быть может, автор считает воинской доблестью тот факт, что Новгород-Северский князь Игорь неоднократно, под разными предлогами, уклонялся от общерусских походов на половцев? Пока здесь вопросов больше, чем ответов, на каждом из которых мы намерены более подробно остановиться в специальных работах.

Мы также не можем пройти мимо следующего высказывания автора: «Шесть лет потратил граф, только чтобы разложить текст рукописи...» Было бы крайне несправедливо приписывать научную и исследовательскую роль только графу. Скорее, наоборот. О реальном распределении ролей красноречиво говорит известное свидетельство типографщика А. С. Селиванского: «Корректуру держали: А. Ф. Малиновский, Н. Н. Бантыш-Каменский, а третью читал граф Пушкин. Они делали частые поправки в корректуре, с точностью издавая подлинник, от чего печатание шло медленно. Граф Пушкин не имел права помарывать корректуру»⁴, т. е. Мусину-Пушкину не разрешалось даже править корректуру.

А вот что говорит по этому поводу виднейший ученый, ближайший соратник Д. С. Лихачева Л. А. Дмитриев: «Над подготовкой первого издания работали А. И. Мусин-Пушкин, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский. Мусин-Пушкин как владелец рукописи «Слова» возглавлял издание, был организатором его. За научную сторону издания отвечали два других издателя. Точных сведений о роли в первом издании Бантыш-Каменского у нас нет. По-видимому, на нем прежде всего лежала ответственность за подготовку древнерусского текста «Слова». Переводом и комментированием «Слова» занимался Малиновский»⁵. И посему, да не сочтет благонамеренный читатель за дерзость наше едкое замечание, в своем гордом, но непродуктивном графском одиночестве обладатель драгоценного «Слова» мог заниматься его разбором еще не один десяток лет. Потому было бы гораздо справедливее и объективнее, говоря о первом издании, не забывать всех тех, кто своим трудом оказал реальное содействие выходу в свет знаменитого издания.

На этом нам бы хотелось завершить утомительную, но необходимую часть данной работы, если бы

не еще ряд мест, о которых нельзя умолчать. В самом начале своей статьи автор, говоря о Юрии Долгоруком, приводит следующий лихой абзац: «Любитель поесть и выпить, он, по мнению ученых, был отравлен на пиру у Осменника Петрилы и похоронен 16 мая 1157 года». Не будем корить автора за излишнюю «строгость» к гастрономическим наклонностям Великого князя Киевского. Улыбки ради заметим, а у кого из правителей их не было? В какие времена, в какой орде и в каком княжестве царствующие особы отличались воздержанностью и умеренностью в чем бы то ни было?! Не исключая и нынешние, не совсем обильные времена: посмотрите, как начинают округляться державные щеки и лосниться имперские животики современных самостийных и «незалежных» наполеончиков в окраинных отделениях бывшего СССР, как только влезут они на «стол», всех тех, в ком не остыло еще горячее желание «омочить сапоги в Индийском океане». Просим прощения у читателя за неожиданный эмоциональный всплеск. Его же внимание мы бы хотели обратить на следующее: в рассматриваемой публикации именование хозяина «Осменник Петрила» выглядит так, как будто это имя собственное. Если мы обратимся к летописному о том сообщению, то обнаружим следующее: «Пивъ бо Гюрги въ осменика оу Петрила; въ тъ день на ночь разболеся и бысть болести его 5 дний». Словарь И. И. Срезневского «Материалы для древнерусского языка» дает следующее пояснение в статье «осмьникъ, осменикъ» — сборщик торговой пошлины; судебно-полицейская должность в древней Руси⁶. Значит, и перевод данного места будет иным. Выглядит конфузно, но огорчаться не стоит: справедливости ради, подобные смешения встречаются и в более серьезных публикациях.

Далее, авторское рассуждение о споре «славян» — по меньшей мере, ерничество над прахом, исторической памятью и прошлым. Что в том плохого, если город чтит память своего основателя (даже если не брать в расчет современную ситуацию)? Мы сами разве не чтим своих предков? В России традиционно не любили Москву, не любят и сейчас. Санкт-Петербург тоже познал нелюбовь и общества, и граждан. А кого в ней любили безоглядно? Не любим мы волю, не терпим и долю.

Трудно не сделать замечание по следующему пассажиру: «Да, Новгород-Северский князь не был мудрым, как Ярослав Киевский, и не «запирал ворота Думаю», как Галицкий», т. к. в «Слове» «затворяют ворота» не «Думаю», а «Дунаю». Если это опечатка, то двусмысленная, как и следующая: «А еще восемнадцать лет спустя, сидя в рабском седле половецком, князь Игорь пишет летопись, вспомнит, как вот так же сам «брал на щит» русский городок Глебов, и

скажет: мой плен — это божья кара за пролитую тогда кровь соплеменников». Игорь никогда не писал летописей. Здесь должна бы быть ссылка на летопись или запятая после слов «князь Игорь», которой у автора не оказалось, от того и получилось: «Казнить нельзя помиловать».

В начальный период своего знакомства со «Словом» автор этих строк также не подвергал сомнению того, что его легендарный список сгорел в московском пожаре 1812 года. Это стало общим местом. Между тем недавно просочилось известие, что список «Слова» не сгорел, но находится в Европе и хранится в книгохранилище влиятельнейшего мирового «центра». Это прозвучало в устной беседе с известным московским художником А. В. Артемьевым. Данное сообщение — чрезвычайно важное по своей сути, и из этических соображений нам бы хотелось, чтобы приоритет о его огласке принадлежал самому Артемьеву.

Как представляется, в том, что «Слово» могло уцелеть, нет ничего удивительного. Да, была война, и был огромный пожар по всей Москве. Все армии мира похожи друг на друга: сжечь и уничтожить все то, что нельзя вывезти или унести с собой. Но не нужно позорить Францию и ее армию. Это сделают ее военное руководство и полководческий дар М. И. Кутузова чуть позже. Вспомним полулегендарную военную экспедицию Наполеона в 1798 г. в Египет, куда его сопровождало более ста французских ученых, писателей и художников. Впоследствии Наполеон потерпел там от Англии военное поражение, но те «научные трофеи», которые были собраны во время египетской кампании, включая знаменитый Розеттский камень, еще долго служили новой науке египтологии в качестве наглядного материала и важнейших первоисточников.

Франция — страна просвещенная, и вслед за солдатскими корпусами втайне двигались спецкоманды, в задачу которых входило изымать и увозить в императорские музеи ценные произведения искусства. Дом Мусина-Пушкина, вернее, настоящий дворец, трехэтажный, с восьмью колоннами и фронтоном (чем-то напоминает нынешнее здание Технического университета, что на площади Волкова в городе Кемерове, только статью повыше да в плечах пошире), был «по смерти его продан наследниками правительству и употреблен ... для второй московской гимназии»⁷ (и в котором впоследствии безбедно размещался Инженерно-строительный институт), — этот «дом» был весьма привлекательным объектом для наполеоновской спецкоманды. Ведь в его коллекции, кроме ценнейшего собрания древнерусских летописей, были не менее ценные полотна Рафаэля, Леонардо да Винчи, Рубенса. Как свидетельствует существующая перепис-

ка, о самом сосуществовании уникального частного собрания древностей и их владельце знали многие европейские гуманисты, дипломаты и общественные деятели. К тому же Москва в то время не была такой большой, да и усадеб, подобных графской, было не столь уж много, и не следует упускать из вида, она не была столицей в то время. Так что известие о том, что «Слово» могло быть вывезено с трофеями в Европу, вовсе не лишено оснований.

В своих поразительных по тщательности разысканиях В. П. Козлов привел любопытные сведения, как граф переправлял свои сокровища из Москвы, к которой приближалась французская армия, в Иловню, свое имение под Ярославлем. Из представленных и впервые опубликованных им спустя более чем полтора века документов (переписки) видно, что далеко не все сгорело в огне. Многие графом были вывезены, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма, которые проливают свет на эту историю, но самым удручающим документом была опись вывезенного из Москвы графского имущества.

Это был огромный обоз, состоявший из 32 подвод. Все отобранное было тщательно упаковано, взвешено, осмотрено и по описи отпущено в Иловню. Из документа видно, что все отгружалось неторопливо и деловито. Можно сказать, по-хозяйски. Общий вес поклажи составлял почти 3 тонны (свыше 180 пудов!) Отправленный из Москвы 22 августа, т. е. незадолго до Бородинской битвы, груз благополучно прибыл в имение к началу сентября. Сама же семья Мусиных-Пушкиных покинула Москву еще до начала военных действий и находилась в своем имении. 9 сентября граф уже знал об оставлении Москвы русской армией. В своем письме А. З. Хитрово он писал: «Несчастье, последовавшее с Москвою, надеюсь, теперь и вам уже известно. Теперь отсюда ни сюда к нам, ни к Вам не будет уже почты... Лучшие вещи из московского дому сюда перевезены, но не знаю, что здесь с оными последует, а особливо тогда, ежели нужно мне будет здешнее место оставить»⁸. Теперь, сдерживая негодование и слезы, приведем подробную расшифровку описи вывезенного имущества (любителей древностей, патриотов, историков и слабоонервных просим сдерживать свои чувства или дальше не читать):

1. «Сундук серебро столовое из горки»
2. «Сундук с образами из церкви»
3. «Сундук серебро с горки»
4. «Ящик с шубами»
5. «Сундук серебро столовое»
6. «Сундук от Дарьи Яковлевны»
7. «Ящик с образами и графский ларец»
8. «Графский железный сундук»
9. «Шкапик с медалями»

10. «Сундук княгини»

11. «Ящик из буфету с мелким серебром»

12. «Сундук от Дарьи Яковлевны»⁹

Нет здесь «Слова о полку Игореве»! Нет здесь и бесценнейших древнерусских рукописей, изъятых Мусиным-Пушкиным из монастырских библиотек в ту пору, когда он занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода.

О чем шумите вы, витии? Не нашлось ему места среди «лучших вещей», загодя вывезенных из Москвы. Ограбил граф Россию, оголил монастырские собрания, стащил в свой кабинет несметные сокровища в угоду собственному тщеславию и распылил их по свету. Прележали они несколько веков в монастырях целыми и невредимыми, пока не коснулась их хищническая бездушная рука «собирателя». Выходит, игрался граф в историю, игрался в древности перед Екатериной, будучи у власти, ударился в свое собирательство-хобби, из тех, что сродни новомодному увлечению — игре в теннис при недавнем Кремлевском правителе (да не сочтут за неуместное привлечение примеров из несостоявшейся новейшей истории), а когда настала трудная година, на мелкое столовое серебро променял бесценное «Слово»...

Автор статьи с умилением перечисляет графские регалии: «Он был кавалером двух российских и польского орденов, почетным членом Московского университета...», а нам думается, уж не эти ли медали были отгружены в 9-м «Шкапике с медалями», в котором не нашлось места знаменитому нумизматическому собранию, включавшему в себя редчайшее «Ярославле серебро»? Вот что на самом деле оказалось дороже графскому сердцу. Калиф на час, волею указа взлетевший к вершинам земной власти и низринутый с нее в одночасье...

Апологеты графа могут упрекнуть нас в излишне строгом отношении к его собирательской деятельности. Попробуем доказать необоснованность данных подозрений и отведем обвинение в пристрастном к нему отношении. Скажем лишь: мы не одиноки. Но еще более критичны и взыскательны к графу и его собирательской деятельности были его современники. Так, в октябрьско-ноябрьском номере журнала «Вестник Европы» за 1813 г. сразу после «Записок для биографии... Мусина-Пушкина» следовал отрывок из предисловия к «Опыту российской библиографии» издателя В. С. Сопикова, где он писал: «При сем не могу не заметить, что в Отечестве нашем многие редкие и драгоценные остатки древней словесности русской, инде снедаемые молием и пылью, а инде обложенные позлащенным переплетом в великолепном шкафе богатого библиомана или в темном углу у завистливого библиофила, лежат заперты, без достойного

употребления и к большому сожалению находятся во всегдашней опасности от внезапных случаев и тления погибнуть невозвратно»¹⁰. Если в словах Сопикова пока еще намек на Мусина-Пушкина, по чьей вине Россия навсегда лишилась бесценных древнерусских рукописей, то Т. С. Мальгин взял на себя роль общественного обвинителя графа. При подготовке четвертого издания своего «Зерцала российских государей» он напрямую обвиняет графа: «У любителя скупого все почти собранное сокровище, кроме самой малой части, на время сообщенной, в 1812 г. при нашествии галлов в прах и пепел превратилось... Ничтожные плоды суетности и хладности к Отечеству! Да научатся от сих злополучных примеров прочие самолюбивые охотники не присвоить себе единственных приобретенных редкостей и древностей российских, но жертвовать ими Отечеству!»¹¹

Здесь уместно сказать, что «Среди русской общности конца XVIII — начала XIX вв. получили широкую популярность идеи централизации разысканий древностей и концентрации их хранения в целях лучшего использования и общедоступности. В сфере общественного внимания при обсуждении этих идей неизменно находилось и собрание Мусина-Пушкина. С одной стороны, коллекцию графа предлагалось сделать основой национального музея — с таким предложением выступил, например, журнал «Русский вестник». С другой стороны, не раз звучали призывы к самому Мусину-Пушкину сделать общедоступной свою коллекцию»¹². Эта коллекция, названная современником «Единственным в России собранием древностей», была поистине уникальной, и по количеству собранных раритетов с ней была сопоставима коллекция графа А. Ф. Толстого, за полтора-два десятилетия собравшего свыше 1100 рукописей. Однако об истинном объеме мусинского собрания теперь можно только догадываться. Здесь небезынтересно привести свидетельство Карамзина, дошедшее со слов Калайдовича в записи Погодина, о том, как хранились летописи в печально знаменитом доме на Разгуляе. Граф, которого в Москве часто навещал знаменитый историк, «показывал только известные рукописи; все прочие валялись у него в двух огромных залах: инде виднелся пергамент и т. д.»¹³ К слову сказать, не гнушался граф и порчей книг и рукописей: так, при перепродаже библиографу, издателю В. С. Сопикову, части крекшинско-деднеевского архива, по его словам, «нужные и важные заметки, в нем бывшие, графом П(ушкиным) все были уже вырваны...»¹⁴ Вот как обращался с рукописным наследием человек, занимавший в государственной российской иерархии своего времени одно из высших мест! Любопытны и методы, с помощью которых прирастало его собрание. Калай-

дович указывал, что Мусин-Пушкин «учредил» «во многих старинных городах» специальных комиссионеров, которые «всюду объявляли и продавали охотно» ему всевозможные древности. Одним из таких комиссионеров был протоиерей московского Архангельского собора П. А. Алексеев. Из сохранившихся писем Алексеева к графу, по заданию которого тот разыскивал Иоакимовскую и Симоновскую летописи, даже спустя два столетия веет детективом: «Надобно их сперва пошарить в Синодальной и Типографской библиотеках, не по каталогу книжному, но особливим образом, ибо тут кроется некоторый секрет, не всем людям известный, а после у частных рук пульс пощупать можно дозволенными средствами»¹⁵. А 11 мая 1792 г. он уже сообщает графу: «В удовольствие достохвального Вашего желания приискал я летописец старинный на 118 тетрадах, в лист, писанный древним почерком и в переплете исправном, но не могу ему имя нареци, чьего он творения, ибо начального и самих последних листов не имеется. За него платы просили сперва дорого, а напоследок согласился отдать за 50 рублей»¹⁶. Всего-то?! А вы говорите «великим иждивением», т. е. немалыми расходами.

«Необходимо отметить, что на причастность Мусина-Пушкина к изъятиям рукописей не раз указывали и деятели церкви. Так, церковный деятель, историк и археограф Евфимий Болховитинов (в монашестве — Евгений) в 1815 г. писал В. Г. Анастасевичу: «Вы, подобно другим, твердите, что в монастырях укрываются и гниют летописи и акты древние. Нет: они все давно уже оттуда вытаснены и духовными и светскими. Цари Иван Васильевич и Алексей собирали их в свою палату; патриархи тоже, а наконец, и Мусин-Пушкин»¹⁷. Вот в каких масштабах изымал граф монастырские раритеты — сопоставимых с царскими и патриаршими. Вот уж действительно, как говорите Вы: «Удивительный человек был этот граф...»; красноречивей некуда.

После вышесказанного Ваша фраза: «Узнав о его собрании древностей, Екатерина удостоила его личного общения» выглядит, скорее, как метафора. У Екатерины II под боком был основанный ею Эрмитаж, куда вошли богатейшие дворцовые коллекции, и этим все сказано. При всем нашем весьма непростом отношении к графу нужно сказать, что в свое время А. И. Мусин-Пушкин — один из самых высокопоставленных чиновников и принадлежал к высшему эшелону правительственного аппарата при Екатерине II, и именно служебное положение в первую очередь давало ему доступ к императрице; все остальное прилагательное. К тому же она во многом сама содействовала его собирательству. Так, множество рукописей из библиотек ученых-современников после их

смерти покупались за казенный счет и передавались в его собрание. Но это полбеды. Самое страшное в том, что своим печально знаменитым указом от 11 августа 1791 года, инспирированным самим Мусиным-Пушкиным, о собрании из монастырских архивов и библиотек всех древних летописей и других до истории касающихся сочинений, дающим право обер-прокурору Синода истребовать их из монастырских собраний, Екатерина II, образно говоря, запустила козла в летописный огород! (да простит благонамеренный читатель двойное толкование данного места). Чингисханом прошелся граф по книгохранилищам подведомственной ему синодальной территории. Не возьмемся даже предположить, что осталось бы в них, пробудь на своем посту сколько-нибудь долго собиратель-граф, злоупотребляя своим служебным положением, как часто то бывает на Руси. Но всему на свете бывает конец.

«В конце 1797 г. новый обер-прокурор Синода кн. В. А. Хованский выдвинул против Мусина-Пушкина обвинение в присвоении им рукописей, находившихся во временном пользовании Синода»¹⁸, и предпринял ряд мер по истребованию ранее изъятых и невозвращенных им рукописей из монастырских собраний. Иск тянулся продолжительное время, получил широкую огласку в обществе, и само «дело» о взыскании рукописей с Мусина-Пушкина было прекращено только в 1804 году...

К счастью для отечественной науки, в России всегда были люди непохожие на графа, чьи благие деяния оставили по ним добрую память в последующих поколениях. Видный деятель своего времени, авторитетнейший знаток древнерусской литературы и письменности К. Ф. Калайдович в феврале 1814 г. в письме к Волкову, передававшему в МАКИД несколько старинных рукописей, писал: «Вы сделали благородное дело и малым показали свое усердие к наукам, между тем как гр(аф) П(ушкин) и другие подобные, беззаконно стяжавшие свои ученые сокровища, предавали их на жертву пламени»¹⁹.

Здесь следует сказать, что во время Отечественной войны 1812 г. сгорело не все знаменитое собрание, кое-что по случайности уцелело, в том числе 18 старинных рукописей, отданных на время работы Карамзину, который увез их с собой из Москвы во время оккупации ее французами. Вот что с ними было впоследствии: по свидетельству племянника Мусина-Пушкина, ссылавшегося на вдову дяди-графа, она после смерти графа потребовала у Карамзина вернуть отданные ему рукописи. Карамзин их не вернул графине, но как честный гражданин и истинный патриот заявил ей, что «эти книги должны храниться не в частных руках, а в государственном книгохранилище»²⁰. Что и случилось после смерти историографа,

когда вдова Карамзина, а затем и его сыновья передали их в Археографическую комиссию и Публичную библиотеку.

И это не единственный столь счастливый случай в «несчастный год» нашествия французов. Так, Н. Н. Бантыш-Каменский спас все архивные материалы, отправив их из Москвы в сундуках на подводах сначала во Владимир, а затем в Нижний Новгород. Благодаря его подвижническому подвигу сохранились ценнейшие рукописные и печатные фонды Архива Коллегии иностранных дел. Это был именно тот Бантыш-Каменский, с которым граф был в ближайших и деловых отношениях, тот, с которым он готовил первое издание. Значит, было в ту трудную годину государственное учреждение, было кому поручить собрание, «единственное в своем роде», чтобы позаботились о нем надлежащим образом. История не терпит слагательных сентенций, и все же: если бы графское (читай общероссийское) историческое достояние было бы своевременно передано в МАКИД на попечение археографу Бантыш-Каменскому, оно бы также уцелело и было бы сохранено к незабвенной чести попечителей, собирателя и великой пользе российским наукам. Мусин выбрал иное. Недобрая память, обвинения современников, сгоревшие либо бесследно исчезнувшие рукописи — таков итог графского стяжания. Жалкие итоги тщеславной жизни и вечный, немой и несмываемый укор поколений...

Тут будет к месту дополнить душещипательный рассказ автора статьи о последнем жизненном пути именитого собирателя: «Умер и сам граф. Крепостные мужики — пешком зимою, на руках, пронесли его гроб от Москвы до Ярославля в родовое поместье». Нашел он свое пристанище на погосте, да скрыло графскую могилу и его бранные останки, — затопили их рукотворные волны Рыбинского водохранилища, возведенного в советское время, и места того уже не найти. Время — мудрее.

Невольно хочется сказать: «Sic transit gloria mundi», но с вопросительным знаком на конце. Сумятица людская! Чего только не примерят в своей жизни люди, а конец все единый, что у графьев, то и у князьев.

Но нет худа без добра, и от великого до смешного один шаг: делая «разбор полетов» после пожара 1812 года, граф выговаривал в письме своему управляющему: «Крайне досадно мне, что ты не предпринял мер для сбережения книг и бумаг моих. Ежели Ивану Петрову оные были неизвестные, то тебе стыдно не знать, что для меня было нужно и чем я всегда дорожил»²¹. А в другом письме, обнажая свою личину, срывался: «...с какого резону и по какому позволению распоряжался ты моим домом и отдал по-

греб внаймы, разве для того, чтоб пьяницы и грабители в доме моем имели пристанище. Чтобы того же дня, как сие получишь, высланы были все не принадлежащие мне люди и сволочи»²². Архивы сохранили копию-черновик ответа управляющего Щепягина, поданного в московскую полицию и поясняющего, что дом «и в нем домовая церковь в коей, а равно и в доме, всякое господское имущество, кладовая и подвал с виноградными винами разграблены...»²³ Как хочется верить, что не все точки расставлены в этой истории с графским шмутьем. Как хочется верить, чтобы чудом спаслось в лихолетье «Слово» и нашелся утерянный список! Ведь есть же версия, что некий список «Слова о полку Игореве» вместе с кучей домашнего скарба и книгами был куплен одним киргизом в Петрозаводске и вывезен из города, предположительно в южную степь. Ей Богу, теперь все равно куда: хоть в Европу, хоть в степь, лишь бы уцелело да живо осталось.

125 Помните — «Рукописи не горят»; я в это верю, осталось только доказать и проверить временем. Хранится же где-то Янтарная комната. Пусть пока не в России, но ведь хранится, значит, уцелела, жива, и есть надежда, что когда-нибудь вернется в Россию. Нам же остается ждать и верить. Время — непредсказуемо, и мы не ошибемся, если скажем: впереди нас ждут еще многие откровения в истории «Слова».

Заканчивая критическую часть нашей работы, следует сказать: мы были бы несправедливы, если не указали бы на ряд положительных моментов, имеющих в рассматриваемой публикации. Так, автор отмечает, что в том месте, где она провела школьные годы, «500 лет спустя! — сохранялось т. н. поганое (т. е. «татарское») кладбище». Нельзя сказать, что данное наблюдение может кардинально повлиять на толкование слова «поганые» в поэме (которое, кстати, никогда не вызывало трудностей и сомнений у исследователей «Слова»), тем не менее это жизненное свидетельство можно использовать в качестве жизненно-правдивого аргумента. Далее, не могу не удержаться, чтобы не привести целиком понравившийся отрывок: «Мы сегодня воспринимаем «перегородили поле» лишь как метафору. А для современника это означало военный термин — стали боевым порядком. Причем пеше, а не на конях». Это уже довод, подкупающий не только своей простотой, но и наблюдательностью. Вот то малое, которое, даже при всех тех недочетах, в какой-то мере оправдывает саму идею публикации рассматриваемой статьи; впрочем, это еще раз доказывает, что в любом, даже самом экзотичном, материале найдется здоровое семя, нужна лишь отсеять одно от другого.

И потому, как бы подводя некий промежуточный

итог нашим наблюдениям, хотелось бы напомнить автору статьи, что исторические, равно как и летописные источники, требуют взвешенного подхода и более бережного с ними обращения, а также о недопустимости той категоричности во мнении и оценках без каких-либо оговорок и допущений.

Тем не менее в целом видно, что автор неравнодушна к избранной теме, к литературному наследию Древней Руси, и, как знать, не обратится ли она в будущем к ней снова. Это нужно только приветствовать. Но хочется пожелать, чтобы в будущем ей была напутствием замечательная мысль, высказанная А. Черновым: «...будем внимательны к «Слову», но будем и осторожны в проявлениях нашей любви к нему, ведь перед нами не просто памятник, а национальное духовное достояние»²⁴.

Прежде чем перейти к заключительной части, не можем не высказать озабоченность по следующему поводу: за столь продолжительное время, кажется, никто из пишущих, — ни в том, ни в другом Союзе писателей Кузбасса, не возразил и не поправил автора — неужели всю читающую и литературную общественность удовлетворил опубликованный материал, что само по себе настораживает; нам бы хотелось верить, что это не так. Что еще немаловажно: учитывая влияние и многотысячный тираж издания в Кузбассе, было бы нежелательно, чтобы тот ряд искаженных фактов был вовлечен в оборот и использовался в качестве отсылок. Вот вкратце те раздумья, которые вызвала данная публикация.

Нужно ли говорить, насколько важно для современного состояния общества длить и хранить нить памяти, тянущуюся нетленным светом исторической преемственности. В этой связи не можем, хотя и вкратце, не сообщить о тихой и малозаметной выставке в фонде редкой книги Областной научной библиотеки имени В. Д. Федорова — «815 лет «Слову о полку Игореве», идейным вдохновителем и практически единственным организатором которой была завсектором редкой книги Татьяна Павловна Стафеева. И хотя представленные для выставки экспонаты были не столь многочисленны, как бы того хотелось (поскольку для этого были задействованы фонды только этого отдела), но именно благодаря неиссякаемой любви и преданности своему делу, а не разнарядке, спущенной сверху под сноской «плановое мероприятие», подвижники, подобные ей, не дают забыться этой да и другим знаменательным датам в истории отечественной словесности и культуры. Надеемся, что в будущем подобную выставку можно будет провести масштабней, с привлечением более разнообразного выставочного материала.

ла. Но то, что уже на этой выставке был представлен ряд интересных экземпляров, таких, как факсимильное издание той самой, часто цитируемой книги, изданной в 1800 году, престижное и редкое Свердловское издание 1985 года и ряд других, — радует.

Прошедший год памятный в истории «Слова» — 200 лет со дня первого издания «Ироической песни». Тихо и незаметно юбилей случился в конце года, но в отличие от прежних лет парадных постановлений не было. Юбилейных торжеств тоже. С нами что-то случилось, а мы этого и не заметили. Оказалось, что мы больны и не только экономически. Здесь я пекусь уже не о «Слове»: оно познало худшие времена, переживет и это. С нами что будет, если купированная память добровольно предает забвению крупные даты и столь драматические события? О чем плачет «Слово»? По ком звонит колокол?

Мы любим круглые и легко запоминающиеся даты. Они удобны и графичны. Не станем нарушать данную традицию. Теперь уже трудно сказать, сколько было издано специальных постановлений по «Слову», еще труднее предвидеть, будут ли они в обозримом будущем. Ясно одно: великое и вдохновенное «Слово» живет и, словно могучая река, вбирая в себя самые светлые роднички пытливого исследовательской мысли, с каждым разливом становится все шире и шире. Будут «новые» скептики, будут и «новые» ниспровергатели памятника, но они вторичны. Сомнение — позитивно. Расшатывая крону, оно укрепляет корни. Главное то, что «Слово» было и есть. Вызрело и упало на благодатную и окультуренную почву, где прорастет новыми литературными всходами, живописными полотнами, архитектурными ансамблями. И все это во славу Отчизны.

Начавшись задолго до публикации «Слова», исследования о нем не прекращаются ни на минуту. Незримый коллектив исследователей «Слова» неустанно ведет научную работу по истории той эпохи, окрашенной ярким пятном художественного слова. И все же, несмотря на все усилия, ряд научных проблем в слововедении все еще остаются неразрешенными и ставят в тупик современника-исследователя.

«Слово» — пытливо.

Мы будем отчасти удовлетворены, если данная статья и наш скромный труд возбудят читательский интерес и подвигнут кого-либо на самостоятельное прочтение бессмертной поэмы. И в дальнейшем, быть может, кто-нибудь из нас скажет свое слово в еще незаконченной, трагической и непредсказуемой истории памятника славянской письменности — «Слова о полку Игореве».

- ¹ Памятники литературы Древней Руси.
- ² Андрианова-Перетц В. П. Памятники русской литературы XI-XIII вв. М., 1908.
- ³ Соловьев А. В. ТОДРЛ. Т. 20. М.-Л., 1956.
- ⁴ Полевой Н. Любимое слово // СО. 1839. Т. 8.
- ⁵ Дмитриев Л. А. «Слова о полку Игореве». М., 1988.
- ⁶ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 1.
- ⁷ Барсуков Н. П. Кн. 7. С. 313. Цит. по на и «Слово о полку Игореве».
- ⁸ ЦГАДА. Ф. 127. Кр. 1. Л. 1.
- ⁹ ЦГАДА. Ф. 127. Кр. 1. Л. 1.
- ¹⁰ Козлов В. П. Указ. соч. С. 154—155.
- ¹¹ Лепехин М. П. фея Мальгина // Ежегодник. М., 1980. С. 68—69.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ Памятники литературы Древней Руси. М., 1978. С. 80—82.
- ² Андрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 97—98.
- ³ Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». ТОДРЛ. Т. 20. М.-Л., 1964. С. 378—379.
- ⁴ Полевой Н. Любопытные замечания к «Слову о полку Игореве» // СО. 1839. Т. 8. Смесь. С. 17.
- ⁵ Дмитриев Л. А. Первое издание «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 4. С. 19.
- ⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 2. С. 729.
- ⁷ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 7. С. 313. Цит. по: Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. С. 152.
- ⁸ ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 681. Л. 8. Цит. по: Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. С. 155.
- ⁹ ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 705. Л. 2. Цит. по: Козлов В. П. Указ. соч. С. 154—155.
- ¹⁰ Козлов В. П. Указ. соч. С. 68.
- ¹¹ Лепехин М. П. Об одном неосуществленном замысле Тимофея Мальгина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1980 год. Л., 1984. С. 54—55. Цит. по: Козлов В. П. Указ. соч. С. 68—69.

- ¹² Мысль о книгохранилище отечественном // Русский вестник. 1808. Ч. 2. № 4. С. 51—56. Цит. по: Козлов В. П. Указ. соч. С. 151.
- ¹³ Барсуков Н. П. Указ. соч. Т. 1. С. 159. Цит. по: Козлов В. П. Указ. соч. С. 133.
- ¹⁴ Дмитриев Л. А. История открытия рукописи «Слова о полку Игореве» // Слово. СПб., 1962. С. 416.
- ¹⁵ Из бумаг протоиерея Петра Алексеева // Русский архив. 1882. № 2. С. 83. Цит. по: Козлов В. П. Указ. соч. С. 77.
- ¹⁶ Там же. С. 77.
- ¹⁷ Русский архив. 1889. № 5. С. 31—32. Цит. по: Козлов В. П. Указ. соч. С. 89—90.
- ¹⁸ Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980. С. 61.
- ¹⁹ Безсонов П. Константин Федорович Калайдович: Материалы для жизнеописания // Чтения ОИДР. М., 1862. Кн. 3. Отд. 1. С. 40—41. Цит. по: Козлов В. П. Указ. соч. С. 89.
- ²⁰ Барсуков Н. П. Указ. соч. Кн. 3. С. 311—312. Цит. по: Козлов В. П. Указ. соч. С. 115.
- ²¹ ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 10472. Л. 2об. Цит. по: Козлов В. П. Указ. соч. С. 155.
- ²² ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 681. Л. 1, 1об. Цит. по: Козлов В. П. Указ. соч. С. 156—157.
- ²³ ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 540. Л. 65. Цит. по: Козлов В. П. Указ. соч. С. 157.
- ²⁴ Чернов А. Слово о золотом слове. М., 1985. С. 47.

ТЕЛЕГРАММА

Красноярск

29 ноября 2001 г.

Вместе со всей читающей Россией глубоко скорбим. Ушел из жизни великий русский писатель, сибиряк **Виктор Петрович АСТАФЬЕВ**. Последнее время он тяжело болел, мы звонили в Красноярск, с тревогой узнавали о здоровье. И вот... пришла горькая весть.

Читатели и писатели Кузбасса отдадут последний поклон любимому писателю и передадут свои соболезнования вдове, родным и близким Виктора Петровича.

Пусть русская земля будет ему пухом.

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Бурмистров. Бойтесь лжеучителей.....	2
Владимир Мазаев. Подальше от царей — голова целей?.....	3

ПОЭЗИЯ

Александр Паршуков. Но все жирней людское воронье.....	5
Александр Хохлов. Из новой книги «Именины сердца».....	23
Олег Максимов. Жизнью я, будто кровью, истек.....	29
Валерий Казаков. И век, как жизнь цветка.....	38
Анатолий Иленко.	48
Виктор Бокин.	49
Элеонора Аكوпова. Разбросай меня, как листья.....	51

ПРОЗА

Сергей Подгорнов. ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ поиска работы, данная в размышлениях и обобщениях.....	8
Виктор Арнаут. Второй год службы. Рассказ.....	25
Владимир Мазаев. «И для него воскресли вновь...».....	31
Владимир Шумилов. Рассказы из серии «Флотские былинки».....	41
Герман Веселов. С ним вся моя жизнь. Заметки бывшего мэра города Кемерово.....	53

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ «ПРИТОМЬЕ»

Ирина Малкова, Виктория Можная, Ольга Комарова, Елена Рогузина, Нина Герасименко, Светлана Капкаева, Сергей Рожков, Светлана Богданова, Елена Воробьева, Ника Глазырина-Пашнина, Ирина Мосина, Татьяна Цуприкова, Людмила Остроумова, Ульяна Медикова.	65
Анатолий Неудачин. Федоткин ковчег. Памфлет.....	71

СВЕТЛИЦА

Анастасия Жукова, Ксения Шаптала, Дарья Акулова, Андрей Губин, Татьяна Дмитриева, Юлия Алексеева, Анна Арышева.	90
Потому что мы разные... Журналист Александр Зайцев беседует с председателем Совета народных депутатов Кемеровской области Геннадием Дюдяевым.	93

ОЧЕРК

Евгений Левшов. Вначале было слово.....	96
--	----

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Эдуард Угрюмов. Японцы выбрали Белова.....	104
---	-----

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Итоговый документ участников третьих Иоанновских образовательных чтений.....	105
Протоиерей Николай Сергиевский. Проблемы религиозного обучения.....	106
Николай Неустроев. Патриотизм в России, какой он сегодня?.....	113

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

Валерий Плющев. Так интересно начать и так плохо окончить.....	115
Николай Колмогоров. «Из слов невидимая нить...» Публикация Кирилла Колмогорова.....	116
Алексей Патшин. Осторожно — памятник!.....	119

Технический редактор **В. И. Труханова**
 Корректоры: **Л. В. Маренина, Т. С. Тодорович**
 Компьютерная верстка **М. Ю. Кузнецов**

Тираж 700 экз. Заказ № 881.

Издательство «Кузбассвуиздат».
 650043 Кемерово, ул. Ермака. 7. Тел. 23-34-48.

Internet: <http://www.kvi.bip.ru>

E-mail: kvi@bip.ru

Греческий центр в Кемерове

Белое, синее, золотое... Мрамор, море, солнце...

Помните, как в "Бане" у Зошенко: "... куда ни глянь — кругом живот, да ноги..."

Так вот не тшись, сибиряк, зайдя ненароком вместо бани в культурный центр "Эллиникон" и куда ни глянув, увидеть обломки этаких статуй — кариатид и прочих Терпсихор. Товара этого — избыток в любом истерзанном путеводителе по земле "Дитя человечества".

Здесь ты, впад в предбанник, сиречь в вестибюль, и, распахнув от приволя овчину, долгожданно постоишь наконец-то на мозаичной голове греческой богини, безжалостно вмурованной в пол, и полноправно отряхнешь на нее стильную снежную пудру с подшитых валенок — типа: "Плавали — знаем".

Белое, синее, золотое... Мрамор, море, солнце...

Белые потолки, анфилады, арки, светильники, столбы, переднички и кокошнички официанток, рубашки барменов и крахмальные террикины настольных салфеток.

Синий зал с тринадцатиметровым настенным Адриатическим, если не Ионическим (нужное подчеркнуть) морем, обросшим, точно мидиями, островами, набережными, дельфинами, облаками и чайками, голубым потолком с нарисованными на нем верандами в розах, реальной скалой с полуразрушенной аркой и лестницей, уходящей спиралью в верхний город кобальтовых урн и куполов и ультрамариновыми тяжелыми скатертями на столах, где уже не животрепещет вовсе даже не карась.

Золотой зал с золотыми же табличками под семью копиями фрагментов фресок из этрусских гробниц, с галогеноосвещенными росписями плафонов "Дионисийских шествий" с сатирами, колесницами, тирсами под виноградной лозой (словом, все как положено) и дорожкой итальянской мебели цвета векового не топтанного Кентаврами и Лапифами морского песка.

Не страшно? — тогда милости — бонжур.

Белое, синее, золотое... Мрамор, море, солнце...

"Э-э-э, да тут не пельменная", — раскинет имярек под ускоряющийся грохот сиртаки, "И по всему самое светлое обзаведение на Кузбассе, не самое дешевое на нем же, ну и самое далекое от ихних Халкидик или Сиракуз. Эк ведь куда занесло, — то ли Грецию в Кемерово, то ли наоборот, с чего бы вдруг?" Однако вот он — культурный центр "Эллиникон", таверна, бар.

"Какой, какой это там центр? Культурный? Ну, ну...", — подумает с прищуром сибиряк, чеша от предчувствия зимы затылок, глядя на белое, синее, золотое...

Искренне Ваш **Е. Тищенко**,
автор этих строк
и художник интерьеров таверны

Греческий центр в Кемерове